

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Сборник научных трудов

Издательство Алтайского
университета

Барнаул 2001

УДК 950:316.722(257)
ББК 63.4(257)я43+63.51(257)я43
И90

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин;**
кандидат исторических наук **А.Л. Кунгуров;**
кандидат исторических наук **А.Б. Шамшин;**
кандидат исторических наук **П.И. Шульга;**
М.Ю. Кузеванова, Д.В. Папин (ответственные секретари)

И90 Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 187 с. ил.

ISBN 5-7904-0219-4

В сборнике представлены итоговые статьи участников XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции, проходившей 25–30 марта 2001 г. в Барнауле. В них отражены результаты исследований широкого хронологического и культурного диапазона в рамках обозначенной темы. Работы выполнены студентами, аспирантами, молодыми сотрудниками, преподавателями учебных и научно-исследовательских учреждений.

Издание рассчитано на широкий круг интересующихся археологией, этнографией, антропологией, культурологией и искусством.

*Сборник подготовлен и издан при поддержке Института
«Открытое общество» (Фонд Сороса). Россия, проект НАН 108*

ISBN 5-7904-0219-4

В.В. Бобров, П.Г. Соколов

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (исторический аспект)

Глубокое археологическое исследование ставит перед собой множество задач, направленных на получение наиболее полной и объективной информации, касающейся жизнедеятельности и функционирования древних обществ. Количество источников, накопленных к настоящему времени за долгие годы существования археологической науки, современный методический арсенал, интеграция с естественными науками открывают перспективы в изучении социально-экономических структур дописьменного периода в истории человечества. Опыт и знания, имеющиеся у современной науки, позволяют реконструировать многие стороны жизнедеятельности древнего населения. Это соответствует историзму отечественной археологии. Не случайно в науке возникли новые направления, которые дают возможность с достоверностью объяснить различные процессы в жизни древнейших народов.

Одним из направлений археологической науки является палеоэкономика, которая в своей сути призвана изучать функционирование и потенциал древних хозяйственных (экономических) систем (Бибииков С.Н., 1969, с. 5; Массон В.М., 1976, с. 95; Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1997, с. 8). В современном палеоэкономическом исследовании не только используются все типы археологических источников, наблюдается тесная междисциплинарная связь (палеоботаника, палеозоология, палеогеология, палеогеография, палеодемография, палеоклиматология и т.д.), но есть и собственная методология. Всему тому, что представляет собой данная дисциплина сегодня, предшествовали длительный период становления палеоэкономики как научного направления, поиск оптимальной методологии и методов исследования. С течением времени в палеоэкономике сформировались две глобальные стратегии: междисциплинарно-социологическая (системно-социологическая) и междисциплинарно-экологическая (системно-экологическая). Первая утвердилась в археологии европейской части страны, вторая характерна для западносибирской науки в целом. Поэтому целью данной работы является выявление тенденций становления и развития палеоэкономического направления в Западной Сибири. Но тем не менее западносибирская археология является неотъемлемой частью отечественной археологии.

Изучение древних экономических структур, имеющее длительную историю, в какой-то мере началось в отечественной науке еще в конце XIX в. В археологии дореволюционного периода четко выделяются три основных подхода: эмпирический, эволюционный и палеоэтнографический (Гоголина Н.В., 1997, с. 6). Непосредственно с палеоэтнографическим исследованием можно связать первые попытки применения математической статистики для анализа археологического материала (там же, с. 7). Но, безусловно, важно другое – именно широкое применение палеоэтнографического подхода в дореволюционной археологии способствовало переходу науки на путь интерпретации археологических фактов. Таким образом, уже в конце XIX в. и до конца 20-х гг. XX в., когда происходило формирование археологической науки, появляются работы Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына, В.В. Хвойко, Б.В. Фармаковского, М.И. Ростоцева, содержавшие в себе попытки исторической интерпретации археологических источников.

Дальнейшее развитие интерпретационной тенденции в археологии, несомненно, связывается с преобразованиями в идеологической сфере, последовавшими после Октябрьской революции. С середины 20-х гг. в отечественную науку внедряются марксистско-ленинская идеология и методология. Последняя затронула весь спектр гуманитарных дисциплин и преопределила переход отечественной археологии на интерпретационный уровень. Таким об-

разом, с конца 20-х гг. основным объектом археологического исследования стала история развития производительных сил и производственных отношений. В целом же до конца 50-х гг. XX в. в рамках существующей научной парадигмы большой вес имели «теория стадильности», «родовая теория», «социологический схематизм» и яфетическая теория Н.Я. Марра (Бобров В.В., 1997, с. 4; Гоголина Н.В., 1997, с. 8). Вопросы палеоэкономики в теоретическом отношении попытались рассмотреть такие исследователи, как А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселев. Попытки изучения хозяйства этого времени носили скорее описательный, нежели аналитический характер (Киселев С.В., 1951; Брюсов А.Я., 1952). Во многом это объясняется скудностью археологических источников (особенно для Западной Сибири) и несовершенством методической основы. Прикладная часть палеоэкономических исследований в то время еще исключала получение данных по функционированию экономических систем древних обществ и сосредоточивалась на установлении рода занятий и детализации элементов (Гололобов Е.И., 1996, с. 18).

Непосредственное становление палеоэкономического направления можно отнести к концу 50–70-х гг. Основанием для фундирования палеоэкономического исследования явились объективные процессы развития науки. Важнейшие археологические открытия, с одной стороны, и внедрение методов естественных и точных наук, с другой, позволили в значительной степени расширить познавательную базу в изучении первобытных обществ и обобщивать и глобализировать выводы, предлагаемые на основе археологических данных. Большое влияние на дисциплину оказало принятие «принципа системного историзма». «Новый археологический материал и новые приемы его анализа открыли широчайшие возможности в изучении экономических и общественных структур древности, позволили характеризовать тенденции в экономике и общественных отношениях первобытного строя» (Массон В.М., 1976, с. 5). Среди работ этого времени можно выделить исследования С.Н. Бибикова, В.М. Массона, А.Я. Щетенко.

Особый научный интерес представляют труды С.Н. Бибикова и В.М. Массона. Каждый из них по-своему определил задачи и методологию палеоэкономического исследования. Так, В.М. Массон (1976, с. 97) отмечал, что «палеоэкономический анализ обеспечивается комплексным характером археологических памятников, особенно исследуемых в широких масштабах, ослабляющих значение случайных выборок». При этом комплексность восходит к системе жизнеобеспечения древних обществ, о которых исследователь может судить по сохранившимся археологическим памятникам. В этой связи важным является изучение поселений и групп поселений, где по дошедшим до наших дней археологическим источникам можно судить о функционировании древних обществ. Основная задача палеоэкономического моделирования – обнаружение связи между материальными остатками человеческой деятельности и видами этой деятельности и их анализ (Массон В.М., 1976, с. 97).

С.Н. Бибиков отмечал, что постановка задачи исследования древних обществ требует прежде всего выработки наиболее полной программы, состоящей из двух взаимосвязанных частей: природы и общества (Бибиков С.Н., 1965, с. 43; 1969, с. 7). Природа – отражение ландшафта, климата, флоры и фауны. Общество – типы хозяйств, их направления (род деятельности; типы поселений и жилищ, их размеры, планировка, устройство, хозяйственные сооружения; техническое оснащение хозяйств, образ жизни – бродячий, кочевой, полукочевой, оседлый; демографические расчеты (по данным жилищ, поселений, округи); плотность населения; исчисление биологической нормы потребностей населения в необходимом продукте; экономический потенциал и емкость производства; взаимосвязь средств жизни и состояния отраслевых экономических показателей; экономические основы социальных отношений (Бибиков С.Н., 1969, с. 8).

В целом же работы этих авторов характеризуют сложившиеся во всей отечественной археологии, относительно палеоэкономического исследования и его развития, междисципли-

линарное социологическое направление. Суть данного направления заключается в широком использовании методов естественных и точных наук в сочетании с данными палеоэкономического моделирования для полного и объективного объяснения общественных (социальных) явлений в древности.

Палеоэкономическое направление в археологии Западной Сибири до середины 70-х гг. прошло схожие периоды развития. Укоренившийся в отечественной науке с конца XIX в. палеоэтнологический подход, как уже отмечалось выше, способствовал выходу археологии на новый, качественно отличающийся интерпретационный уровень. В свою очередь интерпретационный уровень в своей основе предполагает комплексные исследования. Отдавая дань научной моде, с середины 20-х гг. XX в. по всей стране начинаются типологические изыскания. Состоялись также этнологические экспедиции и в Западную Сибирь: С.А. Теплоухова в Минусинский край (1920–1926), Туву (1926–1929); С.И. Руденко и М.П. Грязнова на Алтай (1924–1929). Эти экспедиции предполагали комплексное обследование макрорайонов и ставили своей целью получение данных по археологии, этнографии и антропологии в сочетании с исследованиями естественно-географической среды обитания древнего человека (Китова Л.Ю., 1993, с. 4–5). «Комплексный подход давал ученым необходимый материал для понимания культурно-исторических явлений, происходивших в Сибири» (Китова Л.Ю., 1993, с. 5). Систематизировать данные многочисленных исследований попытался С.В. Киселев. В 1951 г. вышел его обобщающий труд «Древняя история Южной Сибири», где в логической взаимосвязи рассматривался археологический материал, накопленный за годы работ (Киселев С.В., 1951). Что касается вопросов освещения хозяйства древних обществ Южной Сибири, то они были рассмотрены частично, что объясняется рядом объективных причин: недостаточность археологического материала для интерпретации, слабая изученность данного района, отсутствие общепринятой методологии исследования хозяйственных структур. В целом же 20–50-е гг. в западносибирской археологии, так же, как и во всей отечественной археологии, в палеоэкономическом плане характеризовались, с точки зрения современной науки, данными, носящими слишком прикладной и эмпирический характер.

В 60–70-е гг. палеоэкономическая школа в Западной Сибири получила развитие в рамках междисциплинарной стратегии, которая сформировалась внутри теоретических положений, сформулированных еще в конце 20-х – первой половине 30-х гг. Суть стратегии заключается в стремлении расширить информационные возможности археологических источников за счет не разработки новых теоретических подходов, а максимального использования и совершенствования тех методов, которые уже имелись. Информационный взрыв, успехи генетики, физики, химии, математики и других естественно-научных дисциплин позволили углубить археологические исследования, а оттепель в идеологической сфере в значительной мере расширили возможности интерпретации археологических фактов. Таким образом, в первое послевоенное пятнадцатилетие в развитии археологии сопровождалось, как уже отмечалось выше, широким внедрением методов точных и естественных наук (Колчин Б.А., 1965). При использовании в археологии данных методов появились новые возможности в изучении следующих источников: сырья, остеологических материалов, палеоботанических остатков и т.д. Металлография и спектральный анализ и другие методы изучения металлических изделий, например, расширили возможности использования технологических показателей для изучения общего процесса производства; новые методы анализа палеоботанических остатков позволили выявить новые исходные данные в рационе, а следовательно, и в деталях производства древнего населения.

В свое время в западносибирской палеоэкономической археологии появилось множество публикаций, посвященных экономическим исследованиям в рамках данной методологии. Проанализировать хотя бы часть этих исследований в рамках обобщающей статьи нам не представляется возможным. Целесообразно отметить, что западносибирские археологи

успешно пользовались новейшими достижениями научной мысли, что позволило им с высокой долей достоверности проанализировать сырьевую базу древних хозяйственных систем, определить технологию изготовления орудий производства и функционально их продиагностировать. Все это дало возможность охарактеризовать основные направления хозяйственной деятельности. Наконец, широкое привлечение этнографических данных в работах этого времени позволило на шаг приблизить археологический факт к объективной археологической реальности. Но с нынешних научных позиций палеоэкономическая мысль в археологии Западной Сибири еще не давала возможности получения данных по функционированию древней экономической системы, исключала объективную оценку ее потенциала и не отражала в полной мере механизм взаимовлияния и схему перехода от одного рода деятельности к другому.

Данные недостатки можно объяснить отсутствием общетеоретической программы исследований для плодотворного и объективного изучения древней истории Западной Сибири и в силу отсутствия общей программы невозможности взглянуть на уже имеющиеся археологические источники под другим углом.

Проблема состояния археологических источников и их общетеоретического осмысления была поднята в середине 70-х гг. В.И. Матющенко (1976) объявил перспективным вопрос о взаимоотношении общества с окружающей средой. По его мнению, интересной областью исследования для западносибирских археологов является проблема взаимоотношения культур тайги и степи. Постановка данного вопроса представляла для «историка-археолога» большой интерес во многих отношениях и давала возможность изучить малоисследованные тенденции в жизни древних структур Западной Сибири: «в какой мере население данных районов было заинтересовано во взаимных экономических связях», «совпадала ли граница разделения труда с этническими или культурными границами», «в какой мере происходили изменения в культуре и экономике населения, раннее расселенного в степи и лесостепи, и в силу разных обстоятельств переселившегося в условия тайги», «как население тайги постепенно втягивалось в общемировую экономическую жизнь» (Матющенко В.И., 1976, с. 7–9).

Таким образом, в середине 70-х гг. у исследователей появляется интерес к изучению экологической обусловленности человеческой жизнедеятельности. Но необходимо отметить, что впервые к проблемам взаимодействия древнего населения Западной Сибири с естественно-географической средой исследователи обратились еще в предвоенные годы. «Но в работах эти вопросы обсуждались либо попутно, либо носили популярный характер» (Эрлих В.А., 1986, с. 125). Для данных работ были характерны простая фиксация фактов и предположения. В.А. Эрлих отмечает, что впервые серьезным рассмотрением этого вопроса в середине 60-х гг. занялся С.В. Кириков, а продолжена данная тенденция была в работах С.А. Цепкина, И.Т. Трошина, Л.Н. Гумилева и в ранних работах М.Ф. Косарева (Эрлих В.А., 1986, с. 126). Всплеск интереса к проблемам экологии в 70-е гг. связывается с общенаучными тенденциями. Первые глобальные экологические катастрофы, резкое ухудшение экологического состояния Земли в целом обратили на себя внимание всего мирового научного сообщества. В свою очередь изучение взаимовлияния и взаимодействия древнего человека в статике и динамике могло бы помочь экологической науке познать первичные адаптивные возможности человека и выявить закономерности изменения климата. Существенным подспорьем в этом могли служить новейшие достижения естественной науки.

Проблемы естественно-географической среды и исторических процессов в Западной Сибири были затронуты на совещании в Томске в 1979 г. М.Ф. Косарев и А.М. Агальцев в своих работах обосновали и доказали целесообразность рассматривать в единстве диалектические противоположности: общество и географическая среда (Косарев М.Ф., 1979, с. 5–7; Агальцев А.М., 1979, с. 7–10). Так, М.Ф. Косарев (1979, с. 6) для объяснения механизма взаимодействия общества и среды предлагает рассматривать природу как часть обще-

ства, которая, будучи преобразована человеком, становится компонентом его производительных сил. В целом совещание отразило тенденции в археологии Западной Сибири, наметившиеся еще с начала – середины 70-х гг. и, по сути дела, определило переход палеоэкономического направления на системно-экологические позиции. Экологический подход на данном этапе ярко представлен в работах М.Ф. Косарева (1974, 1979, 1981, 1984, 1986). Суть подхода заключается в выявлении и использовании «региональных и эпохальных закономерностей адаптации человеческих обществ к окружающей среде» (Косарев М.Ф., 1986, с. 3). По мнению автора, изучение региональных и эпохальных ракурсов позволит исследовать факторы неравномерного социально-экономического развития древнейших народов (Косарев М.Ф., 1974, с. 39–40; 1986, с. 8–9).

Апеллируя к данным естественных наук об увлажнении и усыхании климата и выяснив, что «в течение двух тысячелетий, предшествующих нашей эре, в Западной Сибири сменилось три климатических фазы: влажный период (канун второго тысячелетия до н.э.), период усыхания (середина и вторая половина второго тысячелетия до н.э.), новое сильное увлажнение (середина и вторая половина первого тысячелетия до н.э.)» – М.Ф. Косарев доказал, что при характеристике древних культур нельзя проводить аналогии с современной географией, так как условия ландшафта эпохи бронзы были иными (Косарев М.Ф., 1981, с. 5–6).

На территории западносибирской равнины в эпоху бронзы М.Ф. Косарев (1981, с. 53–124) выделяет три основные хозяйственные области: 1) производящее хозяйство юга Западно-Сибирской равнины (степь и лесостепь); 2) присваивающее хозяйство северных районов Зауралья и Западной Сибири (тайга и тундра); 3) многоотраслевое хозяйство подтаежной и южно-таежной полосы Западной Сибири (север лесостепи и юг тайги).

В целом в основе исследования древнего хозяйства Западной Сибири ученые придерживались следующих принципов:

- 1) учет естественно-географического окружения и динамики природной среды, в которых идет социально-экономическое развитие древних обществ;
- 2) анализ производительных сил общества, основанного на археологическом материале, с привлечением палеогеографических, экологических и этнографических источников;
- 3) исследование развития хозяйства широких этнокультурных макрорайонов, а не отдельных культурных комплексов.

В это время появляется множество исследований западносибирских археологов, направленных на изучение древних экономических систем, в рамках новой общетеоретической концепции: В.И. Молодина, Ю.Ф. Кирюшина, М.Ф. Косарева, В.И. Матющенко, В.В. Боброва и других.

С середины до конца 80-х – середины 90-х гг. внутри системно-экологической стратегии палеоэкономического исследования в Западной Сибири уместно выделить новый, качественно отличающийся от предыдущих, период. Переход был связан с кризисом старых методов археологических исследований: к этому времени исправно действовавшие междисциплинарные принципы уже не могли удовлетворить растущих гуманитарных интересов археологической науки. Несомненно, нельзя недооценивать применение данных естественных и точных наук в археологии, которые исправно действуют до сих пор. Но использование их в общих масштабах начало приводить к консервации исторической доминанты археологической науки. Так, под влиянием назревавшего кризиса в археологии в 1986 г. вышел сборник «Палеоэкономика Сибири», который в полной мере отразил наметившиеся тенденции западносибирской археологии в частности и отечественной археологии в целом. М.Ф. Косарев (1986, с. 3) в работе «Экологические аспекты археологического исследования», открывающей сборник, пишет, что методы математических и естественных наук не оказывают должного влияния на историзм археологического исследования. «Насущной задачей нашей археологической науки на нынешнем этапе ее развития является разработка методов интерпретационного, исторического, палеодемографи-

ческого теоретического уровня...» Автор объявляет о наибольшей перспективности экологического, палеоэтнографического и системного подходов в археологии и выходе с их помощью на новый исторически-интерпретационный уровень. В основу подхода были заложены адаптивные возможности человеческих обществ к окружающей среде (Косарев М.Ф., 1986, с. 3–11).

С начала 90-х гг. продолжилась дальнейшая экологизация палеоэкономических исследований. Л.Б. Ермолов (1990, с. 58–60) предлагает рассматривать жизнеобеспечивающие системы не как адаптивный механизм, а как механизм авторегуляции. Под последним понимается способность человеческого общества создать систему, которая в динамике изменения хозяйственных форм обеспечивает стабильность жизнедеятельности. А.Н. Садовой затрагивает проблему построения при палеоэкономическом моделировании оптимальной и экологически обоснованной модели. Выход, предлагаемый А.Н. Садовым (1990, с. 80–82), заключается в моделировании на археологический материал системообразующих связей механизма внебиологической адаптации коллективов, осваивающих аналогичную природную нишу, с учетом возможной вариантности.

С середины 90-х гг. методическая база палеоэкономического исследования характеризуется новым этапом развития. Сформировавшиеся представления о методике палеоэкологического анализа (его практической части) можно проследить по работам последних пяти лет. Так, Н.П. Матвеева (1998, с. 13) предлагает алгоритм палеоэкономического исследования: реконструирование палеоклиматических условий, анализ системы расселения на основе теории центральных мест, рассмотрение эксплуатации потенциально-экономических зон, описание и классификация жилищ, описание системы жизнеобеспечения и построение палеоэкономических моделей по опорным поселенческим памятникам с привлечением этнографических данных. При моделировании социально-экономических структур древних обществ таежной зоны Е.И. Гололобов (1997, с. 12) объявляет о перспективности построения оптимальной и экологически обоснованной модели, в основу которой может быть положен «принцип равновесия» во взаимоотношениях природы и человека.

Так или иначе выбор методологии исследования зависит от самого автора и от особенностей изучаемого района. Нам кажется, что увязка палеоэкономического исследования с окружающей средой, безусловно, необходима. Но не следует забывать, что в археологии экологический фактор тесно переплетен (если брать его за основу) с массой других, не менее важных (историческая картина, палеогеография, палеоэтнография) (Косарев М.Ф., 1986, с. 5; 1989, с. 42–62). Таким образом, тот или иной методологический принцип по мере развития науки в целом имеет свой предел при использовании его в исторически интерпретационных интересах. Поэтому, во избежание периодически возникаемых кризисов археологической науки, хотя об этом говорить еще рано (экологический подход еще не исчерпал своих возможностей), уже сейчас нужно заниматься активным поиском новых методологических и философских концепций и новых методов палеоэкономического исследования.

Дальнейший импульс развитию направления, по нашему мнению, должны дать новейшие компьютерные технологии, открытия в области математики естествознания и философии. На данный же момент, как нам кажется, наиболее перспективным является подход, заложенный Л.Б. Ермоловым и А.Н. Садовым, который не утратил своей актуальности. При рассмотрении – с точки зрения адаптивно-адаптационных возможностей человеческих обществ к окружающей среде – можно под другим углом взглянуть на казалось бы изученные и объясненные факты древней истории.

В целом, в последние годы появляются новые методические разработки, продолжается дальнейшее изучение вопросов, связанных со взаимодействием природы и общества, появляются новые научные направления (геоархеология, палеоэкологоархеология). Большой перспективностью отличается палеоэкологоархеологическое направление, объектом изуче-

ния которого является: «1) палеогеографические ландшафты...; 2) археологические комплексы в составе палеоландшафтов; 3) воздействие природы на человека в условиях конкретных экологических ниш; 4) сложившиеся палеоэкономические и палеокультурные комплексы» (Матющенко В.И., 1999, с. 90). Дальнейшее развитие получил анализ палеоостеологических материалов, являющихся важнейшими источниками при палеоэкономических реконструкциях. Показателен в этом плане опыт Н.С. Лариной и Н.П. Матвеевой (1999, с. 139–142) по изучению минерального состава костных останков.

Таким образом, в последние несколько лет наблюдается тесная связь методических разработок. Опыт, накопленный в палеоэкономике за все предшествовавшие годы, и разработки последних лет активно используются для получения объективной информации по функционированию древних экономических систем. Это позволяет говорить, о том, что с середины 90-х гг. палеоэкономическое исследование развивается в рамках мультидисциплинарного подхода.

Таким образом, палеоэкономическое направление в Западной Сибири в своем развитии прошло четыре периода: 1) 30–50-е гг., характеризовавшиеся установлением рода занятий и выделением элементов производства; 2) 60–70-е гг., в границах которых палеоэкономика Западной Сибири развивалась по междисциплинарным принципам; 3) конец 70-х – середина 90-х гг. ознаменовались переходом к системно-экологической стратегии и выходом археологии на исторически-интерпретационный уровень; 4) с середины 90-х гг. наблюдается выход палеоэкономики на мультидисциплинарную стратегию.

Библиографический список

1. Агальцев А.М. Взаимодействие предгоминид – основа общения формировавшихся людей // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 7–10.
2. Бибииков С.Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // СА. 1965. №1. С. 48–62.
3. Бибииков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // СА. 1969. №4. С. 5–22.
4. Бобров В.В. Историография и современное состояние изучения социальной организации древних обществ в археологии // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 3–7.
5. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Проблемы использования методов реконструкции древних обществ // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 7–11.
6. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. 264 с.
7. Гоголина Н.В. Теория и методология социальных реконструкций в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. 18 с.
8. Гололобов Е.И. Системный подход в палеоэкономике (введение в тему) // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. 1. С. 17–19.
9. Гололобов Е.И. Возможности моделирования социально-экономических структур древних обществ таежной зоны Западной Сибири // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 11–13.
10. Ермолов Л.Б. К проблеме экологического формирования системы авторегуляции хозяйственно-культурных комплексов народов Северо-Восточной и Центральной Азии // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 58–60.
11. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.

12. Китова Л.Ю. Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 22 с.
13. Колчин Б.А. Археология и естественные науки // МИА. 1965. №129. С. 7–26.
14. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 168 с.
15. Косарев М.Ф. Производительные силы общества как средство превращения географической среды в социальную // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 5–7.
16. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.
17. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 245 с.
18. Косарев М.Ф. Экологические аспекты археологического исследования (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3–11.
19. Ларина Н.С., Матвеева Н.П. Некоторые данные о минеральном статусе костных тканей людей раннего железного века // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 139–142.
20. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). Л., 1976. 191 с.
21. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зоны): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1998. 15 с.
22. Матющенко В.И. О состоянии и возможностях изучения социально-экономической истории древнего населения Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 3–12.
23. Матющенко В.И. Экологический фактор функционирования археологического микрорайона // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 89–91.
24. Садовой А.Н. К методике палеоэкономического моделирования // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 80–82.
25. Эрлих В.А. Взаимоотношение человека и природы в бронзовом веке на территории Западной Сибири (обзор литературы) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 125–133.

Л.А. Бобров

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ВООРУЖЕНИЕ И ТАКТИКА ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ МОНГОЛОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XVII в.)

Военная история, тактика, а отчасти и вооружение монгольских кочевников позднего средневековья вплоть до сегодняшнего дня остаются фактически «белым пятном» в отечественной историографии. Только в начале 90-х гг. появились работы, рассматривающие элементы вооружения народов северной периферии восточно-евразийской степи (Худяков Ю.С., 1991, с. 87–100; Михайлов В.А., 1993). Среди собственно монгольского военного комплекса было проанализировано только защитное вооружение (Горелик М.В., 1979, с. 96–99; Бобров Л.А., 2000, с. 80–88). Вместе с тем существует значительный массив археологических, иконографических и письменных источников, достаточно полно освещающих интересующую нас тематику.

Оценка эффективности военного искусства того или иного народа складывается из трех основных компонентов: оценки уровня вооружения этноса, его тактических действий на поле боя, общего стратегического итога войны. При анализе двух последних компонентов по отношению к монголам XVII в. исключительно важную роль играют письменные источники их ближайших соседей: маньчжуров, русских, жителей Средней Азии. Большинство из этих работ в последнее время было переиздано и переведено на русский язык («Материалы по истории русско-монгольских отношений», тома 1–3, 1959, 1996, 2000; «Хроники» Шах Махмуда Чураса, 1976, «Записки о монгольских кочевьях» («Мен-гу-ю-му-цзы»), 1895; и т.д.). Труднодоступные материалы китайских авторов привел в своей работе (хотя и не подверг военно-историческому анализу) И.Я. Златкин (1964, 1983). Безусловно, важным иконографическим источником для нас является маньчжурская миниатюра XVII–XVIII вв., а также собственно монгольские источники: документы права и (при критическом подходе) эпос.

Известные материалы позволяют нам достаточно четко дифференцировать вооружение и тактику монголов XVII в. по географическому и даже этническому признакам. Ключевым моментом в таком разделении являются особенности ведения боя, а также количество, способы и масштабы применения наиболее совершенного на тот момент типа вооружения – ручного огнестрельного оружия.

Используя подобный подход, общемонгольское военное искусство условно можно разделить на два основных компонента: «восточномонгольский» (к его носителям можно отнести халхасцев, монголов государства Алтын-ханов, чахаров, бурятов, а из немонгольских народов – енисейских кыргызов) и «западномонгольский» (или «джунгарский»).

Военное искусство восточных монголов

Вооружение. В XVII в. единственной ударной силой восточномонгольских войск, как и столетия назад, продолжала оставаться кавалерия, делившаяся на «легкую» (бездоспешные лучники) и «среднюю» (копейщики-«куяшники») («Материалы...», 2000, с. 124, 144). Последние достаточно широко использовали разнообразные виды защитного вооружения: пластинчато-нашивные и ламеллярные панцири, различные типы шлемов и наручей, как местного, так и иностранного производства (Бобров Л.А., 2000, с. 81). В государстве Алтын-ханов (до середины XVII в.) не только «лутчие люди», но и их кони были защищены «железными доспехами и приправами» («Материалы...», 1959, с. 286). Однако в условиях феодальной раздробленности, отсутствии жесткой вертикали власти, разрыва отношений с традиционными поставщиками оружия восточномонгольские нойоны в первую очередь были озабочены укомплектацией своих личных дружин, и в результате основная масса простых вои-

нов-аратов была вооружена достаточно слабо. Отсутствовала унификация вооружения, не хватало не только панцирей, шлемов и сабель, но и копий и даже луков. После вхождения Халхи в состав Цинского государства новым властям на протяжении еще 20 лет приходилось вводить все новые и новые штрафы, чтобы заставить монгольское население производить и покупать необходимые предметы вооружения («Халха Джурум», 1965, с. 82, 85).

По словам монгольских послов, вплоть до 30-х гг. XVII в. «вогненного боя» в кочевьях не было («Материалы...», 1959, с. 286). Да и в более поздний период широкого распространения среди восточных монголов огнестрельное оружие так и не получило. Во многом это было связано с нежеланием оседлых народов снабжать своего беспокойного соседа (а в будущем потенциального противника) столь совершенным видом вооружения. Причем порой борьба с потенциальной контрабандой принимала достаточно жесткие формы. Так, московские власти не останавливались даже перед обыском официальных монгольских посольств, ведших переговоры о вхождении своих княжеств в состав Российского государства («Материалы...», 1959, с. 289). Похожую позицию заняли и правители Поднебесной.

Комплектование и тактика. Легкую конницу – основу халхасских и чахарских армий – составляло народное ополчение скотоводов-аратов. Отряды «средней» кавалерии комплектовались из профессиональных воинов: дружинников владетельных ханов и представителей мелкой феодальной знати. Обычно латники действовали вместе с легковооруженной конницей, но иногда из них комплектовались отдельные отряды, достигавшие внушительной цифры в 4–5 тыс. человек («Материалы...», 2000, с. 141). Общая численность войск Халхи, по сведениям русской разведки, превышала 100 тыс. человек («Материалы...», 2000, с. 181). Однако политическая раздробленность Восточной Монголии, не прекращающиеся междоусобицы привели к тому, что армии халхассцев к моменту решающей схватки с джунгарскими агрессорами не превышали 10 тыс. человек (Златкин И.Я., 1983, с. 186). Армии северной периферии степи были еще менее многочисленны: войска Алтын-ханов насчитывали 10–18 тыс. человек («Материалы...», 2000, с. 235), енисейских кыргызов – 5–6 тыс. человек, бурятов – 2 тыс. человек (Михайлов В.А., 1993, с. 52).

Тактика ведения боя восточными монголами практически не изменилась со времен Чингисхана. Она включала в себя 3 фазы: обстрел противника из луков, атака копейной конницы, рукопашный бой на клинковом оружии («Материалы...», 1959, с. 54, 286). Однако такая тактическая схема для XVII в. была уже явным анахронизмом, а вкупе с низким уровнем дисциплины и слабой индивидуальной подготовкой воинов неизменно приводила монгольские войска к поражению даже в столкновении с двукратно уступающим по численности противником («Материалы...», 2000, с. 319).

Военное искусство джунгар

Вооружение и комплектование. Вплоть до середины XVII в. система вооружения и комплектования джунгарских армий мало отличалась от восточномонгольских аналогов. Однако здесь военное и культурное влияние государств Запада (Бухарского ханства и России) уже со второй четверти XVII в. становится достаточно ощутимым. Ойраты начинают достаточно широко применять в общем-то не свойственные монголам предметы вооружения: кольчато-пластинчатые доспехи («бехтерцы»), кольчуги, «рогатины» и т.д., как среднеазиатского, так и выполненного русскими «ясачными людьми» производства (Потапов Л.П., 1953, с. 137). Однако по-настоящему серьезные изменения произошли в 60–70-е гг. и были связаны с широким внедрением ручного огнестрельного оружия в ойратской армии. По всей видимости, это было связано с тем, что джунгарские правители во время серии ойрато-казахо-«бухарских» войн смогли наглядно убедиться в эффективности действий пехоты, вооруженной ружьями и занимающей укрепленные позиции (Златкин И.Я., 1964, с. 198). Сам факт

применения кочевниками огнестрельного оружия не удивителен (вспомним, как быстро и успешно усвоили монголы Чингисхана осадную джурдженьскую технику), поражает размах перевооружения. Современники называли цифры в 20 и даже 30 тыс. стрелков с «огненным боем» («Материалы...», 2000, с. 335, 338, 385). Последнее, при общей численности джунгарской армии в 40–50 тыс. человек (Бичурин Н.Я., 1991, с. 48), маловероятно, но сам факт широкого применения джунгарами огнестрельного оружия неоспорим. Русские летописцы и осведомители настойчиво подчеркивают эту особенность ведения боя ойратами, причем это становится особенно заметно, когда джунгар начинают сравнивать с их восточными собратьями: «И калмыки (джунгары) в военном деле гораздо мунгалов (халхасцев. – Л.Б.) сильны и много имеют огненного боя от бухарцев» («Материалы...», 2000, с. 181), «...калмыцкий Бошохту-хан с людьми своими со многим огненным боем мунгальского хана... разбил» (там же, с. 303) и т.д.

В начале XVIII в. «ружья и пищали» стали производиться и в самой Ойратии, но в XVII в. основным экспортером этого вида вооружения, по сведениям русских осведомителей, были среднеазиатские государства («Материалы...», 2000, с. 181). Однако мощный поток контрабанды шел и с территории России. Закупкой огнестрельного оружия в Москве занимались бухарские купцы (которых в отличие от монгольских послов русские власти осматривать не решались), в результате чего вплоть до начала 80-х гг. в Джунгарию регулярно отправлялись «по 30 и больше возов» с огнестрельным оружием («Материалы...», 1996, с. 357).

Судя по маньчжурским миниатюрам, ойратские «мушкетеры» не носили доспехов и не были способны вести рукопашный бой, поэтому в сражении их прикрывали воины с копьями и пиками, которые накануне Ологойской битвы были выданы из ханских arsenалов даже русским послам («Материалы...», 2000, с. 385).

Кроме стрелков из огнестрельного оружия (передвигавшихся на лошадях и спешивавшихся на поле боя), в состав армии входили конные стрелки из лука, а также латники, вооруженные древковым и клинковым оружием (Потапов Л.П., 1953, с. 137). Помимо самих ойратов в составе войск Галдана Бошохту-хана числились отряды данников и союзников Джунгарии: кыргызов («Материалы...», 2000, с. 426), «бухарцев» (там же, с. 349), халхассов.

Тактика. Непрерывающиеся войны, которые вела Джунгария, предопределили гибкость тактики ойратов. И если на Западе «колмаки» сделали ставку на быстрые рейды своей латной конницы, то на Востоке, где им противостояли более многочисленные и лучше вооруженные отряды империи Цин, джунгары предпочитали вести оборонительные бои и добиваться победы в контратаках.

На поле боя ойраты выстраивались в две линии, так чтобы фланги были выдвинуты в сторону противника и прикрыты болотом, лесом или горами (Златкин И.Я., 1983, с. 190). В первую линию боевого порядка становились «мушкетеры» и, возможно, копейщики. Их позиции джунгарские полководцы пытались прикрыть либо естественными складками местности, либо плетеным тыном (Златкин И.Я., 1983, с. 194). В случае, если противник напал на армию джунгар внезапно «живым щитом», для прикрытия стрелков могли выступать стада крупного рогатого скота («Материалы...», 2000, с. 349). Плотность огня ойратов была настолько велика, что маньчжурские воины, несмотря на поддержку собственной артиллерии, были вынуждены спешиваться и атаковать Галдана в пехотных колоннах («Записки...», 1895, с. 350–351).

Основной задачей стрелков было остановить атаку войск противника, в то время как кавалерия (составлявшая вторую линию джунгарских войск) должна была опрокинуть его фланги. Такая тактика, основанная на активных действиях кавалерии с опорой на «огнестрельную» пехоту, широко применялась в Средней Азии еще в XVI в. (Дюпюи, 1997, с. 344), но была совершенно неизвестна на степных просторах к востоку от Алтайских гор. Именно она характеризовала предпоследнюю стадию развития военного искусства кочевников. Во многом благодаря ей были одержаны победы над халхассами (приведшие к ликвидации восточномонгольской государственности) и лучшей армией Дальнего Востока – регу-

лярными войсками империи Цин. Особенно ярко превосходство джунгарской тактики над тактикой воинов Халхи было продемонстрировано во время сражения у оз. Олгой в самом начале войны, когда после степной кавалерийской схватки халхасцы были оттеснены джунгарами к топким озерным берегам, где «...не мочно де было... конем ездить» и были (не смотря на наспех возведенные укрепления) в упор расстреляны подоспевшей огнестрельной «пехотой», причем вырваться из окружения удалось только самому Тушету-хану с кучкой телохранителей («Материалы...», 2000, с. 335). После этого сражения только вступление в войну Цинской империи воспрепятствовало объединению Монголии в единое государство.

Причину поражения джунгар в войне 1688–1697 гг. следует искать не на поле боя (где джунгарская армия показала себя почти безупречно), а в стратегических просчетах ойратских полководцев и междоусобной грызне джунгарской знати.

Таким образом, можно констатировать, что основное различие военного искусства кочевников Ойратии и Восточной Монголии заключалось в том, что для первых огнестрельное оружие стало основой ведения сражения, а для вторых лишь одной из многих форм дистанционного боя. Это во многом предопределило военное поражение Халхи, приведшее к ликвидации ее национальной независимости и, как следствие, к завершению развития ее военного искусства как самостоятельного военно-исторического феномена. В то время как джунгарская продолжала развиваться по пути возрастания значимости огнестрельного оружия, его производства в степных условиях и создания собственной артиллерии.

Приложение

В последней четверти XVII в. Джунгарское ханство добилось значительных внешне-политических успехов: ему был подчинен Восточный Туркестан, временно ликвидирована опасность со стороны казахских жузов, ослаблена Халха. Казалось, наступил благоприятный момент для объединения Монголии в единое государство. В 1688 г. войска Галдана Бошокту-хана вторглись в Восточную Монголию. Очень быстро войска халхасцев были разбиты, но на их стороне в войну вступила Цинская империя, сама мечтавшая о подчинении Монголии. Однако маньчжурский экспедиционный корпус был разбит ойратами в Ологойской битве (летом 1690 г.). Но император Сюань-Е, объявивший Галдана «злейшим врагом династии», не собирался сдаваться, тем более, что в Ойратии, метрополии Бошокту-хана, поднял мятеж его племянник Галдан-Церен, который «отрезал» дядю от родных кочевий. Узнав об этом, Галдан начал отступать на север, но был настигнут в Улан-Бутуне стотысячной маньчжурской армией, однако сумел отбиться и отойти. Находящейся «между двух огней», покинутый союзниками, лишенный баз, надеющийся только на помощь России, Галдан сражался еще 6 лет. И только в 1696 г. маньчжурам, в тяжелом для обеих сторон сражении у Дзун-Мод, удалось одержать верх. В следующем 1697 г. Галдан Бошокту-хан умер. И война прекратилась, но только для того, чтобы в XVIII в. вспыхнуть с новой силой.

Реконструкции трех основных сражений ойрато-маньчжурской войны 1688–1697 гг. выполнены по материалам русских летописей («Материалы», 2000), сообщениям маньчжурских военных чиновников («Мен-гу-ю-му-цзы», 1895, с. 348–351; Златкин И.Я., 1983, с. 190–195; и др.).

1. Сражение у оз. Ологой. 21 июля 1690 г. (рис. 1.-1)

Джунгары: 20000–25000 человек (кавалерия, спешенные воины, вооруженные огнестрельным оружием, копейщики).

Цинские войска: 20000 человек (кавалерия «легким делом, с копыи, луки и сайдаки»).

А. Нападение на джунгарский лагерь 500 халхасов и 200 воинов из Южной Монголии, «скравших» ойратские караулы, отбито латниками Галдана Бошокту-хана.

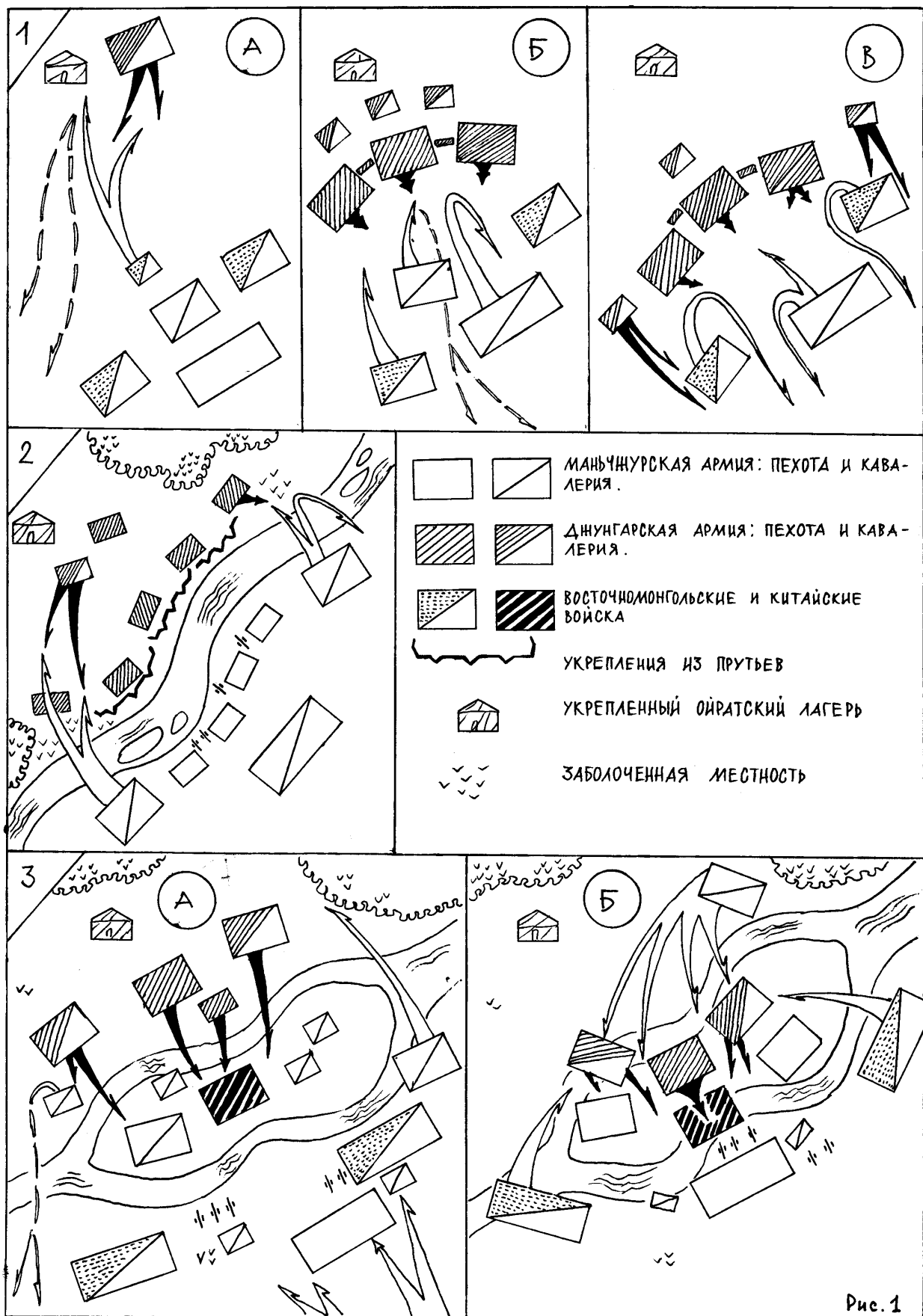

Рис. 1. Схемы сражений

Б. Джунгары, «распорядя свое войско в две линии, построились полумесяцем» и ружейным огнем отбили атаку маньчжуров.

В. Объединенная атака халхасов и цинского резерва захлебнулась, так и не достигнув переднего края обороны джунгар. «После того, когда наша первая часть войска с калкаским войском на них наступала, то калка, опасаясь их огненного ружья, прежде всех побежала, за которыми и все джасакские (южно-монгольские), не видя себе подкрепления, им уступили» (из сообщения командования войск Цинской империи). Фланги цинской армии были сметены атакой джунгарской конницы, «обступавшей» основные силы имперцев. Видя опасность окружения, Арани отдал приказ о начале общего отступления. Ойраты преследовали цинцов несколько недель, но полностью уничтожить группировку Арани им все же не удалось.

2. Битва при Улан-Бутуне. 1–2 августа 1690 г. (рис. 1.-2)

Джунгары: 20000 человек.

Цинские войска: 100000–110000 человек (кавалерия, стрелки из ручного огнестрельного оружия, артиллерия).

На заре 1 августа маньчжурская разведка обнаружила на берегу реки ойратские войска. Джунгары разместили отряды в лесу на высоких откосных берегах реки, «для защиты полужа перед собой верблюдов» (в последующие дни применялись щиты из прутьев и укрепления из сваленных деревьев). Пользуясь пятикратным превосходством в живой силе, цины сковали центр ойратской армии перестрелкой из ружей и пушек, в то время как их отряды на обоих флангах переправились на противоположный берег.

Левому крылу маньчжуров удалось окружить и сбить с позиций джунгарских стрелков, на правом фланге наступление цинцов было менее удачным. Восьмизнаменная конница увязла в болотах и была отброшена джунгарской контратакой.

Вечером маньчжурские полководцы, так и не сумев укрепиться на вражеском берегу, отвели войска. Следующие четыре дня сражения не принесли успеха ни одной из сторон. В итоге сражение закончилось «в ничью». Ночью (5 августа) Галдан снялся с позиций и ушел на север. Цины не преследовали его.

Сражение при Улан-Бутуне демонстрирует блестящие боевые возможности джунгарской армии: несмотря на пятикратное (!!!) превосходство в живой силе, наличие артиллерии и резервов Цины («лучшая армия Дальнего Востока», не так давно сокрушившая многомиллионный Китай) так и не сумели уничтожить войска Галдана Бошокту-хана.

3. Битва у Дзун-Мод. Июнь 1696 г. (рис. 1.-3)

Джунгары: 5000–6000 человек

Цинские войска: 35000–40000 человек (пехота, кавалерия, артиллерия).

А. Авангард цинской армии, встретив джунгарские отряды, отошел на основные позиции. В ожидании ойратов Цины построили армию в боевой порядок (в центре – китайские войска, справа и слева от них «столичные» шо-пинь-фуские и синаньские войска, на флангах – монголы. Датунский отряд был послан в засаду в обход горы, напоминавшей «лошадиное седло», небольшие отряды Цзунь-бину Така (1000 человек) и нинь-янский отряд (1300 человек) заняли соответствующие позиции за артиллерией на правом и левом флангах).

Как только цинская армия построилась на вершине горы, стало ясно, что ойраты так же начали общую атаку, «но увидав, что войско (цинцов. – Л.Б.) уже заняло вершину горы, они остановились у восточного склона ее и под его прикрытием открыли пальбу из ружей вверх».

Когда «солнце приблизилось к полудню» Галдан Бошокту-хан бросил все силы на прорыв центра маньчжурской армии. Тогда цинским войскам «был отдан приказ спешиться, каждый солдат взял по пять лошадей, а остальные пешими устремились в бой». Был открыт огонь из орудий, но Галдан с женой Ану и другими мятежниками, невзирая на пушки и

Рис. 2

Рис. 2. Вооруженные воины эпохи позднего средневековья

стрелы, сражались, побросав лошадей. Натиск их был настолько силен, что не было возможности нанести им поражение. Потери убитыми и ранеными с той и другой стороны были одинаковы (из сообщения цинского командования).

Цинский центр прогнулся, наступил решающий момент сражения. В это мгновение маньчжурский отряд, посланный в засаду, обрушился на беззащитный ойратский лагерь и тылы джунгарской армии, а цинские полководцы начали контрнаступление по всему фронту. Большая часть ойратской армии (более 3 тыс. человек) попала в окружение и была уничтожена, а меньшая бежала с поля боя.

Описание изображений на рисунке 2:

1. Ойратский «мушкетер» армии Галдана Бошокту-хана в походном снаряжении (реконструкция сделана по маньчжурским изображениям XVII – первой половины XVIII в.). Стрелок одет в халат («тон») с длинными рукавами («чен») и обшлагами («уштук»). Халат подпоясан кушаком. На ногах – мягкие сапоги («чымчак идик»). В руках воина – среднеазиатское фитильное ружье («мултук») с сошками и тонким изогнутым прикладом (Оружейная палата). К поясу подвешены нож и сабля «бухарского типа». За спину заброшен щит, сбитый из деревянных планок.

Во время боя (судя по маньчжурским миниатюрам) полы халата заправлялись за пояс, а сошки распрямлялись. Стрельбу вели с колена, реже стоя. Произведя выстрел, «мушкетер» отходил назад и перезаряжал ружье, а его место занимал следующий воин.

2. Знатный кашгарец на службе у джунгарского правителя (реконструкция сделана по материалам маверонахрской миниатюры XVII в. и экспонатам Оружейной палаты). Поверх стального шлема из пластин с наушами и плюмажом из конского волоса намотана чалма. Кольчужная рубашка с коротким подолом и рукавами до середины предплечья поддета под плотный войлочный халат («чопкут») с осевым разрезом, стоячим воротником и наплечниками. Грудь и живот латника предохраняет зерцальный доспех, состоящий из четырех прямоугольных пластин (последние фиксируются на корпусе с помощью наплечных и на шейных ремней). Железные наручи прикрывают руки, а кольчато-пластинчатая броня – ноги воина. На боку – колчан со стрелами, налуч и сабля. За спиной – прутяной щит. Голова лошади прикрыта железной маской.

3. Джунгарский офицер (конец XVII в.). Высокий «вазообразный» шлем с козырьком, кожаными наушами и назатыльником, плюмажом из конского волоса и перьев. Кольчато-пластинчатый панцирь («бехтерец») среднеазиатского производства. Наручи.

4. Халхасский феодал в доспехах цинского офицера (по материалам музеев КНР). «Пирамидальный» шлем с плюмажом и пластинчато-нашивными наушами и назатыльником. Типичный маньчжурский жилет дополнен рукавами (в материю вшиты металлические пластины так, что наблюдателю видны лишь ряды заклепок), наплечниками и «подмышечниками». На тканевую основу подола нашиты пластинки от ламеллярного доспеха. «Жилет», по монгольской традиции, подпоясан кушаком (сами маньчжуры не подпоясывали верхнюю одежду). На ногах халхасца оформленные цветной аппликацией «кадыг идик». К поясу подвешены нож, колчан со стрелами и налуч. В руках – маньчжурский палаш и плетеный прутяной щит с умбоном.

Реконструкции и рисунки выполнены автором.

Библиографический список

1. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия. Элиста, 1991.
2. Бобров Л.А. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы РАЭСК 2000. Новосибирск, 2000. Т. 3.

3. Горелик М.В. Средневековый монгольский доспех // Третий международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, 1979.
4. Горелик М.В. Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
5. Записки о монгольских кочевьях («Мен-гу-ю-му-цзы»). СПб., 1895.
6. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, 1983.
7. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636. М., 1959.
8. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654. М., 1974.
9. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. М., 1996.
10. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. М., 2000.
11. Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ, 1993.
12. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953.
13. «Халха Джурум» (памятник монгольского феодального права). М., 1965.
14. Худяков Ю.С. Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1991.

Научный руководитель – д.и.н., проф. НГУ Ю.С. Худяков

А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский, В.А. Борисов

*Кузбасский государственный технический университет, Кемерово;
Кемеровский педагогический колледж; школа №10, Гурьевск*

ПОСЕЛЕНИЕ САРАТОВКА-6

Памятник расположен на правом берегу р. Ур, в 0,6 км к северу от с. Саратовка, по полевой дороге, на первой надпойменной террасе, представляющей собой холм, полого спускающийся к реке. Памятник был открыт и обследован в 1960-х гг. М.Г. Елькиным, о чем свидетельствуют следы раскопок на территории памятника и топографическая карта из его архива, где обозначено наличие этого объекта. В 1999 г. это поселение было обследовано Ю.В. Шириным. В 2000 г. сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции исследовали этот памятник и заложили раскоп 8x8 м на месте современного грабительского раскопа (Илюшин А.М., 2001).

В раскопе были выявлены артефакты двух культурно-хронологических эпох (поздняя бронза и позднее средневековье), которые располагались в одном культурном слое (рис. 1).

Материалы эпохи поздней бронзы находят аналогии в материалах андроновидных культур Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины и заслуживают более детального рассмотрения.

Керамика. Морфологически относится к двум типам – баночному и горшковидному. Доминирует резная техника нанесения орнамента, но встречен и гребенчатый штамп. Всю посуду можно условно разделить на 6 групп.

Первая группа представлена фрагментами небольших тонкостенных столовых сосудов, орнаментированных по шейке рядами ямок или наколов, иногда в сочетании с прочерченными линиями (рис. 5.-2,3,5). Верхняя часть венчика у таких сосудов, как правило, не орнаментировалась. Аналогичная посуда известна в памятниках еловской и корчажкинской культур Верхнего Приобья (Матющенко В.И., 1974, рис. 24.-5; 39.-5; Зах В.А., 1997, рис. 24.-13; Шамшин А.Б., 1997, рис. 2.-19).

Вторая группа (представленная материалами из раскопок Ю.В. Ширина) отличается только большими размерами сосудов. Орнаментация на плечиках и тулове – геометрическая (треугольники и зигзаги). По мнению В.В. Боброва (1992, с. 16), такая посуда типична для погребений корчажкинской культуры.

Третья группа представлена только одним фрагментом сосуда с «воротничком», украшенным вертикальной «елочкой» (рис. 4.-4). Такая посуда есть в материалах общности КВК Степного Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С., 1990, рис. 1.-1) и постандроновских комплексах Верхнего Приобья (Сидоров Е.А., 1985, рис. 2.-6).

Четвертая группа сосудов является наиболее многочисленной (рис. 2.-3,6,7; 3.-1,2; 4.-1-3,5,8,13,21; 5.-8,9). Декоративная композиция на сосудах этой группы построена, как правило, на чередовании рядов ямок (иногда с разделителями) и поясов сетчатого или елочного мотивов. Срез и верхняя часть венчика на сосудах этой группы часто орнаментировались насечками. В.В. Бобров (1992, с. 16) относит такую посуду к первому типу, доминирующему на корчажкинских поселениях Кузнецкой котловины. Орнаментация керамики данной группы имеет и свои особенности, отличающие ее от андроновидной керамики Верхнего Приобья. К ним относятся украшение среза венчиков насечками и ямки с разделителями. Не исключено, что выделенные особенности могут свидетельствовать о локальной специфике корчажкинского населения долины Ура, а может быть, и Кузнецкой котловины в целом.

Пятая группа представлена горшками, вызывающими ирменские ассоциации (рис. 2.-2,4,5,8; 3.-4,6-8,17,23,24; 4.-7,11; 5.-6,14,15). При ближайшем рассмотрении такую керамику можно называть «смешанной» ирменско-корчажкинской. Она встречается в тех районах, где ирменское население контактировало с еловским, сузгунским и корчажкинским населением

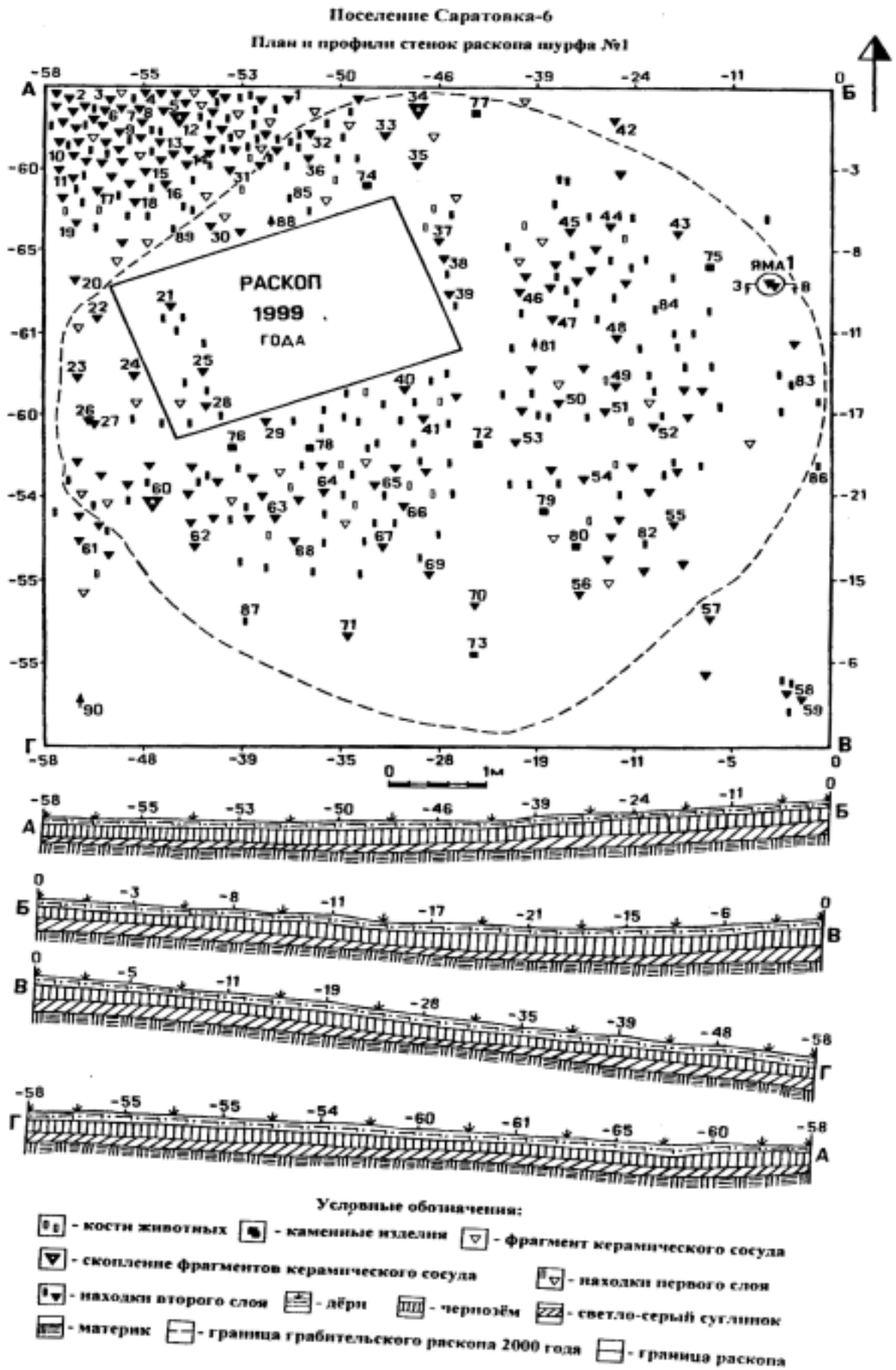

Рис. 1. Поселение Саратовка-6. План и профили стенок шурфа №1

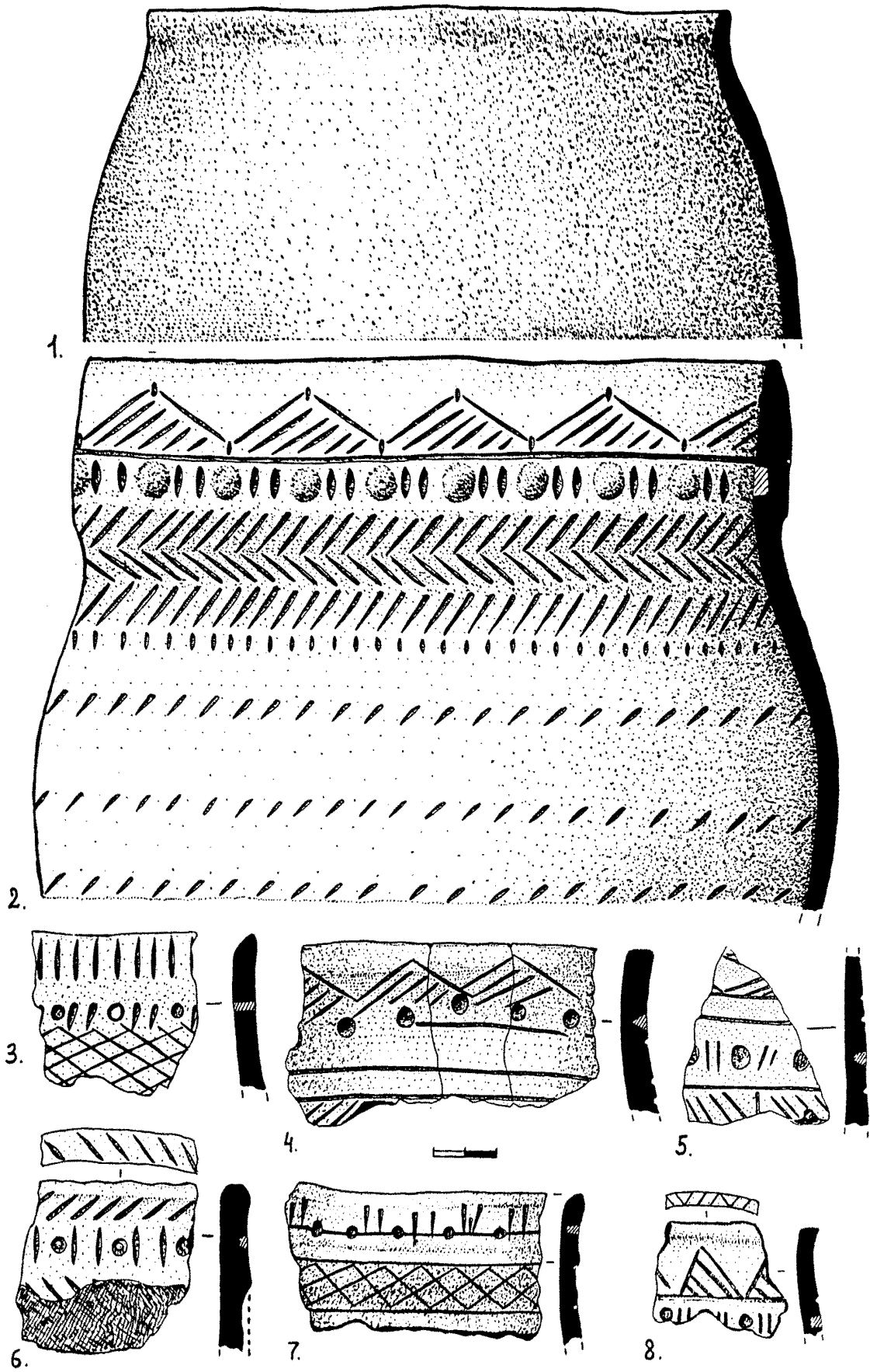

Рис. 2. Материалы из культурного слоя поселения Саратовка-6: 1-8 – керамика

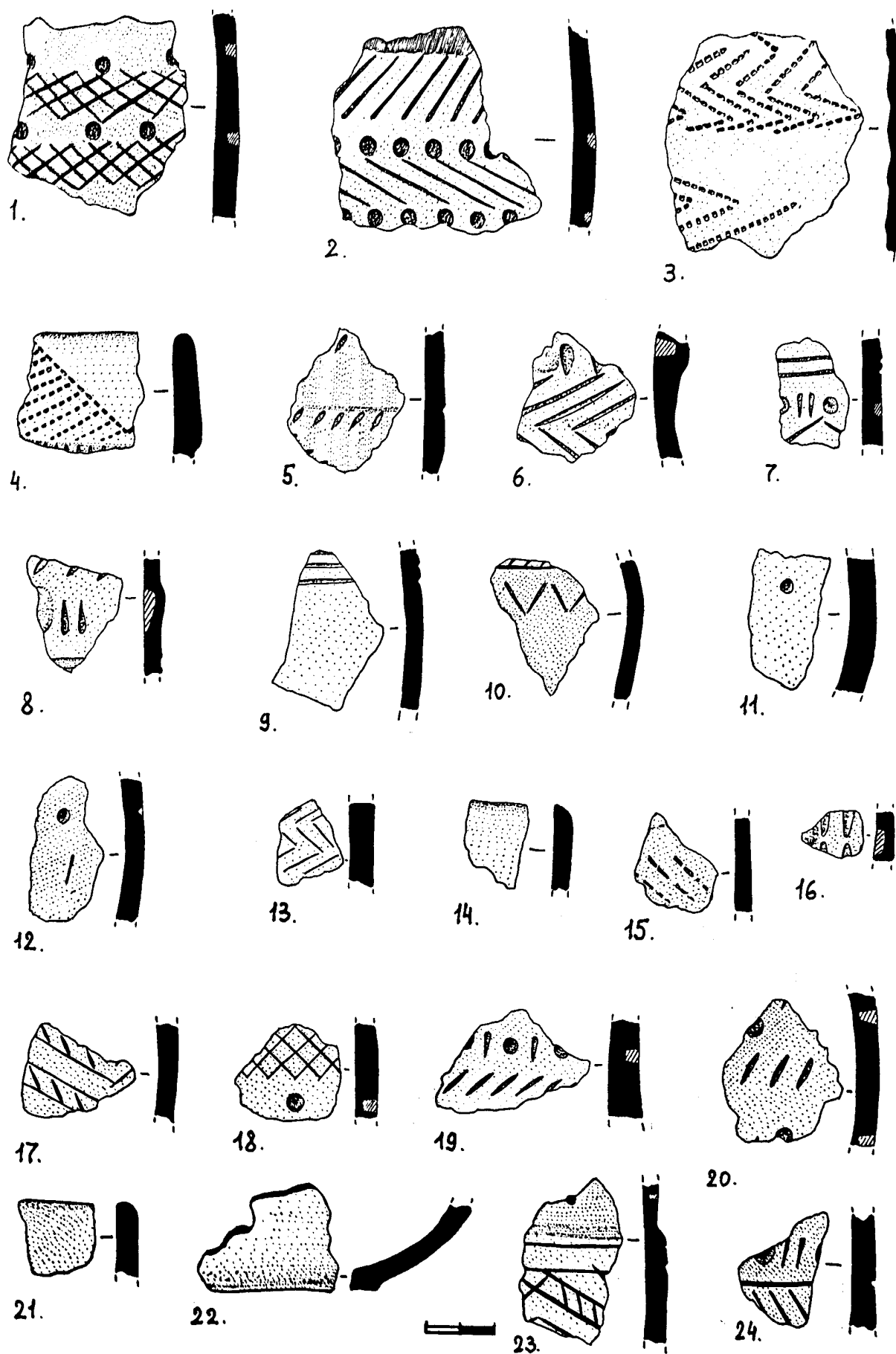

Рис. 3. Материалы из культурного слоя поселения Саратовка-6: 1-24 – керамика

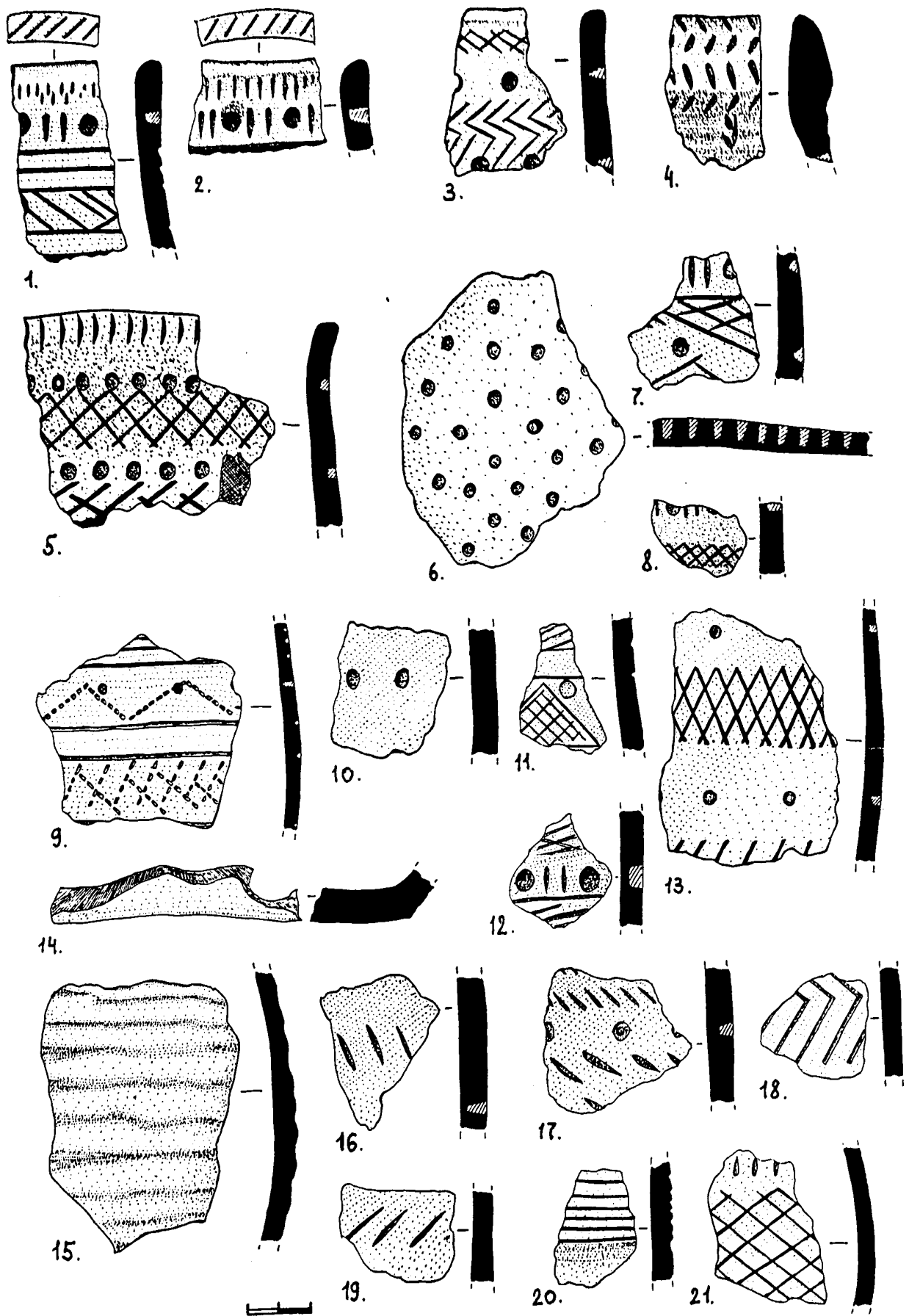

Рис. 4. Материалы из культурного слоя поселения Саратовка-6: 1–21 – керамика

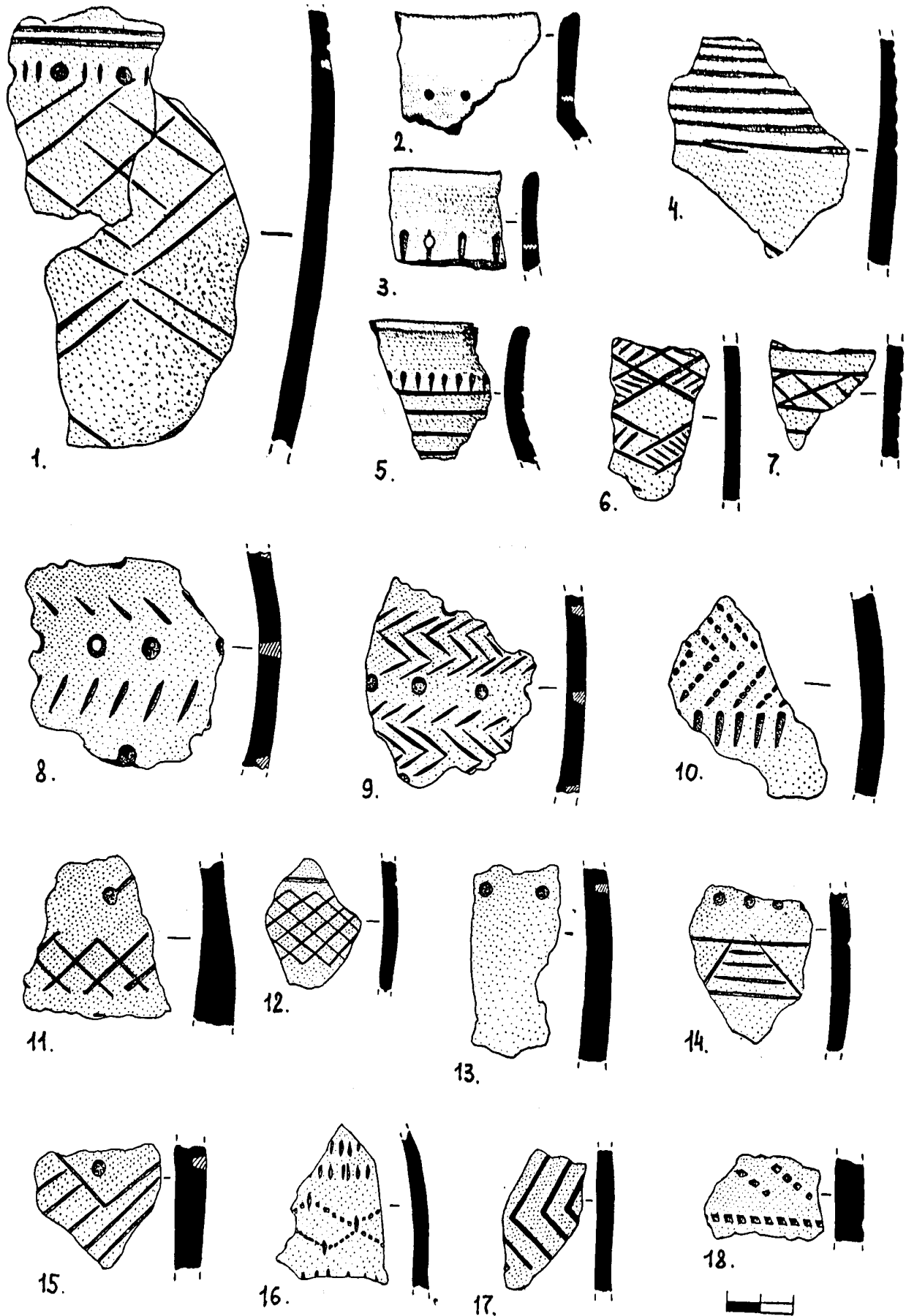

Рис. 5. Материалы из культурного слоя поселения Саратовка-6: 1-18 – керамика

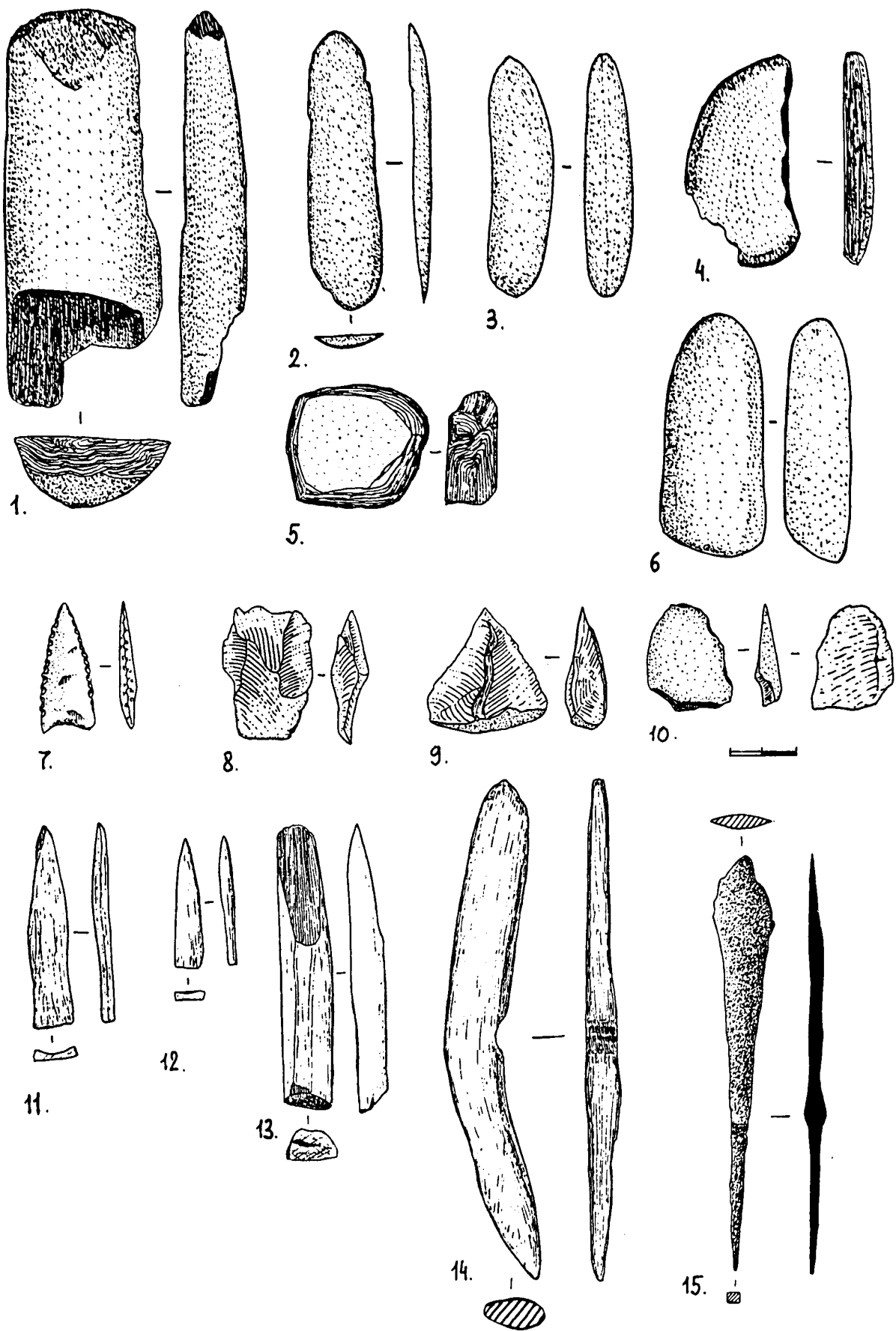

Рис. 6. Материалы из культурного слоя поселения Саратовка-6: 1-10 – камень; 11-14 – кость; 15 – железо

(см. напр.: Молодин В.И., Зах В.А., 1985, рис. 1; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, рис. 10.-5).

Шестая группа представлена слабопрофилированным горшком с низким, слабо отогнутым венчиком (рис. 1.-1). Сосуд не орнаментирован. Форма сосуда, а также отсутствие орнаментации затрудняли его культурно-хронологическую атрибуцию. Однако изучение его технологических свойств демонстрирует высокую степень сходства с керамикой эпохи поздней бронзы.

Не совсем ясна культурно-хронологическая привязка двух фрагментов керамических сосудов (рис. 3.-5; 4.-15).

Каменные изделия. Определения сырья сделаны кандидатом геолого-минералогических наук Ревой Ивановной Ненашевой. Изделия представлены наконечником стрелы из кремнистого сланца (рис. 6.-7), фрагментом диска, изготовленного из легкого и прочного туффита (рис. 6.-4), отбойником и ножевидной пластиной, изготовленными из слюдисто-кремнистого сланца (рис. 6.-1,2), ложилами из мелкозернистого порфирита и магматической мелкозернистой породы (рис. 6.-3,6) и тонкозернистыми, прочными скребками из кремнистого сланца (рис. 6.-8–10). Наконечник стрелы подтреугольной формы, с небольшой выемкой в основании был обработан по краям мелкой ретушью. Подобные изделия, по мнению В.А. Заха (1997, с. 49), были широко распространены в культурах доандроновской бронзы самусьско-сейминского круга и андроновских памятниках. Нам представляется, что такие наконечники бытовали с эпохи неолита и до переходного времени от бронзы к железу (см. напр.: Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г. и др., 1993, рис. 16.-7; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 85.-15,20; 93.-1; 103.-11; 111.-3; 117.-5; 119.-11).

Костяные изделия. Представлены остриями (рис. 6.-11–14), используемыми, вероятно, как колющие орудия. Не совсем понятным является предназначение дугообразного изделия (рис. 6.-14). Наиболее вероятно, что оно могло использоваться при плетении сети для рыбной ловли. Кроме заостренного и залощенного конца, на одной из его сторон имеется полукруглая выемка.

Железные изделия. Представлены единственным наконечником стрелы, относящимся к группе плоских и типу асимметрично-ромбических с упором (рис. 6.-15). По мнению Л.М. Плетневой (1990, с. 89), подобные наконечники получили широкое распространение в Сибири с монгольского времени и бытовали в эпоху позднего средневековья. Железный наконечник был найден в гумусированном слое и, вероятно, связан с находящимся неподалеку средневековым поселением.

Материалы обследованного поселения пополнили источниковый фонд по эпохам поздней бронзы и средневековья. В долине реки Ур это первый памятник, который предварительно можно отнести к кругу древностей постандроновской эпохи. Дальнейшие исследования этого поселения, а также других памятников эпохи бронзы позволят более детально разработать схему эволюции материальной культуры в этом археологическом микрорайоне (долина среднего течения р. Ур) Кузнецкой котловины.

Библиографический список

1. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
2. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.
3. Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2000 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2001.
4. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы Степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104–128.

5. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.
6. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12.
7. Молодин В.И., Зах В.А. Поселение Новочекино-1 – памятник ирменской культуры севера Барабинской лесостепи // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 71–75.
8. Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В. Археологические памятники города Новосибирска. Новосибирск, 1993. 33 с.
9. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990. 134 с.
10. Сидоров Е.А. Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры (по материалам раскопок поселения Милованово-3) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 63–70.
11. Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон: некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 326–331.
12. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. 449 с.

Ишангали Сагындык

Алматинский государственный университет им. Абая, Алматы

ИЗОБРАЖЕНИЕ КОНЯ В ПЕТРОГЛИФАХ ТЕРЕКТЫ АУЛИЕ (Центральный Казахстан)

Археологический комплекс Теректы Аулие находится в 20 км к ССВ от железнодорожной станции Теректы, на территории Жездинского района Карагандинской области и представлен целым рядом памятников: неолитическая стоянка, захоронение и рудники эпохи бронзы, курганы эпохи раннего железного века, поминальные сооружения тюркского времени (Самашев З.С., Курманкулов Ж.К., Жетыбаев Ж., 1998, с. 116). Наиболее изученным памятником являются петроглифы. Объектом нанесения рисунков послужила гряда гранитных холмов, вытянутых цепочкой с запада на восток и сильно подвергшихся ветровой эрозии. Благодаря выветриванию древние выходы розового гранита приобрели вид ряда полушфер, на вершинах и боковых поверхностях которых нанесены рисунки.

Благоприятные природно-ландшафтные условия: обилие родников, богатая растительность, месторождения касситеритовых руд (олова) и полудрагоценных минералов – делают район крайне привлекательным для хозяйственной деятельности человека. Местность издавна используется скотоводами в качестве весенне-летнего пастбища.

Территория издревне сакрализуется. Гранитная гряда, окруженная родниками, выходами олова и горного хрусталя, воспринималась древними как некий центр. Представления о святости местности сохраняются до наших дней. Легенда гласит, что в одной из пещер жил мусульманский отшельник Хазрет-али. Пещера является объектом поклонения современных паломников. Прорисованные на одной из плит следы копыт приписываются отпечатку копыт коня Чингисхана.

Большая часть петроглифов датируется эпохой бронзы (Самашев З.С., Курманкулов Ж.К., Жетыбаев Ж., 1998; Новоженев В.А., 1987), есть несколько изображений оленя, выполненных в традиционном скифском зверином стиле, несколько тюркских рисунков всадника и волка.

Разновременные петроглифы резко различаются по технике. Наиболее тщательно выполнены ранние: поверхность гранитной плиты зачищалась и выравнивалась, затем выбивался силуэт и тщательно залащивался галечными ложилами до гранитного блеска. Данные изображения реалистичны, хорошо протерты, выполнены по единой стилистической модели, что позволяет говорить о единовременности их создания. Большая часть рисунков заключена в композиции: кони и быки, идущие вокруг солярного символа – креста или круга.

Особую группу составляют изображения знаков-символов: лунки различной величины, иногда вписанные в концентрические круги, чашевидные углубления, геометрические фигуры в виде решеток и ломаных линий, солярные символы – кресты и свастики, «отпечатки» копыт и стопы человека.

Фигуры животных силуэтны, с двумя или четырьмя короткими ногами, шеи толстые, выделяется отставленный хвост. У быков прочерчены два идущих параллельно S-образных рога. Преобладает образ коня – около 80% зооморфных изображений в круговых процессиях или сценах боя жеребцов.

Объектом настоящего исследования послужило изображение коня, находящееся в 1,5 км к западу от основной гряды, нанесенное на плоскую горизонтальную плиту, наклоненную к югу на 8–10°. Поразительны размеры рисунка – длина около 1,5 м, высота – 1 м. Фигура строго ориентирована – голова обращена к востоку, восходу солнца, хвост к западу – на закат. Тело с двумя короткими, выставленными вперед ногами, прорисованы скакательный сустав и копыта, живот подтянут, спина вогнута, мощная выгнутая шея расширяется к груди.

Голова массивная, с низко нависающей закругленной челкой и тяжелой нижней челюстью. Грива высокая, вздыбленная. Подстриженный «крысиный» хвост отведен от тела. Фаллос напряжен. Облик коня символизирует напряженность – корпус, отведенный назад, расставленные ноги, оттопыренный хвост, фаллос изображают готового к совокуплению жеребца.

Вдоль спины, от середины гривы до хвоста, вытерты двадцать пять лунок диаметром от 4 до 7 см, глубиной около 1,5 см. Линия лунок повторяет линию спины. Над головой, между первой и второй лунками, вписан крест, аналогичный крест как бы висит над изображением в 1,5 м выше по плите.

Фигура жеребца окружена более мелкими рисунками, плохо сохранившимися по причине выветривания, можно лишь проследить круговую процессию.

Попытка семантического прочтения изображения – довольно сложная задача. Образ сочетает в себе несколько смысловых значений. Выделяется в первую очередь солярная символика. Изображение ориентировано по оси восток-запад, от точки восхода солнца к закату в весенне-летний период. Наличие яркого солярного символа – двух крестов над головой и над композицией – является дополнительным доказательством принадлежности изображения к культуре почитания солнца. Конь – воплощение солнца у многих народов степей Евразии.

Несомненна также принадлежность изображения к культу плодородия. Поза животного, напряженный фаллос, выгнутая спина, расставленные ноги рисуют облик жеребца-производителя.

Наибольшую проблему представляют лунки, идущие вдоль спины. Символика их неясна, но исходя из вышеизложенного можно предположить их отношение к солнечному образу. Подобные лунки окружают головы солнцеголовых существ петроглифов Тамгалы (Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н., 1985).

Анализируя в комплексе изображение коня, мы приходим к выводу, что исследуемая композиция представляет собой модель Вселенной с центром-солнцем, воплощенном в коне, олицетворяющем одновременно оплодотворяющую силу. Перед нами, возможно, календарное святилище – алтарь, приуроченное к весенне-летнему периоду. Не исключена роль жертвенника.

Петроглифы, выполненные в сходной стилистической манере, сосредоточены в Восточном Казахстане (урочище Мойнак, Зевакино, Покровка (Самашев З.Н., 1992)) и Центральном Казахстане – Сарлык, Байконур, Зингертау (Новоженков В.А., 1987).

Стилистическое сходство изображений коней Теректы со скульптурными навершиями каменных жезлов из Северного и Восточного Казахстана (Маргулан А.Х., 1979; Леонтьев Н.В., 1975, с. 64) приводит нас к постановке нового уровня проблемы.

Рядом исследователей собран единый круг зоо- и антропоморфных образов, объединенных единой стилистической манерой изображения, куда входят предметы мелкой пластики: навершия кинжалов из Сеймы, Ростовки, Елунино (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989), скульптурные навершия каменных жезлов из Восточного Казахстана – жезл из Семипалатинского музея, жезл из станицы Бухтарминской (Леонтьев Н.В., 1975, с. 64), жезл из Шемонаихи (Маргулан А.Х., 1979), височное кольцо из Мын-Шункура (Акишев К.А., 1991).

Принадлежность рисунков Теректы Аулие к указанной группе памятников несомненна. Выделенный Н.Б. Пяткиным и Е.А. Миклашевич (1990, с. 149) иконографический канон для изображений коня сейминско-турбинской изобразительной традиции совпадает с упомянутыми особенностями экстерьера коней Теректы – большая, массивная, широколобая голова с тяжелой нижней челюстью; толстая, короткая, значительно расширяющаяся к груди шея; укороченные мощные ноги с выраженным скакательным суставом, стоячая грива, прямые передние и чуть присогнутые задние ноги, нависающая надо лбом острая или закругленная челка.

Необходимо отметить почти полную идентичность позы коня Теректы Аулие с фигурой жеребца на навершии кинжала из Сеймы и с жеребцом с височного кольца из Мын-Шункура.

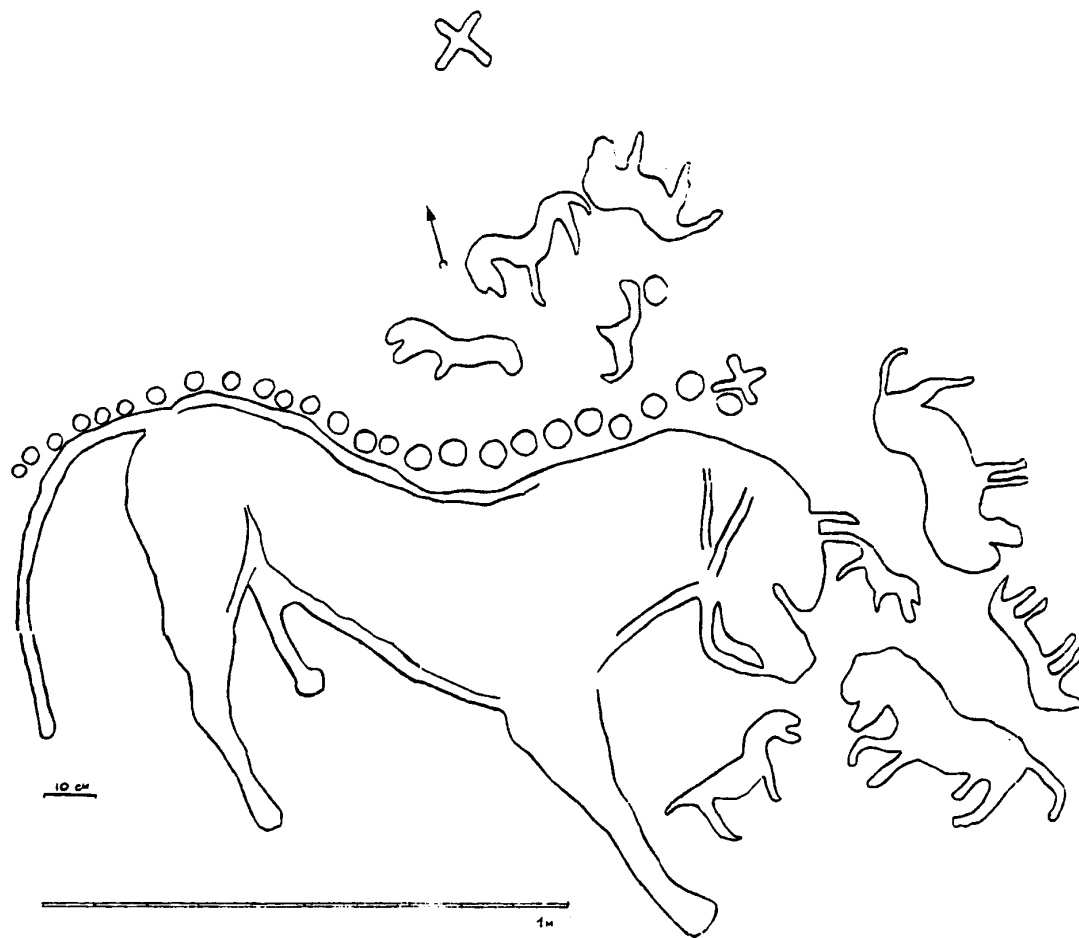

Рис. 1. Петроглифы Теректы Аулие

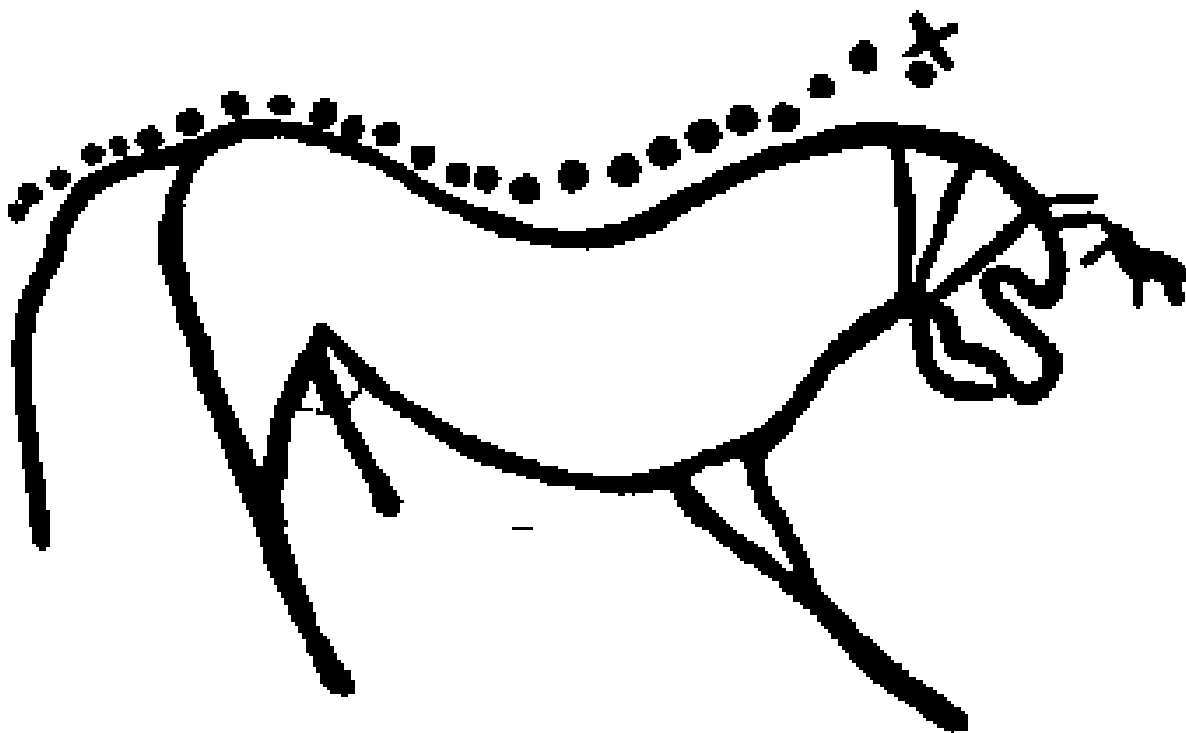

Рис. 2. Петроглифы Теректы Аулие. Изображение фигуры коня

Петроглифы, являясь надежным этническим индикатором, свидетельствуют, возможно, о пребывании в Центральном Казахстане носителей сейминско-турбинской изобразительной традиции.

Библиографический список

1. Леонтьев Н.В. Каменные фигурные жезлы Сибири // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
2. Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985.
3. Новоженев В.А. О датировке наскальных изображений Сары-Арки // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.
4. Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.
5. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992.
6. Самашев З.С., Курманкулов Ж.К., Жетыбаев Ж. Петроглифы Казахского мелкосопочника // Международная конференция по первобытному искусству: Тезисы докладов. Кемерово, 1998.
7. Черных Е., Кузьминых Е. Древнейшая металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Научный руководитель – к.и.н. Ж. Курманкулов

Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЕЛУНИНСКОЙ И КРОВОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР*

Изучение археологического материала посредством создания и конструирования археологических культур как неких реально существовавших в древности организмов проходит несколько взаимосвязанных этапов. Каждый из таких исследовательских уровней обусловлен появлением нового материала. Данное обстоятельство подталкивает исследователей к «включению» вновь полученных данных в существующие культурные модели. Если же новая информация не вписывается в культурно-концептуальные схемы, то происходит их полный или частичный пересмотр и уточнение, после чего осуществляется переосмысление всего накопленного материала по той или иной археологической культуре.

Особенно ярко данное обстоятельство проявляется при изучении «узловых», наиболее значимых аспектов археологической культуры. Острую полемику вызывают вопросы, связанные с культурной интерпретацией материалов того или иного памятника. Во многом корни противоречий и непонимания в таких дискуссиях кроются в неразработанности диагностирующих характеристик, которые являются критериями для той или иной культуры. Не исключением в данном ряду проблем является проблема культурной идентификации материалов «доандроновской бронзы» в лесостепной полосе Западной Сибири. Предметом нашего рассмотрения стали памятники кротовской и елунинской археологических культур, соотношение которых на настоящем этапе исследования неопределено, а разработка проблематики только начинается (Грушин С.П., 2001).

Наиболее эффективным направлением в исследовании данного вопроса, по нашему мнению, является определение культурно-значимых диагностирующих характеристик для каждой из культур. Первым этапом в реализации поставленной задачи будет сравнительный анализ различных элементов, которые фиксируются в материалах памятников, относимых исследователями к двум обозначенным культурам.

Актуальность поставленной задачи заключается в появлении огромного массива новых археологических источников в результате раскопок последнего десятилетия на территории предгорно-равнинной зоны Алтая, Верхнего Приобья, Барабы и Среднего Прииртышья.

Впервые кротовский тип памятников был выделен в 1956 г. М.Н. Комаровой после обследования памятника Кротово-VII, VIII. Исследователь отнесла керамический комплекс, полученный с этого поселения, к неолитическому времени (Комарова М.Н., 1956). В 1970 г. свердловские археологи отнесли кротовский тип памятников к эпохе ранней бронзы – первая половина II тыс. до н.э. (Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С., 1970). В.И. Молодин в 1975 г. выделил кротовскую археологическую культуру, к которой он отнес поселения, исследованные М.Н. Комаровой на Верхней Оби, памятники Черноозерье-IV, VI в Прииртышье и исследованное им поселение Преображенка-III в Барабе (Молодин В.И., 1977).

В середине 80-х гг. на материалах памятников доандроновской бронзы Барнаульско-Бийского Приобья Ю.Ф. Кирюшин выделил елунинскую археологическую культуру (Кирюшин Ю.Ф., 1985), куда вошли памятники лесостепного Алтая.

После выделения данных культур встал вопрос об их соотношении. Ю.Ф. Кирюшин обозначил два возможных варианта решения обозначенной проблемы:

1. Памятники являются единокультурными, а их отличия отражают различные хронологические этапы (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 121).

* Работа выполнена по гранту Минобразования ГОО–1.2.–298.

2. Памятники относятся к разным археологическим культурам, а район между с. Ордынское и Чудацкой Горой в древности был контактной зоной между ареалами распространения обеих культур (Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 121).

Проблема осложнялась тем обстоятельством, что основой для объединения памятников в кротовскую и елунинскую культуру являлась орнаментация керамической посуды, а именно по этому критерию комплексы обеих культур проявляли наибольшее сходство между собой. Необходимо отметить, что по мере накопления материала спектр выделяемых признаков, характеризующих понятие «археологическая культура», может значительно расширяться. Не являются исключением для данного утверждения и рассматриваемые культуры.

За время, прошедшее с момента выделения культур, был накоплен большой и очень информативный материал. Раскопано более 500 погребений на могильниках Сопка-II, Абрамово-11 в Барабе, которые исследователями относятся к кротовской культуре (Молодин В.И., 1985; Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И., 1989). В Верхнем Приобье исследованы погребальные комплексы Елунино-I, Цыганкова Сопка-II, Староалейка-II, Телеутский Взвоз-I, вскрыта значительная площадь на однослойном поселении Березовая Лука. Данные памятники были отнесены к елунинской археологической культуре (Кирюшин Ю.Ф., 1987; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1998; 1999; и др.). Проблема соотношения елунинских и кротовских культур остается одной из самых актуальных в исследованиях доандроновских памятников в лесостепной полосе Западной Сибири (Грушин С.П., 1997, с. 33). Полученные данные позволяют приступить к разработке обозначенной проблемы, акцентированное внимание будет уделяться сравнительному анализу погребального обряда и вещевого комплекса.

Погребальный обряд (рис. 1), зафиксированный в исследованных памятниках обеих культур, носит много общих черт (северо-восточная ориентация умерших, наличие вторичных захоронений, отдельные погребения черепов, частичная кремация прямо в могиле и некоторые другие). Однако многие черты погребального обряда не совпадают и значительно отличаются друг от друга. К таким параметрам можно отнести форму могильных ям. На могильнике Сопка-II большое количество погребений совершены в ямах подпрямоугольной или овальной формы, часто по размерам ширины одного погребенного в положении вытянуто на спине (Молодин В.И., 1985, рис. 38). В елунинских комплексах преобладают могильные ямы трапециевидной, подчетыреугольной формы, приближающиеся к подквадратной. Подавляющее большинство останков людей в погребениях кротовской культуры похоронены в положении вытянуто на спине, в то время как в елунинских – на левом боку или на спине с согнутыми в коленях ногами, повернутыми влево. В елунинских могильниках отсутствуют ярусные и полусидячие захоронения, подбои, захоронения с собаками и некоторые другие элементы, однако в отличие от кротовских на них зафиксированы захоронения на уровне материка, в древней погребенной почве (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000б, с. 298, 299).

Необходимо отметить такой показатель погребального обряда, как наличие керамики в могилах. На более 500 кротовских погребений могильника Сопка-II обнаружено всего 30 археологически целых сосудов и несколько фрагментов, причем большая их часть происходит из межмогильного пространства (Молодин В.И., Ламина Е.В., 1989, с. 104). К настоящему времени на более чем 70 раскопанных елунинских погребений приходится около 35 археологически целых сосудов, причем в некоторых могилах обнаружено по два сосуда и большое количество фрагментов.

Значительно отличается по своему составу и погребальный инвентарь могильников. В комплексах Сопки-II обнаружено 150 экз. костяных наконечников стрел, что позволило В.И. Молодину выделить несколько типов (рис. 1). Первый тип представлен наконечниками иволистной формы, линзовидными в разрезе со слегка намеченными срезами креплений

для насада. Ко второму типу относятся наконечники с длинным ланцетовидным пером, плавно переходящим в выраженный черешок. К третьему типу (16 экз.) данный исследователь относит изделия, имеющие треугольное или ромбовидное в сечении перо, выраженные плечики при переходе к черешку. Четвертый тип (5 экз.) составляют наконечники с пламевидной формой пера, плавно переходящей в короткий черешок. К пятому типу (24 экз.) относится серия наконечников с одним жалцем. Шестой тип (9 экз.) представлен игловидными наконечниками. Исследователь определяет наконечники второго и пятого типа как индикаторы для памятников кротовской культуры.

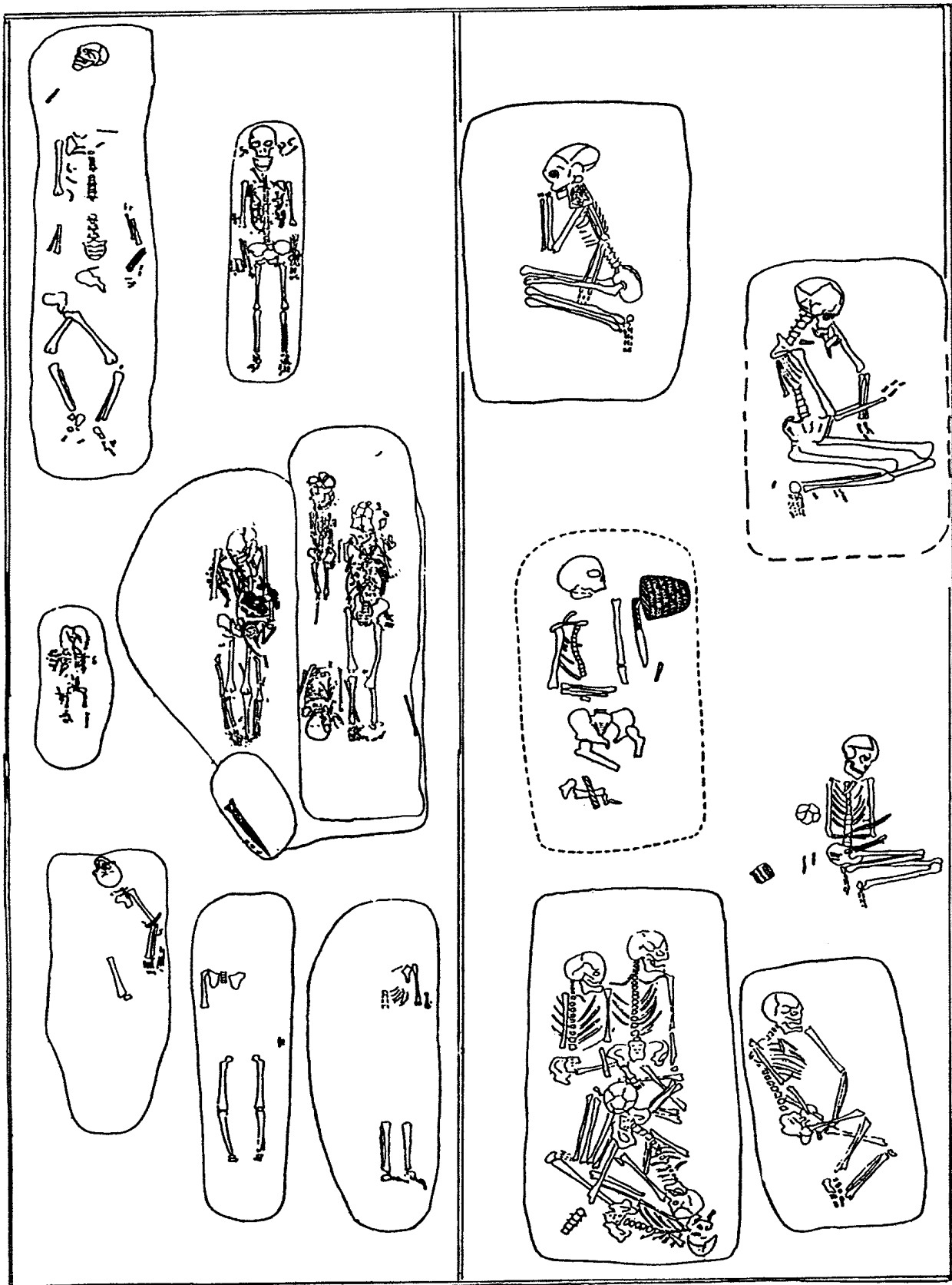
Практически все обнаруженные типы наконечников Сопки-II не имеют аналогий в елунинских материалах (рис. 2). Выявленные культурные индикаторы для елунинских памятников – специфические костяные наконечники стрел (Грушин С.П., 2001) – отличны от кротовских. Они представлены черешковыми изделиями с многогранным сечением пера с характерным сужением в нижней части пера, при переходе к черешку, с наличием плеча-упора для древка. Впервые такие наконечники были обнаружены в погребениях Бураново (Морозов Лог) и Нижняя Суетка (Уманский А.П., 1992; 1995). Изделия такого типа присутствуют во многих памятниках елунинской культуры (Кирюшин Ю.Ф., 1987; Грушин С.П., 2001).

Каменные наконечники стрел в материалах обеих культур имеют сходные типы, однако их процентное соотношение различно (рис. 2). Из 30 экз. наконечников Барабы имеется по 3 экз. подтреугольных и черешковых, 11 экз. мендалевидных и близких к ним. Наибольшее количество наконечников (12 экз.) принадлежит изделиям иволистной формы (Молодин В.И., 1985, с. 40). В материалах предгорно-равнинной зоны Алтая известно более 30 каменных наконечников стрел. Большинство изделий (17 экз.) относится к разряду черешковых, наконечников с прямым основанием известно 6 экз. (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 3.-4). С иволистной формой пера известно – 3 экз. и с подтреугольной формой пера – 3 экз. Таким образом, на настоящий момент, можно сделать вывод, что в материалах кротовской культуры преобладают наконечники иволистной формы, а в елунинских – черешковые (рис. 2). В материалах елунинской культуры отсутствуют характерные для погребений могильника Сопка-II костяные проколки, изготовленные из грифельных костей лося и лошади (Молодин В.И., 1985, с. 51, рис. 23).

Отличается по своему составу и бронзовый инвентарь (рис. 3). Среди кинжалов и ножей могильника Сопка-II преобладают двулезвийные (около 12 экз.) с различным оформлением насада для рукоятки: бесчеренковые, с коротким прямоугольным черенком, с притупленной пяткой черенка, черенковые с перекрестием и др. Такие двулезвийные изделия неизвестны в елунинских комплексах, в которых распространены массивные ножи сейминско-турбинского типа с дугообразным обушком, с литой орнаментированной рукояткой, с оформленным навершием в виде кольца или скульптуры (Кирюшин Ю.Ф., 1987). В материалах Сопки-II известно только три аналогичных ножа с обломанными рукоятками (Молодин В.И., 1985, с. 61).

Таким образом, можно сделать вывод, что предметы вещевого комплекса, обнаруженные в погребениях обеих культур, несмотря на наличие схожих типов, значительно отличаются друг от друга. Особенно это касается костяных наконечников стрел, некоторые типы которых можно рассматривать как индикаторы для памятников обеих культур.

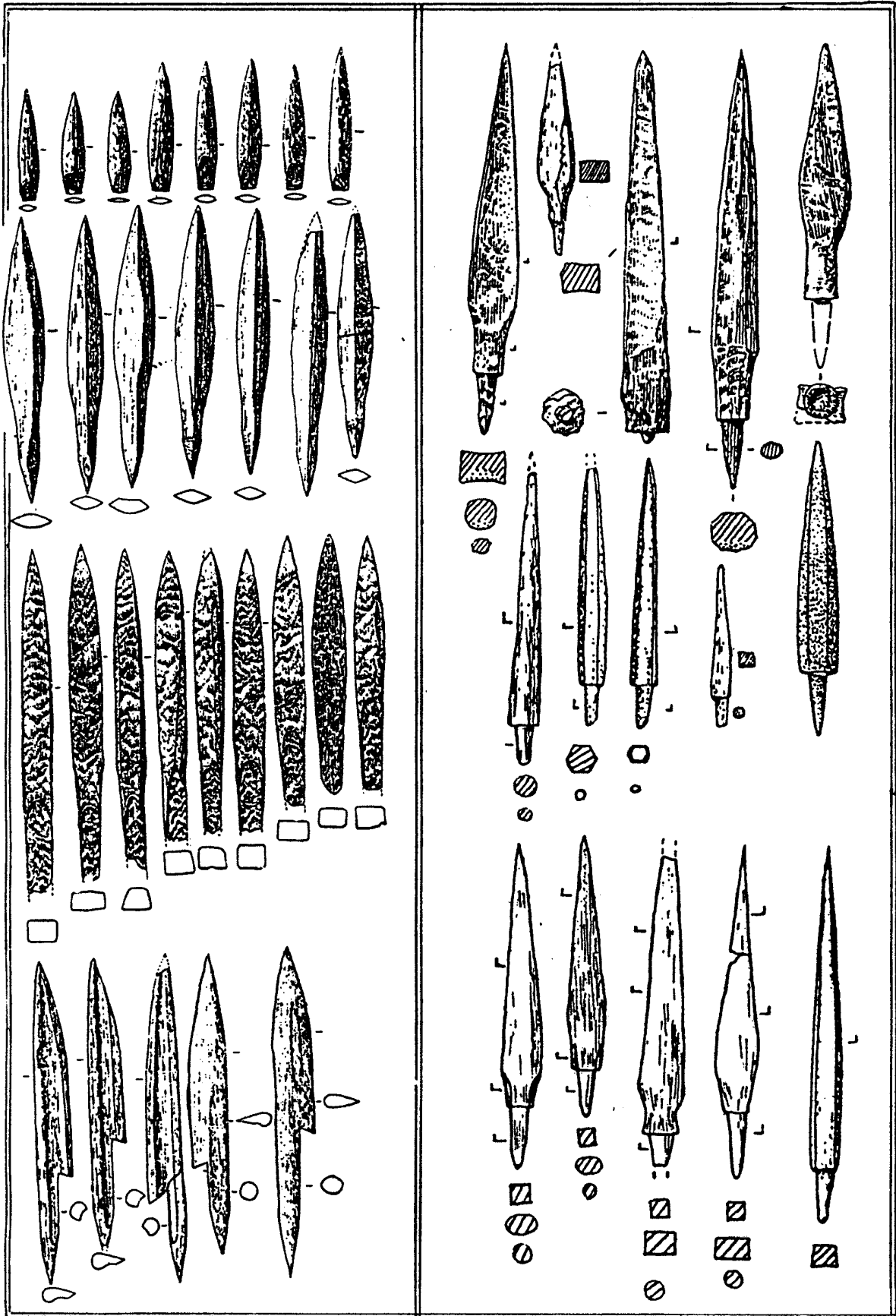
Анализируя опубликованные керамические комплексы, мы пришли к выводу, что материалы Верхнего Приобья с поселений Кротово-VII/8, Морайка, Киприно проявляют большее сходство с посудой памятников елунинской культуры, чем с кротовской керамикой поселений Барабы – Преображенка-III и Венгерovo-Ia. Последние, в отличие от памятников Верхнего Приобья, характеризуются большим количеством керамики, украшенной гребенчатым штампом (Молодин В.И., 1985, с. 37–40). Керамика могильника Сопка-II отличается большим процентом изделий с жемчужинами и практически полным отсутствием посуды,

Кротовская археологическая культура

Елунинская археологическая культура

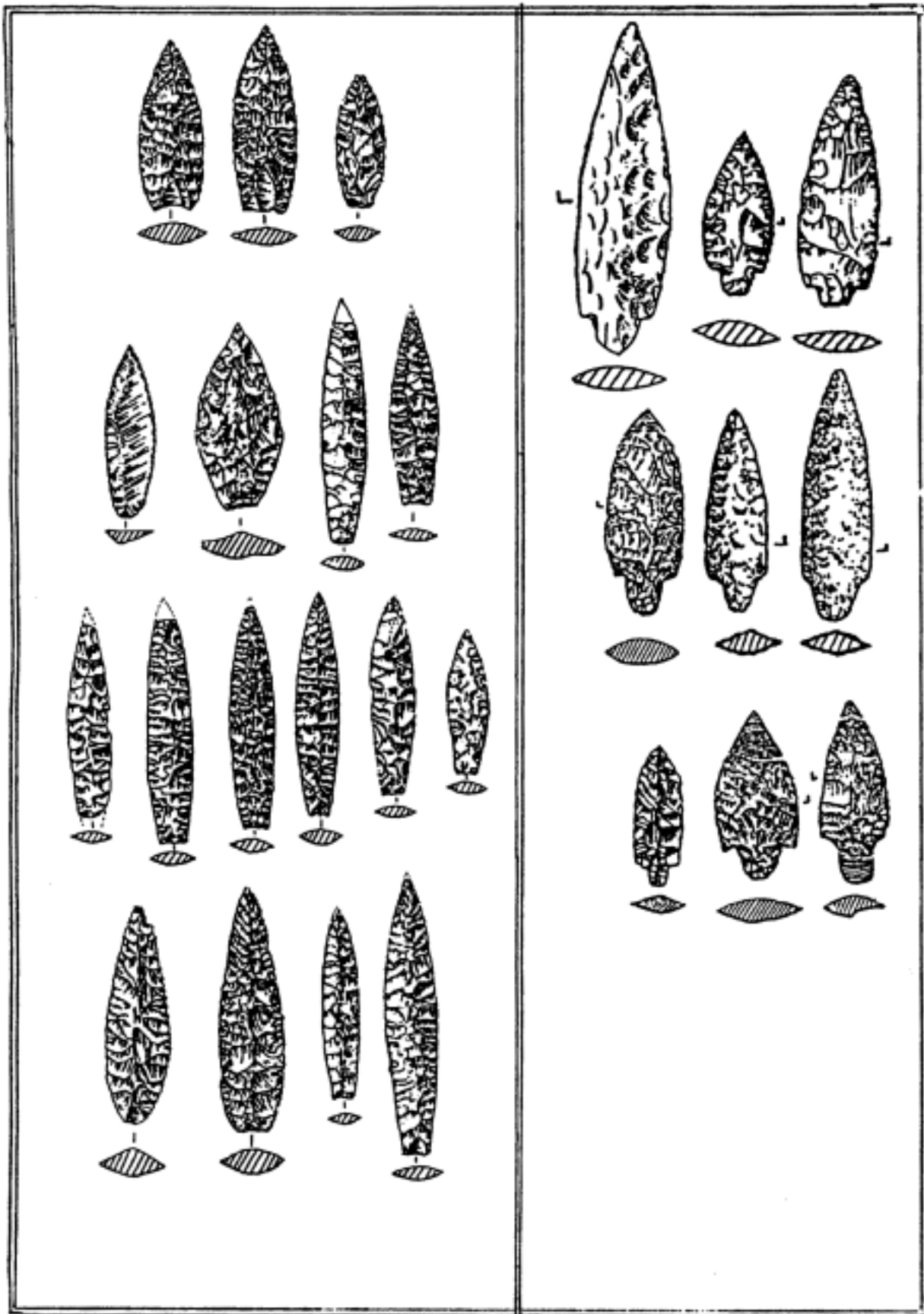
Рис. 1. Сравнительная таблица погребений

Кротовская археологическая культура

Елунинская археологическая культура

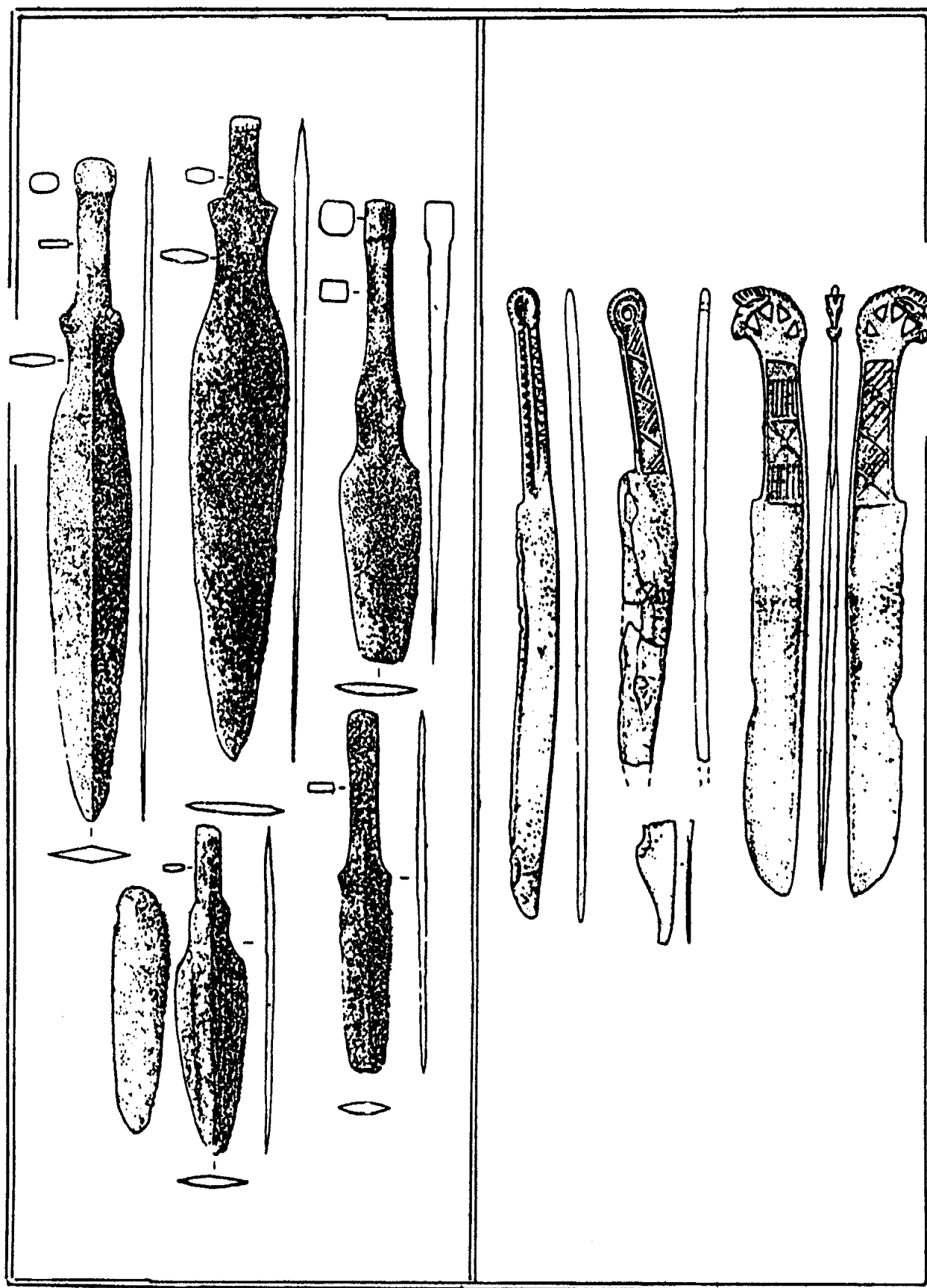
Рис. 2. Сравнительная таблица костяных наконечников стрел

Кротовская археологическая культура

Елунинская археологическая культура

Рис. 3. Сравнительная таблица каменных наконечников стрел

Кротовская археологическая культура

Елунинская археологическая культура

Рис. 4. Сравнительная таблица бронзовых ножей и кинжалов

украшенной шагающей гребенкой (Молодин В.И., Ламина Е.В., 1989), которая является ведущей в керамических материалах не только Верхнего Приобья, но и Прииртышья.

Данное наблюдение применимо и к погребальным комплексам Верхнего Приобья, исследованных на памятнике Ордынское-I и отнесенных В.А. Захом к кротовской культуре (Зах В.А., 1979; 1983). По своим параметрам данные погребения ближе, на наш взгляд, к материалам могильников елунинской культуры – Елунино-I, Староалейка-II, Цыганкова Сопка-II и Телеутский Взвоз-I. Об этом свидетельствует преобладающее положение умерших в погребениях – на левом боку, с согнутыми в коленях ногами. Металлический наконечник стрелы с памятника Ордынское-I (Зах В.А., 1979, с. 31) аналогичен изделию из погребения №5 могильника Цыганкова Сопка-II (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 3.-5). Не противоречат этому выводу керамика и украшения.

Таким образом, кротовские и елуниские памятники Верхнего Приобья можно, на наш взгляд, считать единокультурными, за которыми целесообразней всего оставить название – памятники елунинской культуры. Под кротовской культурой в таком случае следует понимать памятники Барабы: Сопка-II, Абрамово-11, вероятно, Преображенка-III и др. Это тем более оправдано, если учесть, что В.И. Молодин относит к базовым комплексам кротовской культуры поселение Преображенка-III (Молодин В.И., 1985, с. 49).

Различия, зафиксированные в кротовских памятниках Барабы и елуниских предгорно-равнинной зоны Алтая, объясняются не только разной культурной принадлежностью, но и причинами хронологического порядка. Основной массив кротовских погребений на могильнике Сопка-II В.И. Молодин датирует вместе с позднекротовским этапом XIV–XII вв. до н.э. (Молодин В.И., 1985, с. 87–88). Памятники елунинской культуры, на основании серии радиоуглеродных дат определяются концом III – первой четвертью II тыс. до н.э. (Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 55). Таким образом, в период функционирования основного кротовского массива погребений Сопки-II на большей территории предгорно-равнинной зоны Алтая, включая территорию Верхнего Приобья, елуниское население практически полностью сменилось андроновскими племенами. Не исключено, что часть вытесненных елуницев приняли участие в формировании кротовской культуры могильника Сопка-II (Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 67), о чем свидетельствуют многочисленные елуниские черты в погребальном обряде, в керамике, инвентаре.

Необходимо также отметить, что погребения могильника Сопка-II, отнесенные В.И. Молодиным к кротовской культуре, представляют собой разновременные комплексы, которые на могильном поле составляют по крайней мере три массива погребений (Молодин В.И., Гришин А.Е., 1998, с. 391). Не исключено, что корреляция различных показателей погребений, инвентаря, планиграфических групп между собой позволит выявить ранние комплексы, которые по своим характеристикам будут сопоставимы с елунискими.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о культурной принадлежности памятников «доандроновской» бронзы Среднего Прииртышья. Отмеченная особенность для керамики кротовских памятников данной территории – существование двух орнаментальных традиций: гребенчатой и отступающе-накольчатой – логиновский тип керамики (Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989, с. 108) – проявляется в полной мере на материалах и елуниских памятников Верхнего Приобья, и всей предгорно-равнинной зоны Алтая. Данное наблюдение правомерно как в отношении керамических материалов поселений – Березовая Лука, Боровое-III (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1995, рис. 1,2; 1996; 1997; 1998; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 1999; Грушин С.П., 1998а; 1998б), так и в отношении погребальных комплексов – Телеутский Взвоз-I, Чудацкая Гора (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000а, с. 23–25). Если основываться на данных В.И. Молодина о том, что линейно-накольчатая (она же – отступающе-накольчатая) орнаментальная традиция нетипична для кротовских материалов Барабы (Молодин В.И., 1985, с. 85), то по этому признаку кротовс-

кие поселения Среднего Прииртышья ближе к елуниским предгорно-равнинной зоны Алтая, чем к кротовским памятникам Барабы. Однако окончательное решение этого вопроса зависит от комплексного анализа всех данных, имеющихся по этой проблеме, которая заслуживает полноценного отдельного исследования.

В заключение необходимо отметить, что проблему генезиса обеих культур, независимо от той или иной исследовательской позиции, необходимо решать с привлечением всех имеющихся данных по кротовским материалам Барабы и елуниским – предгорно-равнинной зоны Алтая. Попытки сконструировать модель развития одной культуры без привлечения материалов другой можно оценивать в настоящий момент лишь с историографической точки зрения.

Библиографический список

1. Генинг В.Ф., Гусинцева Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 12–52.
2. Грушин С.П. Изучение эпохи ранней бронзы на Алтае // XXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Тезисы докладов. Челябинск, 1997. С. 33–34.
3. Грушин С.П. Керамика эпохи ранней бронзы с поселения Боровое-III (Верхнее Приобье) // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. Самара, 1998а. С. 76–77.
4. Грушин С.П. Керамический комплекс эпохи ранней бронзы с поселения Боровое-III // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998б. С. 61–70.
5. Грушин С.П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001а. С. 84–89.
6. Грушин С.П. Проблема соотношения кротовской и елунинской культур // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI РАЭСК). Барнаул, 2001б. С. 217–220.
7. Зах В.А. Новые исследования у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 57–69.
8. Зах В.А. Погребение кротовской культуры у с. Ордынское // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 31–32.
9. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 46–53.
10. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.
11. Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 66–69.
12. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Поселение Березовая Лука в Алейском районе // Сохранение и изучение культурного наследия. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 47–51.
13. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Новые находки с поселения Березовая Лука // Актуальные проблемы сибирской археологии: Тезисы докл. к конф. Барнаул, 1996. С. 46–49.
14. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Начало раскопок поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1997 г. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 203–207.
15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической научной конференции. СПб., 1998. С. 75–80.

16. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 250–252.
17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1999 г. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 391–396.
18. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники эпохи неолита ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000а. С. 23–25.
19. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Сведения о раскопках грунтового могильника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2000б. Т. VI. С. 297–302.
20. Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
21. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 126 с.
22. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 171 с.
23. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.
24. Молодин В.И., Гришин А.Е. Погребальный обряд кротовской культуры: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 290–293.
25. Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-II // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 103–118.
26. Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И. Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1999. С. 37–51.
27. Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы Урало-Сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 38–47.
28. Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. III. С. 53–60.
29. Уманский А.П. Находка 1961 г. из Нижней Суэтки // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 51–55.
30. Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 18–27, 165–169.

Ю.Ф. Кирюшин, Г.Е. Иванов

Алтайский государственный университет, Барнаул

НОВЫЙ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИЙ МОГИЛЬНИК ШИПУНОВО-V НА АЛТАЕ*

Могильник находится на вершине высокой песчаной гривы у оз. Большое Островное Мамонтовского района Алтайского края, в 1,5–2,0 км от пос. Шипуново, рядом с действующим поселковым кладбищем. С 1986 г. грива стала разрушаться выдувом, по кромкам которой Г.Е. Ивановым были собраны фрагменты елунинской керамики и обломки камней (Иванов Г.Е., 1993, с. 121).

С начала 1990-х гг. этот участок интенсивно разрушается карьером для добычи песка, при разработке которого было уничтожено несколько одновременных могил. Одна из могил относилась, видимо, к эпохе энеолита. В ней было найдено пять каменных ножей. К сожалению, до авторов дошло только четыре изделия, изготовленных из кварцитовидного сливного песчаника серого цвета. Хотя, возможно, что это был просто клад (Кирюшин Ю.Ф., 1995, с. 48–51). Скорее всего, из могилы эпохи бронзы происходил бронзовый нож, опубликованный Г.Е. Ивановым (1996, с. 94–97). При обследовании места находки в 1994 г. сотрудники Института гуманитарных исследований при АГУ М.Т. Абдулганеев и С.Ю. Лузин следов могил не обнаружили, так как грунт на этом месте уже был выбран на глубину 1,5–2,0 м.

В июле 1996 г. жителями с. Островное шофером Е.М. Гвоздевым и бульдозеристом А.А. Корзуновым для подготовки карьера для забора песка был снят верхний гумусированный слой на участке гривы. Е.М. Гвоздев увидел выступающие из песка и стоявшие вертикально в ряд (видимо, вдоль боковой стенки могилы) наверхиями вниз каменные жезлы. Вместе с этими предметами из песка были извлечены две гальки причудливой формы из слоистого камня со следами сработанности, а также галька со следами использования в качестве утюжка или терочника с засверленным отверстием конической формы на подошве.

В августе того же года Г.Е. Ивановым совместно с Е.М. Гвоздевым было осмотрено место находок. Поскольку работ на этой площадке больше не проводилось, то на ней отчетливо сохранились следы работы бульдозера и отвал песка, сдвинутого вместе с погребением. Е.М. Гвоздевым было точно указано место находки, при зачистке которого Г.Е. Иванову удалось обнаружить происходящий из погребения и не взятый находчиками развал стенки елунинского сосуда, остатки костей свода черепа, зубы, фрагменты берцовых костей, а при зачистке отвала – два мелких обломка бронзового изделия листовидной формы.

В августе 1998 г. авторами совместно было осмотрено место памятника. Ю.Ф. Кирюшиным была найдена придонная часть того же сосуда с фрагментом днища. К сожалению, грива оказалась серьезно повреждена ямами для выемки песка, и каких-либо следов продолжения могильника не было обнаружено. Осенью 1999 г. группа специалистов научно-производственного центра «Наследие» во главе с М.Т. Абдулганеевым произвела осмотр гривы и сделала зачистку участков между вырытыми котлованами. Но продолжения могильника найдено не было. Эти работы предпринимались в связи с тем, что администрация Мамонтовского района официально уведомила НПЦ «Наследие» о планах открытия на этой гриве песчаного карьера для нужд района и профинансировала необходимые археологические обследования.

В 1998 г. четыре жезла и развал сосуда были переданы для научной обработки и подготовки публикации в Музей археологии и этнографии Алтая при АГУ. Каменный утюжок хранится в Музее истории села Черная Курья Мамонтовского района.

Остановимся теперь подробнее на описании находок.

* Работа выполнена при поддержке гранта Минобразования ГОО–1.2.–298.

Каменные изделия. Как уже отмечалось выше, найдено четыре жезла. Определение пород камня проведено Б.Н. Лузгиным. Первый жезл имеет сигарообразную форму с навершием в виде головы лошади (рис. 1). Он изготовлен из туфа липаритового порфира серовато-черного цвета и тщательно зашлифован: длина – 28 см, максимальный диаметр (в середине) – 3,7 см, минимальный (внизу) – 2,6 см, в сечении круглый, длина навершия (по гриве поля) – 6,8 см (занимает одну четвертую часть жезла).

Навершие выполнено техникой шлифовки, следов резных линий и сверления нет. Конь с жесткой, короткой полуовальной гривой, настороженными, торчащими ушами. Глаза показаны небольшими выступами, шлифовкой моделирована мускулатура морды, нижняя челюсть, ноздри. Голова очень реалистична, изображает скорее всего тарпана или лошадь Пржевальского. Ощущается стремление древнего скульптора подчеркнуть настороженность, стремительность, грациозность – черты, столь характерные для изображения тел животных в зверином стиле эпохи ранних кочевников.

В серии известных нам жезлов с головой коня данный жезл самый маленький и выполнен в несколько иной манере – на нем нет желобчатых резких линий и сверленных углублений, которыми на большинстве других наверший выполнены рот, ноздри, глаза и уши. Голова на жезле из Шипунова более схематична, но и более экспрессивна, чем ее аналоги.

Изображения близких по внешнему облику лошадей известны на каменных жезлах, на бронзовых ножах и украшениях. Два каменных жезла найдены в Восточном Казахстане: один – в Семипалатинской области (Черников С.С., 1960, рис. 21), а второй – у станции Бухтарминская Усть-Каменогорского района (Славнин П.П., 1949, с. 125–126). В Омском Прииртышье также обнаружен каменный жезл с головой лошади (Мошинская В.И., 1952, рис. 16.-1).

Изображения головы лошади известны на навершиях уже значительного количества бронзовых ножей. У животных – торчащая грива, острые уши, раздутые ноздри. Такого типа ножи встречены в Сейминском (Бадер О.Н., 1970, рис. 52), Ростовском (Матющенко В.И., 1970, рис. 33, 34), Елунинском (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 2–4) могильниках. Миниатюрная рукоять ножа, подобная елунинскому, найдена в Усть-Канском районе Республики Алтай (Киреев С.М., Кудрявцев П.И., 1988, с. 166). Все эти изделия обнаружены на памятниках сейминско-турбинского типа.

Из украшений известна каменная подвеска из Омского Прииртышья, представляющая собой скульптурное изображение лошади (Глушков И.Г., 1985, с. 196) и две золотые серьги с парой коней на них. Одна происходит из Казахстана (Акишев А., 1984, с. 52, табл. VII.-16), а вторая – с Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 37, рис. 2). Обе серьги обнаружены на андроновских комплексах. Причем на «алтайской» серьге кони стоят на туловище змеи, заглатывающей свой хвост.

Второй жезл выполнен из дацитового порфира. Он самый крупный из найденных: длина – 46 см, максимальный диаметр (в середине) – 5,1 см, минимальный (внизу) – 2,8 см, в сечении подовальный. Жезл сигарообразной формы, хорошо зашлифован. Навершие в виде головы барана с круто закрученными рогами, смотрящего вверх, так как сама голова расположена под тупым углом к оси стержня (рис. 2). Длина навершия – 9,5 см. Глаза, уши, рога, нижняя челюсть, как и у предыдущего изделия, моделированы шлифовкой и представляют собой выпуклые плоскости. Ниже головы имеется круговое утолщение – пояс, с одной стороны напоминающее поводок, с другой, при виде спереди, явно подчеркивающий фаллический характер изображения.

Изображение головы барана не столь характерно для сейминско-турбинского искусства, оно больше известно на рукоятках бронзовых карасукских ножей. Правда, навершие бронзового ножа с идущими друг за другом тремя баранами происходит из могильника Турбинского II (Бадер О.Н., 1964, рис. 113). Манера изображения головы барана с особенно круто закру-

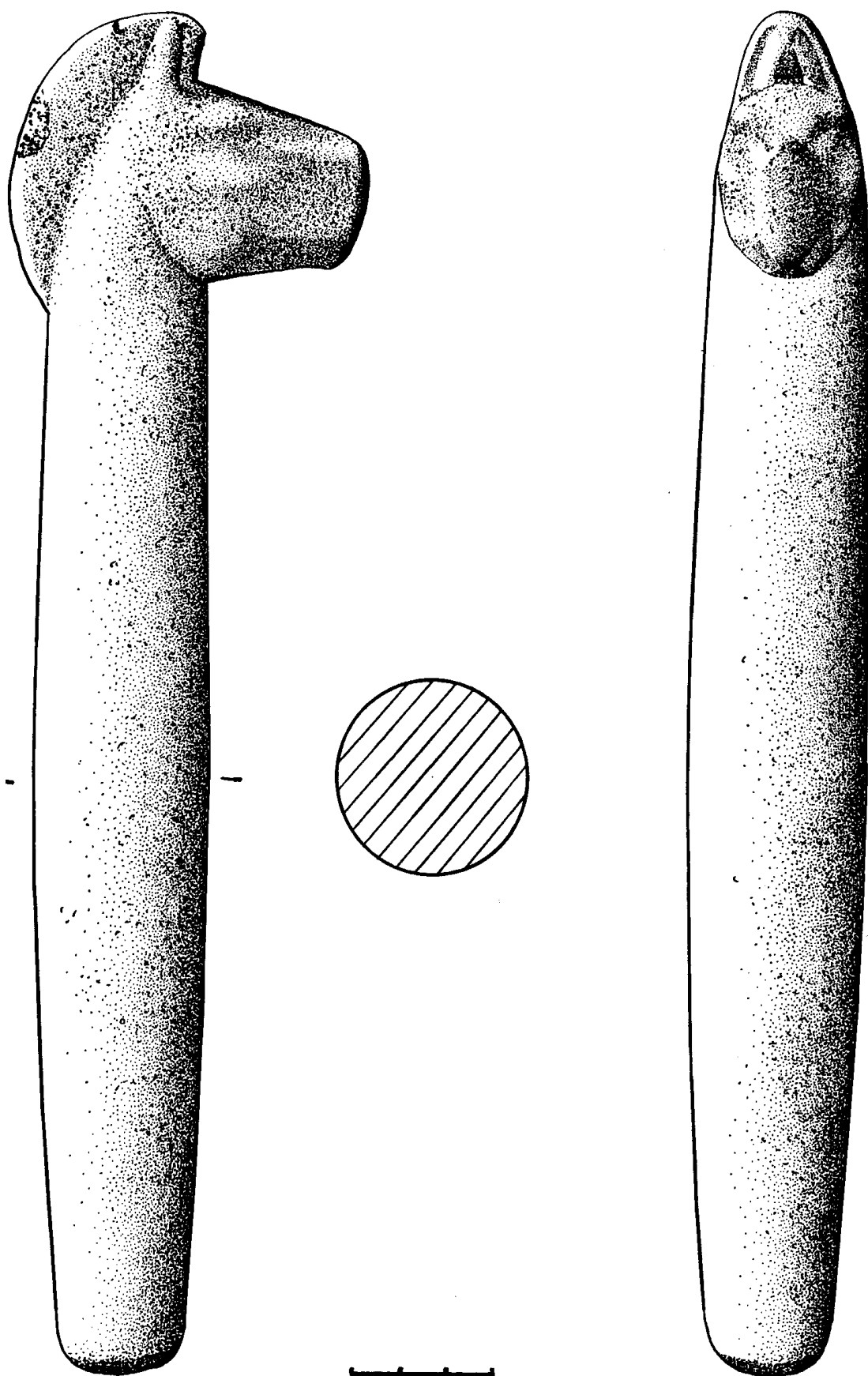

Рис. 1. Каменное изделие с навершием в виде головы лошади

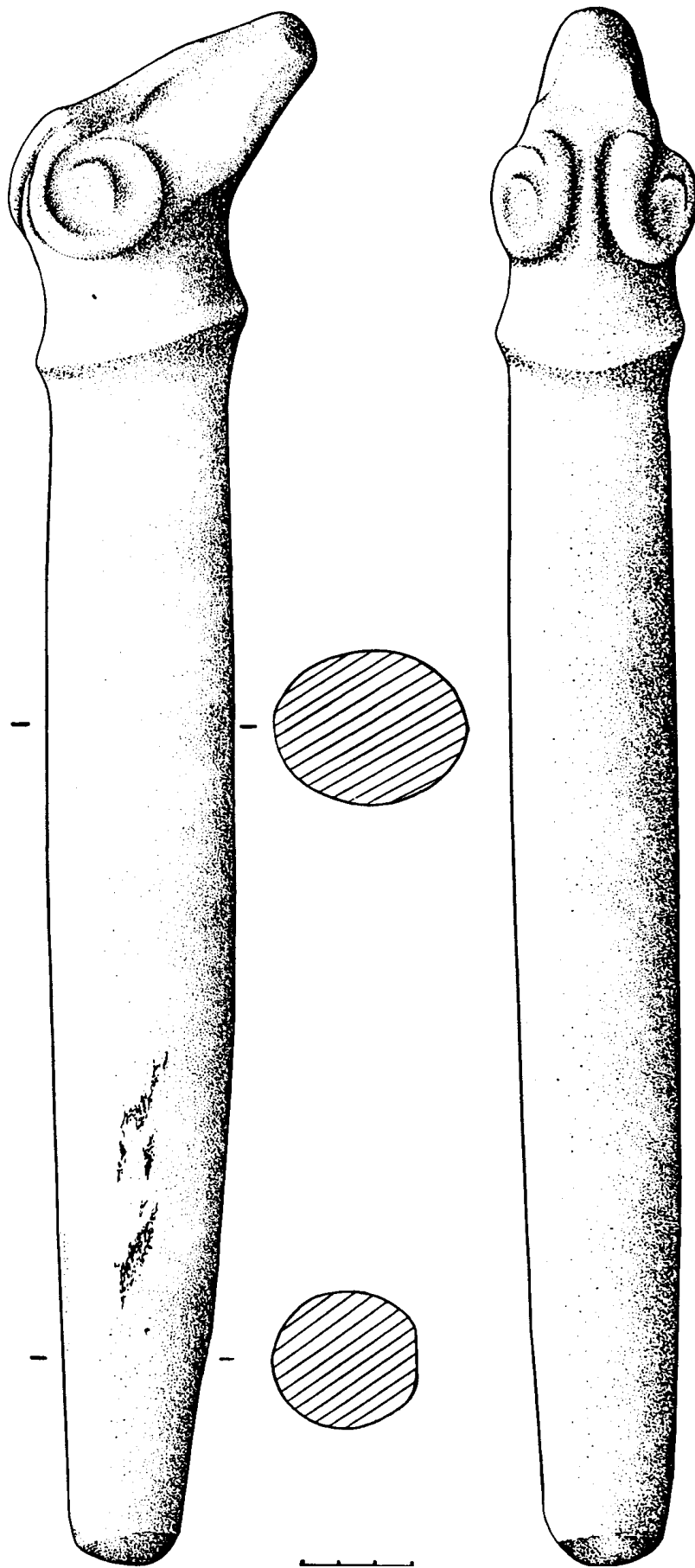

Рис. 2. Каменное изделие с навершием в виде головы барана

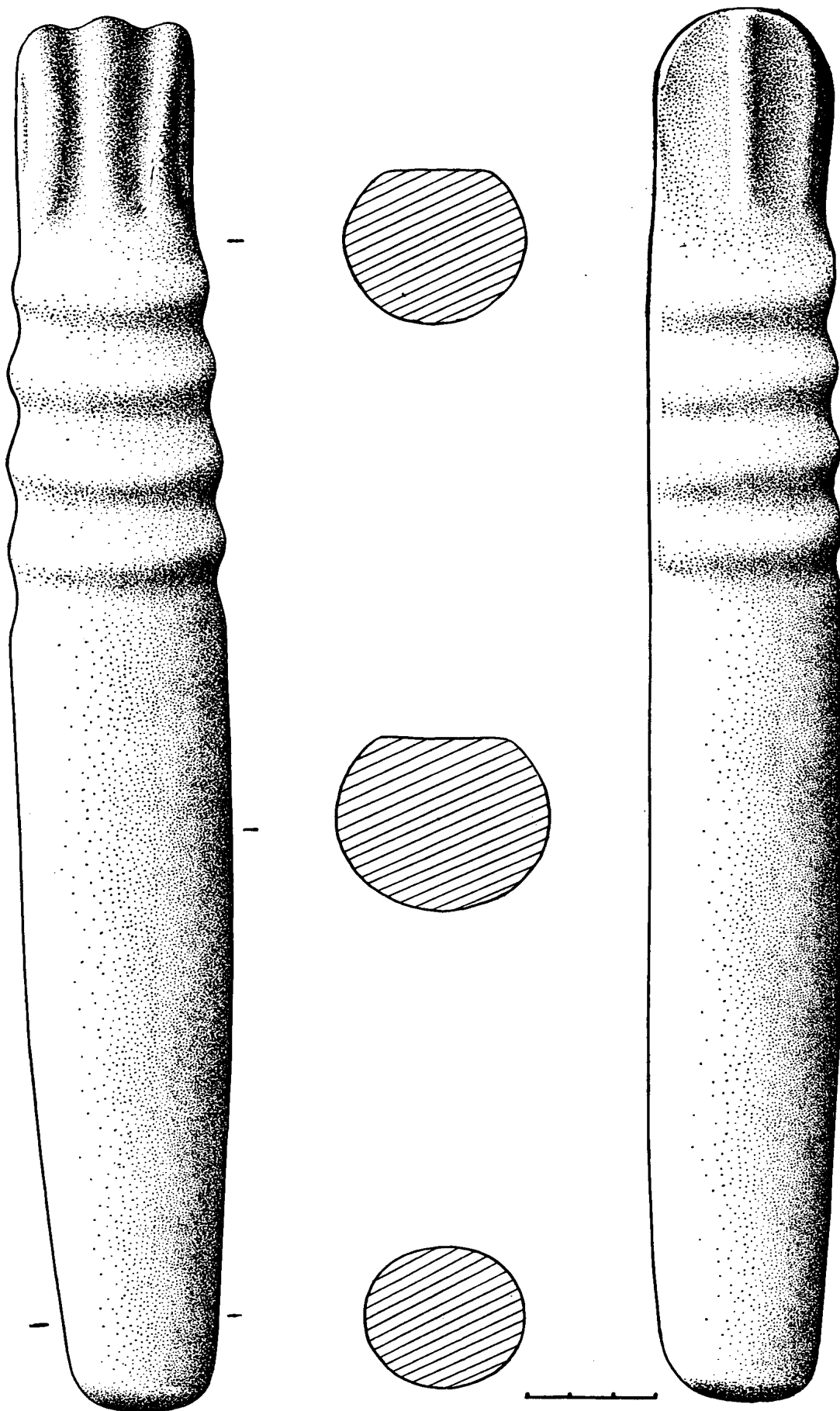

Рис. 3. Каменное изделие «сигарообразной» формы

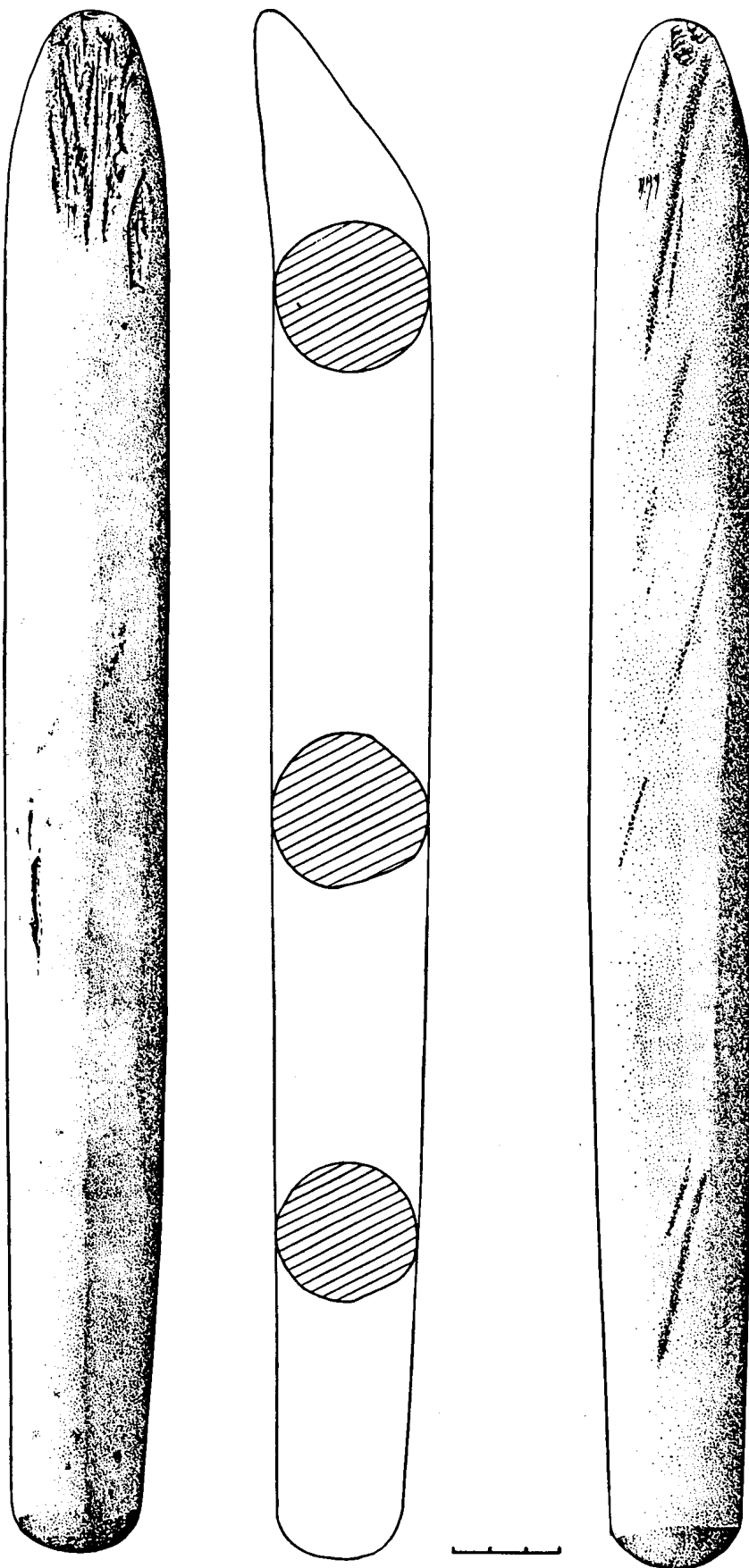

Рис. 4. Каменное изделие вытянуто-конической формы

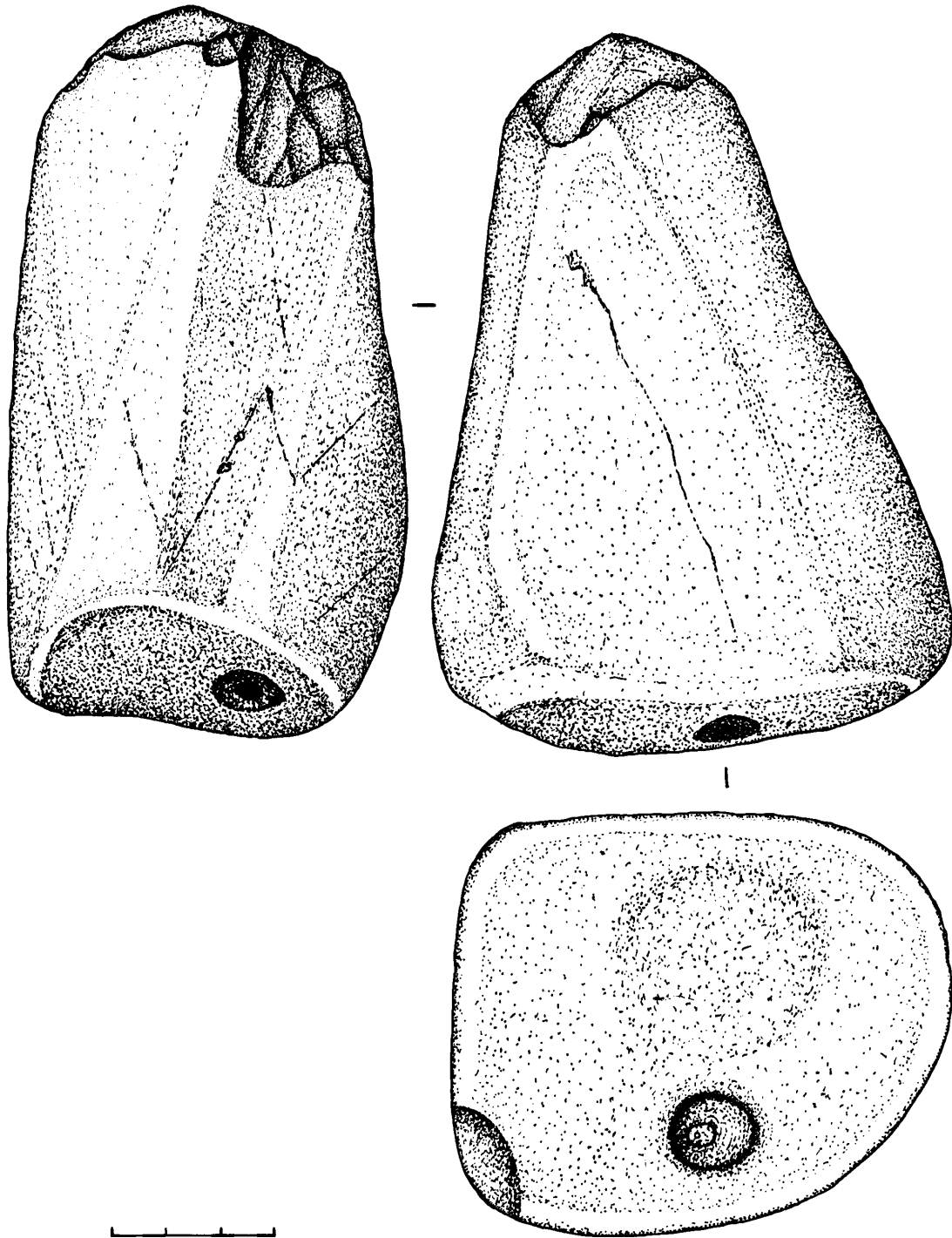

Рис. 5. Галька со следами сработанности

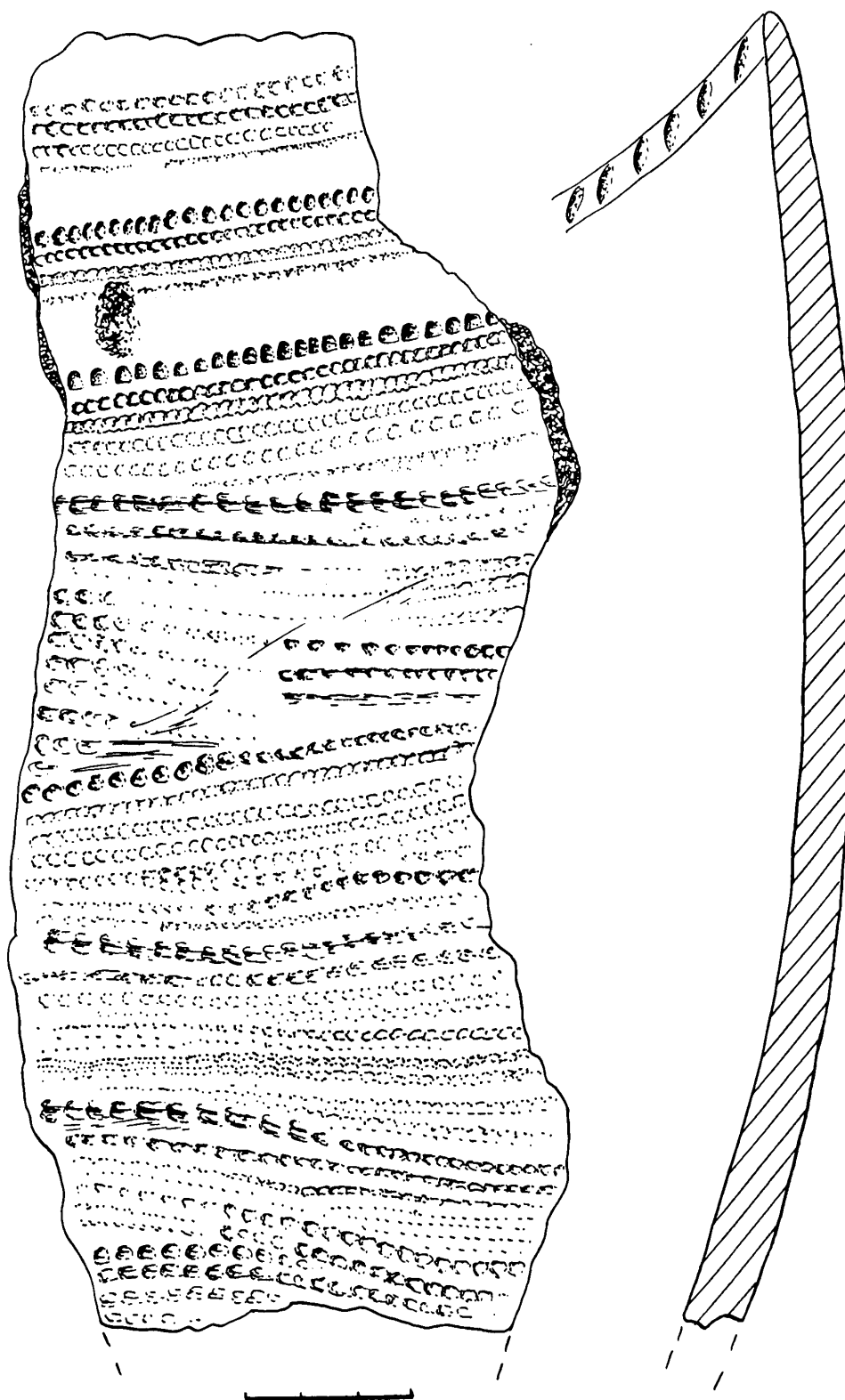

Рис. 6. Фрагмент керамического сосуда

ченными рогами очень близка изображению на каменном жезле с Алтая. Жезл с головой быка и барана известен из Минусинской котловины (Гришин Ю.С., 1960, с. 195, рис. 28.-1).

Третий жезл изготовлен из фельзит-порфира. Его длина – 36 см, максимальная ширина (в середине) – 5 см, минимальная (внизу) – 3,45 см. Форма сигарообразная, сечение округлое с утолщением по всей длине с одной стороны (рис. 3). Вертикальными шлифованными желобами, по два с каждой стороны и сверху, выделено квадратное в сечении навершие. Четырьмя круговыми горизонтальными желобами покрыта часть жезла, следующая за навершием. Возможно, таким образом выделена рукоять. Ширина всех желобов стандартна и составляет около 1 см. Длина навершия и возможной рукояти – 15,5 см, около половины всей длины жезла. Назначение этого изделия пока не совсем понятно.

Четвертый жезл выполнен из туфа андезитовых порфиритов. Его длина – 45 см. Изображений нет, но, возможно, скошенная верхняя часть изображает голову змеи (рис. 4). Форма в сечении – неправильно-округлая. Многие неровности заготовки не устранены. В отличие от трех предыдущих имеет не сигарообразную, а вытянуто-коническую форму, и поэтому максимальная ширина приходится не на середину, а на верхнюю часть и составляет 5,2 см, минимальная по низу – 3 см.

Все жезлы имеют следы забитости и мелкие сколы на нижней плоскости, что не исключает их использования по принципу пестов. Но, по признанию находчиков, основная часть этих повреждений является результатом их экспериментов.

Пятый каменный предмет – это крупная галька. Высота ее – 11,5 см, длина по низу – 8,5 см, ширина – 6,5 см. Несколько ее граней и основание имеют следы сработанности и использования в качестве песта, а затем как терочника (рис. 5). Нижняя часть и задняя стенка ровные, подпрямоугольной в плане формы. Они также могли использоваться и как терочники. Нижняя часть имеет явные следы затертости. На ней сбоку сверленное, коническое, с наклоном оси к центру, отверстие. Диаметр его сверху – 1,4 см, глубина – 1,7 см. Порода камня – туф липаритового порфира.

Керамика. Как уже отмечалось выше, Г.Е. Ивановым был обнаружен развал стенки крупного сосуда. По венчику сосуд украшен овальными лунками, а по тулову – горизонтальными и наклонными рядами оттисков отступающей гребенки (рис. 6). Подобная орнаментация чрезвычайно характерна для керамики из елунинских погребений могильника Староалейка-II (Кирюшин Ю.Ф., 1987, рис. 4).

Если говорить о хронологии могилы на памятнике Шипуновка-V, то ее, видимо, необходимо датировать в рамках елунинской культуры XIX–XVII вв. до н.э. Если говорить о значении находок, то их трудно переоценить. Появляются новые материалы, подтверждающие гипотезу, высказанную одним из авторов, о том, что культ коня формируется на территории Восточного Казахстана и юга Западной Сибири в эпоху ранней бронзы, а затем распространяется на другие территории. Этому способствовало коневодческое хозяйство, возникшее еще в эпоху энеолита и получившее огромное значение в эпоху ранней бронзы (Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 156–158). Видимо, из сейминско-турбинского мира проникает сюжет с конем и в андроновское искусство. Здесь, скорее всего, можно даже говорить об определенной преемственности. Изображение змей известно из погребений ранней бронзы на могильнике Сопка (Молодин В.И., 1985, рис. 27.-1–3). Видимо, сочетание змеи и коня в андроновском искусстве уходит своими корнями в предшествующее раннебронзовое время. Накопленные к настоящему времени материалы по елунинской культуре Алтая уже сейчас позволяют ставить вопрос об определенной преемственности елунинской и андроновской культур. Будущие работы могут окончательно решить этот вопрос.

Библиографический список

1. Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
2. Бадер О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. 176 с.
3. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 175 с.
4. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М., 1960. С. 116–203.
5. Глушков И.Г. Раскопки поселения Саранин-II // Археологические открытия 1984 г. М., 1985. С. 196.
6. Иванов Г.Е. Комплекс археологических памятников у пос. Шипуново // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 119–123.
7. Иванов Г.Е. Бронзовый нож из Мамонтовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 94–97.
8. Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 164–166.
9. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.
10. Кирюшин Ю.Ф. Культ коня у народов Казахстана и Западной Сибири в древности // Валихановские чтения. Кокшетау, 1992. С. 156–158.
11. Кирюшин Ю.Ф. Местонахождение у поселка Шипуновка Мамонтовского района // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 48–51.
12. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Иртыш // Известия АГУ. 1996. №2. С. 33–38.
13. Матющенко В.И. Нож из могильника у деревни Ростовки // КСИА. 1970. №123. С. 103–105.
14. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
15. Мошинская В.И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья // КСИИМК. 1952. Вып. XIII. С. 45–55.
16. Славнин П.П. Каменный жезл с головой коня // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 125–126.
17. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. С. 88–271.

И.В. Ковтун, В.С. Горяев

*Кузбасская лаборатория археологии и этнографии
Кемеровского государственного университета
и Института археологии и этнографии СО РАН, Кемерово*

МОГИЛЬНИК ТАНАЙ-12 И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНДРОНОВСКОЙ СТАТУАРНОЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИЙ

В 1999–2000 гг. археологической экспедицией Кузбасской лаборатории археологии и этнографии ИАиЭт СО РАН и КемГУ (руководитель д.и.н., проф. В.В. Бобров) были исследованы два андроновских кургана, территориально входящие в могильник эпохи поздней бронзы Танай-12 (Бобров В.В., Горяев В.С., 2000, с. 226–230).

Памятник расположен в 60–350 м к юго-востоку от могильника ирменской культуры Танай-7 и в 4,5 км к юго-западу от с. Журавлево (Промышленновский р-н Кемеровской области), на склоне гривы, окаймляющей берег озера Танай.

Курган 1. После выборки насыпи зафиксированы: каменная округлая ограда из вертикально установленных плит серого сланца; четыре вертикально установленных на материке камня, образующих линию, ориентированную ЗЮЗ-ВСВ; материковый выброс и два пятна, одно из которых перекрывалось линзой выброса.

Могила 1. Размеры пятна, ориентированного ЮЗ-СВ, составляли 2,2х2,7 м. Могилу прорезал грабительский шурф. В нем обнаружены остатки деревянных конструкций, череп и разрозненные кости скелета взрослого человека, фрагменты горшковидного сосуда с геометрическим орнаментом (рис. I.-1). На дне зафиксированы: деревянная конструкция из четырех бревен диаметром до 0,2 м с остатками наложенной бересты, каменная плитка, фрагменты сосуда (рис. I.-2), позвонки, ребра и лопатка человека.

Могила 2. Расположена за пределами ограды, примыкая к ее северо-западной части, и ориентирована по линии ЮЗ-СВ. При выборке обнаружены остатки деревянных конструкций. На дне зафиксированы останки ребенка грудного возраста, а у юго-западной стенки – орнаментированный сосуд баночной формы (рис. I.-5).

Курган 2. Размеры насыпи по линии З-В – 18 м, по линии С-Ю – 16 м, высота до 0,17 м. В насыпи зафиксированы: округлая ограда из вертикально установленных плит серого сланца диаметром около 9 м, фрагмент бревна длиной около 0,6 м и шириной 0,18 м, два скопления фрагментов неорнаментированной керамики, а в 0,5 м, к северо-западу от ограды, яма размерами 1,7х0,6 и глубиной до 0,1 м, ориентированная по линии ЮЗ-СВ.

Могила 1. Расположена в центре ограды и ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. Размеры могильного пятна 2,95х2,17 м. Ближе к северо-восточному углу пятна в него «уходил» «обелиск» из серого известняка, высотой 0,56 м и максимальной шириной 0,12 м, с необработанными гранями и приостренной вершиной.

На глубине 0,9х1,1 м от материка зафиксированы рама и перекрытие могилы из деревянных плах шириной до 0,34 м, толщиной до 0,15 м, уложенных продольно раме. Рама из бревен (0,35х0,42 м), уложенных встык в один венец, и перекрытие сохранили в ряде мест фрагменты наложенной бересты. Погребенный, мужчина зрелого возраста и атлетического сложения, был помещен в небольшое углубление (1,32х2,04х0,23 м), ограниченное венцами рамы, скорченно на левом боку, головой на запад.

Западная часть погребения прорезана грабительским шурфом, и верхний отдел скелета практически уничтожен. Здесь же найдены фрагменты от горшковидного нарядно орнаментированного сосуда (рис. I.-4) (Ковтун И.В., Горяев В.С., 2001, с. 35–36).

Это шестой из числа исследованных и опубликованных андроновских могильников Кузнецкой котловины. Все они локализируются на северо-западной оконечности последней, представляющей собою остепненный участок, примыкающий к северо-западным отрогам Салаирского кряжа.

В сравнении с ранее известными кузнецкими комплексами полученный материал является количественно непредставительным, содержательно принципиально не отличается от них (за одним исключением). Но при определенном ракурсе анализа мы находим его весьма информативным. В первую очередь это касается уникального для андроновских древностей сочетания каменного столба («камня-обелиска») и деревянной внутримогильной конструкции из погребения 1 кургана 2.

Присутствие в андроновских захоронениях деревянных и каменных статуарных сооружений, не связанных какой-либо утилитарной функцией, неоднократно описано в литературе (Рахимов С.А., 1968, с. 74; Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1989, с. 51; Бобров В.В., 1992, с. 54–57; Ковтун И.В., 1994, с. 125–129; Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1995, с. 62–64; Членова Н.Л., 1999, с. 36–42; и др.). Впервые деревянные столбовые конструкции были зафиксированы Н. Минко в могильнике Синеглазово (1909 г.) и С.Н. Дурьлиным в могильнике Сухомесовский (1924 г.) (см.: Андроновская культура, 1968, с. 27, 33). Такие же столбы в Федоровском могильнике описывал и К.В. Сальников (1940, с. 62–63), отметив присутствие аналогичных объектов в другом некрополе – Мало-Кизильском (Рахимов С.А., 1968, с. 74). В 80-х гг. андроновские комплексы Южного Зауралья с подобными сооружениями пополнилась материалами могильника Урефты-I (Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н., 1983, с. 159–160).

В Северном Казахстане деревянные столбы зафиксированы в могильнике Боровое (Оразбаев А.М., 1958, с. 221–225), а в 80–90-х гг. опубликованы материалы, позволяющие предполагать (?) их существование и в алакульских комплексах: Куропаткино-II, Семипалатное и Чистолесбязжский могильник (Бухонина Т.А., 1984, с. 45; Зданович Г.Б., 1988, с. 102; Матвеев А.В., 1998, с. 52).

На Среднем Енисее деревянные столбы известны в Ораке, Каменке-II и Ланином Логу (Максименков Г.А., 1978, с. 58), а в лесостепном Алтае в погребении №23 Кытмановского могильника (Уманский А.П., 1962–1963). Наиболее устойчиво эта деталь характеризует андроновские древности Кузнецкой котловины, где деревянные столбы непременно обнаруживались в каждом исследованном могильнике – Танай-I, Титово-II, Васьково-V, Юрман-I и Урский. Но в андроновских захоронениях Кузнецкой котловины никогда не встречалось статуарных сооружений из камня. Находка подобного объекта в Танае 12 – первый и пока единственный случай подобного рода.

Каменные статуарные конструкции известны из нескольких андроновских могильников: Орак, Усть-Ерба, Косоголь-III (Средний Енисей), Предгорное, Аир-Тау, Средняя база Беткудук (Восточный Казахстан) и Чесноково-I (Северо-Западный Алтай) (Комарова М.Н., 1961, с. 32–73; Киселев С.В., 1935, с. 206–210; Киселев С.В., 1951, с. 44; Михайлов Ю.И., 1999, с. 77; Рахимов С.А., 1968, с. 74; Куш Г.А., 1989, с. 227–228; Археологические памятники в зоне затопления..., 1987, с. 28; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 33–36). При всех различиях в параметрах и местоположении перечисленных столбов им всегда сопутствует внутримогильная конструкция из камня: ящик или циста. Поэтому танайский столб, сочетающийся с деревянным перекрытым плахами срубом, не укладывается в общий корреляционный контекст.

В Северо-Западной Азии традиция сооружения в захоронениях похожих статуарных конструкций из дерева прослеживается с эпохи ранней бронзы. Например, в елунинских могильниках Телеутский Взвоз-I и Староалейка-II, причем в первом памятнике ситуация напоминает андроновскую: «У западной стенки, ближе к юго-западному углу, прослежен тлен от вертикально стоящего столба... Зачистка дна могильной ямы... в юго-западном углу

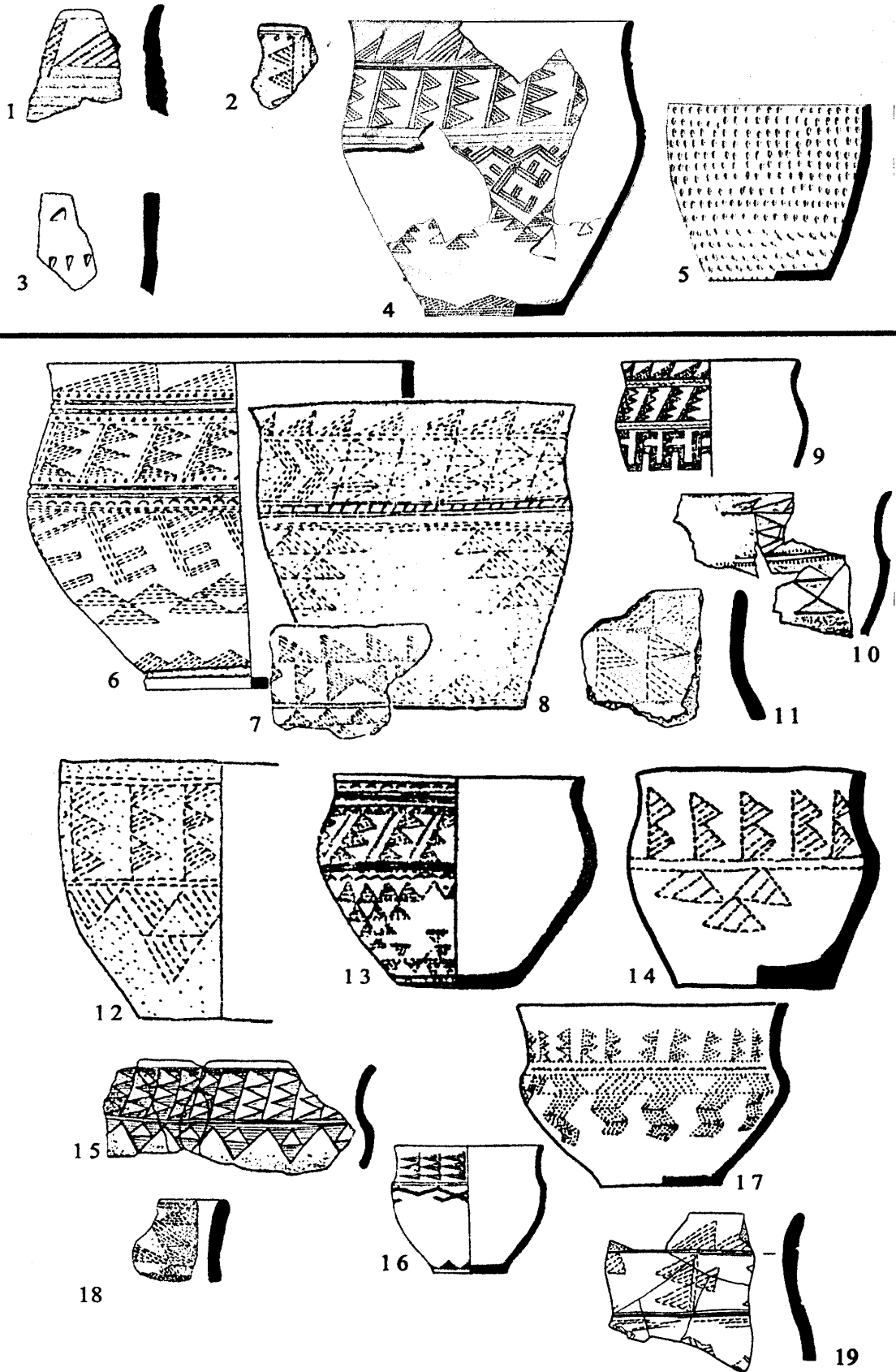

Рис. 1. 1, 2 – Танай-12, к. 1, м. 1; 3 – Танай-12, к. 1, насыпь; 4 – Танай-12, к. 2, м. 1; 5 – Танай-12, к. 1, м. 2; 6 – Павловка-13; 7 – Большой Лог-1; 8 – Андроново, м. 4; 9 – Самусь-IV; 10, 15 – Койшоқы-II, огр. 3, насыпь; 11 – Атасу; 12 – ЕК-II, м. 184; 13 – ЕК-II, к. 52, м. 9; 14 – Зевакино, огр. 72; 16 – Майтан; 17 – Таутары; 18 – Загаринское; 19 – Клепиково

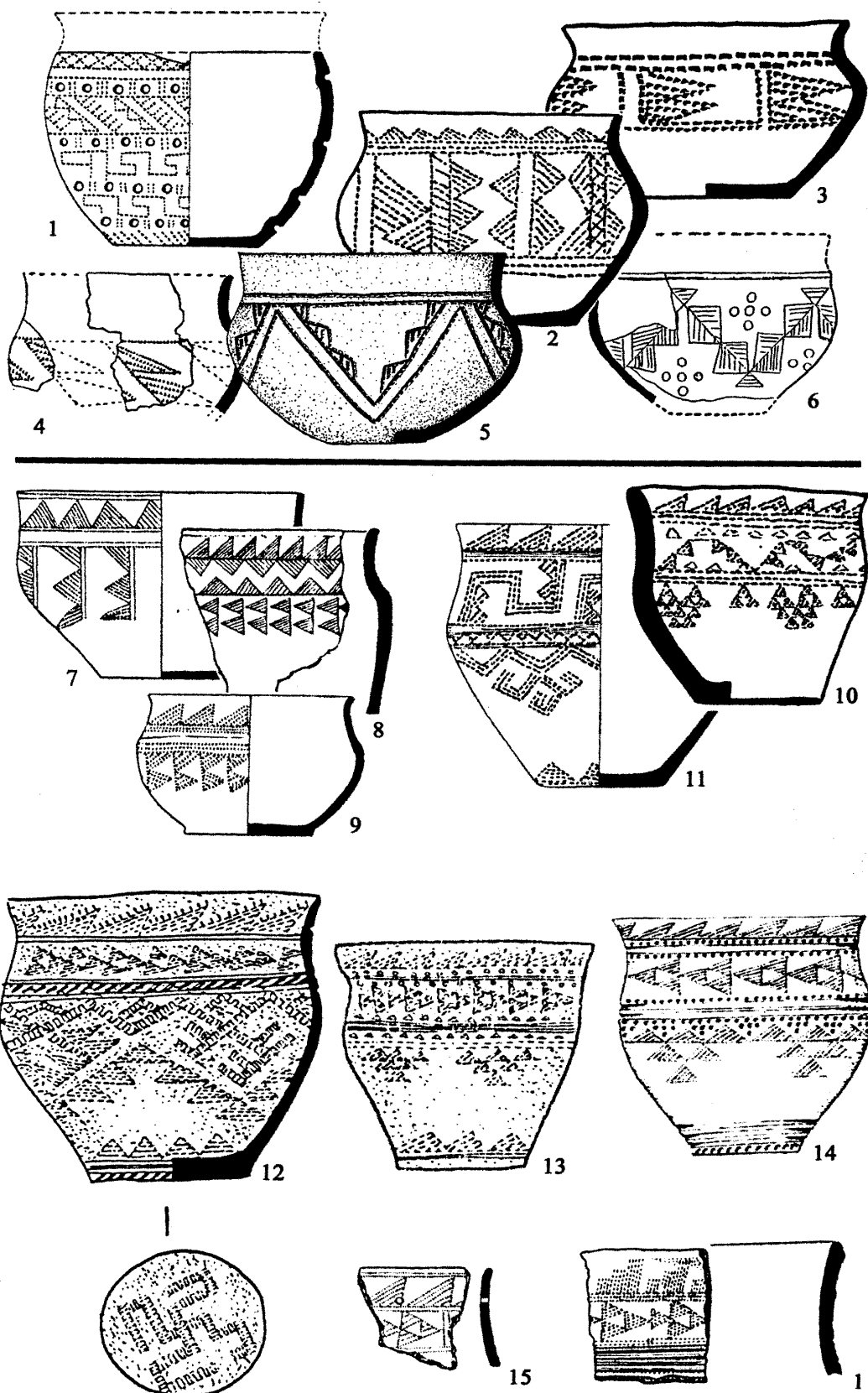

Рис. 2. 1 – Малгет, жилище 5; 2 – ЕК-I, к. 32, насыпь; 3 – ЕК-I, к. 21, м. 5; 4 – Измайловка, огр. 30; 5 – Танай-12; 6 – Осинкинский могильник; 7 – дорога Чимкент-Ташкент; 8 – Шет-I; 9 – Кулевичи-VI, к. 2; 10 – Юрт-Акбалык-11, к. 1; 11 – ЕК-II, к. 50, сектор III; 12 – Абрамово-IV, к. 19, п. 1; 13 – Урский, к. 1, м. 1; 14 – Титово-II, к. 5, м. 5; 15 – Омская стоянка; 16 – Язево-I, дно жилища I

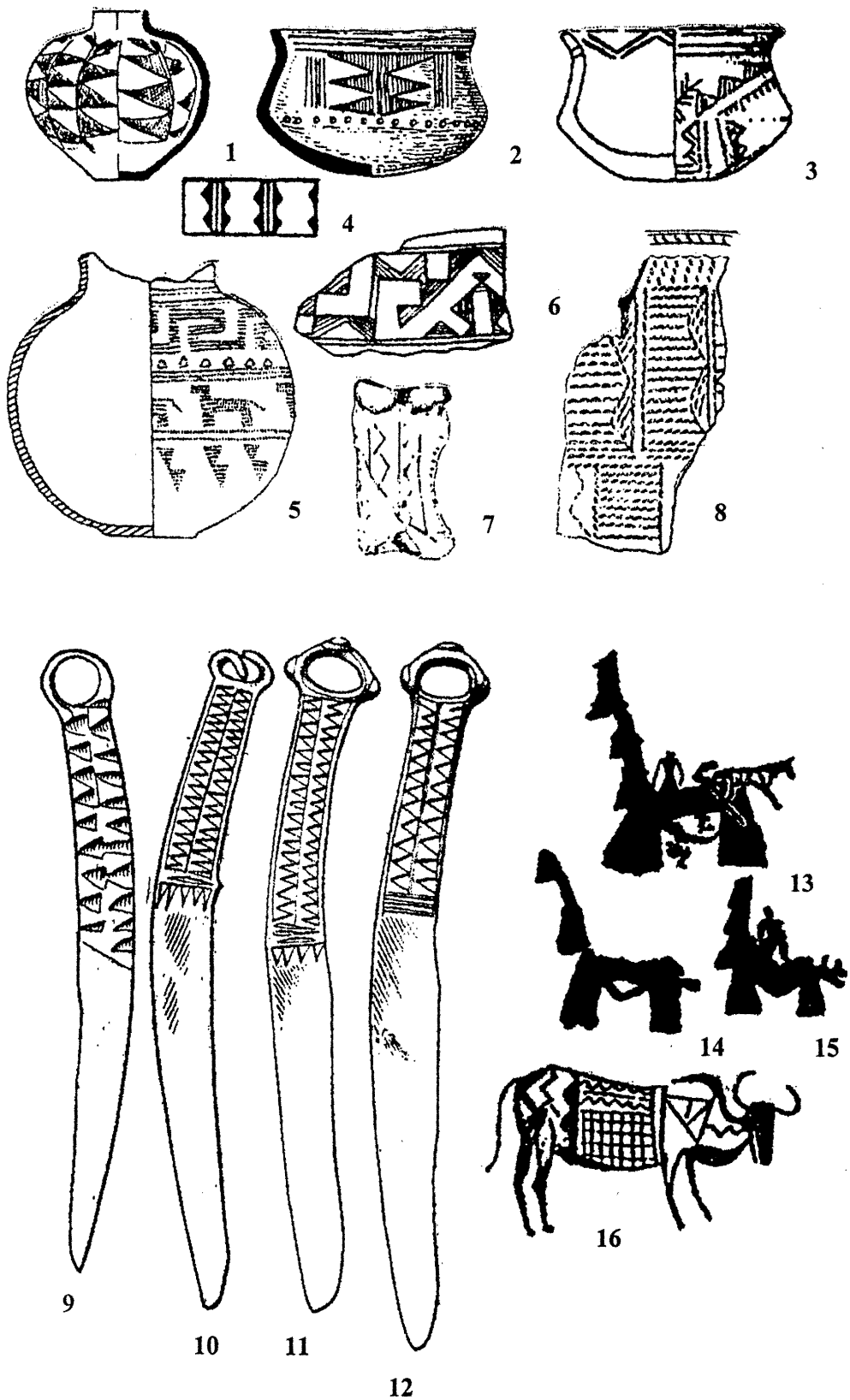

Рис. 3. 1 – Хассунская культура (С. Месопотамия); 2 – Абашево; 3 – Селезни-2, к. 1, перекрытие могилы 3; 4 – Анауская культура периода Намазга-I; 5 – Нувэйбаган; 6 – Байцзинь-бао; 7 – Ботай; 8 – Палкинские стоянки; 9–12 – Минусинская котловина; 13–15 – Мугур-Саргол; 16 – Бижиктиг-Хая

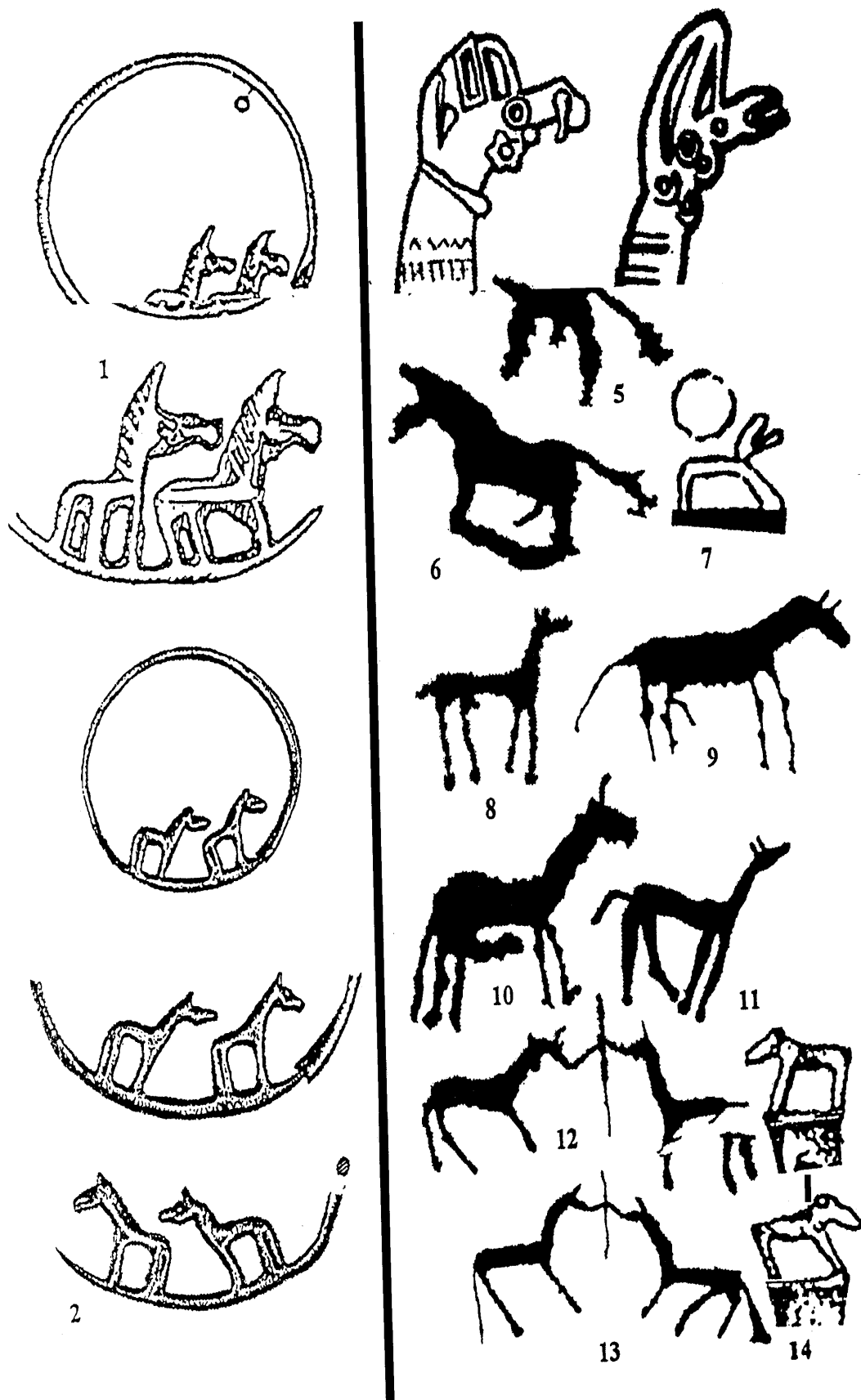

Рис. 4. 1 – Мыншункур; 2 – Чесноково-I; 3 – Монголия; 4 – Анъян (?); 5 – Сагыр-I; 6 – Мойнак; 7 – Верхний Аскиз-I, к. 2 (увеличено); 8 – Усть-Туба-II; 9,11 – Бычиха; 10 – Окей; 12,14 – Курчум

выявила столбовую яму...». Примечателен и найденный здесь орнаментированный шест (!) (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000, с. 300, 302; Кирюшин Ю.Ф., 1987, с. 105).

Четыре деревянных столба по углам и один в центре погребальной камеры выявлены в синташтинско-петровском комплексе кургана 24 Большекараганского могильника (Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996, с. 80) и т.д.

Сложно судить о генетической связи этих сооружений с собственно андроновским комплексом внутримогильных статуарных конструкций из дерева. Сейчас датирование последних может опираться на следующие факты: 1) находки в закрытых комплексах совместно со столбами двух кинжалов срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием (Урефты-I, Юрман-I) и бронзового вотивного топорика в могильнике с аналогичными сооружениями (Ланин Лог); 2) отсутствие случаев нахождения андроновской керамики с валиком в погребениях с деревянными столбами; 3) отсутствие фактов совместного нахождения валиковой керамики и упомянутых кинжалов; они вытесняются «киммерийскими» формами (Черных Е.Н., 1983, с. 81–98; Ковтун И.В., 1991, с. 69–71; Ковтун И.В., 1994, с. 122–129; Ковтун И.В., 1999, с. 17–19; Ковтун И.В., 2000, с. 118–120).

Таким образом, деревянные столбы в андроновских могилах синхронны «доваликовому этапу» андроновской культуры. Поскольку упомянутые кинжалы неизвестны в памятниках сейминско-турбинского горизонта, постольку и нижняя дата сопутствующих им столбов не может быть ранее XIV в. до н.э. (разумеется, если придерживаться схемы Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых). С верхней датой сложнее. Так или иначе, деревянные столбы исчезают с появлением валика на керамике. Но параллельно с валиком в андроновских могилах появляются цисты (в таких андроновских погребениях валиковая керамика надежно зафиксирована), а вместе с цистами – андроновские статуарные сооружения из камня. Это не только силлогическая конструкция: как минимум, в пяти из восьми приведенных случаев каменный столб сочетался с позднеандроновской цистой (Орак, Усть-Ерба – в одной ограде, Косоголь-III, Аир-Тау, Средняя база Беткудук – в одной ограде с пристройкой).

Хронологически симптоматично и то, что традиция установки каменных статуарных сооружений в погребении или над ним зафиксирована в бегазы-дандыбаевских, переходных от бронзы к раннему железному веку (Темир-Канка, Измайловка), ирменских (Журавлево-IV, Танай-7, Камень-I), лугавском (курган Уй) и раннескифских (Тыткескень-VI, Бийке и др.) комплексах (Маргулан А.Х., 1979; Археологические памятники в зоне затопления..., 1987, с. 48–49, 87; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 2000, с. 335; Новиков А.В., 2001, с. 62–64; Боковенко Н.А., Сорокин П.И., 1995, с. 80, 84; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Бобров В.В., 1999, с. 22).

Кроме того, здесь следует привести и наблюдения Г.Б. Здановича, упоминающего о крупных камнях-менгирах, стоящих рядом с надмогильными сооружениями южноуральских андроновских некрополей Путиловская Заимка-II и Приплодный Лог-I (Зданович Г.Б., 1988, с. 147). Кстати сказать, из первого также происходят два срубно-андроновских кинжала с выделенным перекрестием, а материалы обоих могильников включают откровенно позднеандроновский керамический комплекс, с орнаментальными чертами, свойственными саргаринско-алексеевским древностям (Зданович Г.Б., 1988, с. 100).

Приведенный перечень проявляет культурно-хронологический вектор генезиса андроновско-андроноидной статуарной традиции. Правда, находки из могильника Чесноково-I казалось бы свидетельствуют о более древнем возрасте андроновских статуарных сооружений из камня. Здесь каменный столб был обнаружен в могиле вместе с золотой серьгой с раструбом, украшенной двумя лошадиными фигурками (рис. 4.-2) «сейминско-турбинского» облика (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 33–37). Похожее украшение известно и из могильника Мыншункур (Акишев К.А., 1992, с. 7–9) (рис. 4.-1).

Своеобразие художественного исполнения позволяет констатировать как существенные отличия этих уникальных изделий от собственно сейминско-турбинских «аналогов», так и различие их между собой. Постсейминская стилизованность мыншункурской находки усматривается в геометризации корпуса, ног, гривы и в ее «слиянии» с высоко поставленным ухом (рис. 4.-1). Еще более справедливо это в отношении чесноковских фигурок, где данная тенденция проявляется в утрате существенных аксессуаров (грива), а также схематизации и «грациализации» корпуса, морды, шеи и ног лошади (рис. 4.-2). Сформулированный тезис подтверждается и при сравнении рассматриваемой мелкой пластики (особенно чесноковской) с петроглифами и бронзовыми навершиями кинжалов карасукской эпохи (рис. 4.-3–6, 8–14).

Таким образом, перечисленные доводы в совокупности с отмеченной культурно-хронологической перспективой развития традиции указывают на время, близкое финалу II – рубежу II–I тыс. до н.э., в качестве даты чесноковской и мыншункурской находок, а также периода бытования андроновских внутримогильных статуарных сооружений из камня.

Небезынтересно отметить отсутствие внутримогильных статуарных сооружений в раннеандроноидных комплексах: карасукских, еловских, корчажкинских и т.п. На наш взгляд, это еще один аргумент в пользу сравнительно позднего появления каменных столбов в андроновских некрополях.

Следующая группа датирующих параллелей связана с орнаментацией керамики Таная-12 (рис. 1.-3). Строго говоря, речь идет об «истории одного мотива», информативность которого представляется нам весьма содержательной. Это вертикальная (диагональная) цепочка из двух-трех треугольников. Керамика с таким орнаментом найдена в обоих курганах могильника, причем в одном случае в погребении с каменным столбом (рис. 1.-2, 4).

Рассматриваемый мотив известен по материалам довольно ранних культур (рис. 3.-1,4,7,8). Но его появление в раннеандроновском комплексе (рис. 1.-16; 2.-19) исторически оправдано только в контексте возможных абашевских влияний (рис. 3.-2, 3), хотя и другие версии также не исключаются.

Иконографические вариации мотива в собственно андроновском комплексе (рис. 1; 2.-7–16) связаны с изменением места его дислокации; вводом «дополнительных» («соединительных») элементов; а также использованием мотива для конструирования «нетипичных» построений (рис. 2.-10,11,12). Обнаруживается его устойчивая детерминантная связка либо с ковровым меандром А-типа (по С.В. Зотовой), либо с пирамидками из треугольников, что говорит об однородной архитектонике орнаментального сюжета на различных сосудах: одна схема – один «текст» (рис. 1.-4,6–8,10,12–16; 2.-10–14).

Хронологически симптоматично использование этого мотива андроновскими и раннеандроноидными культурами эпохи поздней и финальной бронзы (рис. 2.-1–6; 3.-9–16), а также наличие подобных элементов на керамике раннего периода культуры байцзиньбао (Северо-Восточный Китай) (рис. 3.-5, 6), датируемой с начала XI в. до н.э. (Гребенщиков А.В., 1990, с. 74). Примечательны и другие, пока труднообъяснимые совпадения. Например, сочетание на одном из упомянутых китайских сосудов рассматриваемых мотивов с зооморфными персонажами, с одной стороны, и иконографический синтез этих изобразительных элементов в уникальных зооморфных образах с наскальных плоскостей Мугур-Саргола (сравни по рис. 3.-5, 13–15), с другой. Разумеется, приведенную параллель можно считать плодом авторского воображения, но с близостью времени бытования этого сосуда и мугур-саргольских рисунков не считаться нельзя.

Далеко не все мотивы из орнаментального репертуара андроновцев нашли свое продолжение в изобразительных традициях свиты андроновских культур. Безусловно, они могли быть придуманы заново, но в таком виде, как на приведенной серии (рис. 2.-1–6), без участия андроновцев, это категорически невозможно. Это означает, что ранним андроновским

сообществам «нравилось» то, что было ими «увидено» (т.е. привнесено в их среду, вероятно, первичным носителем), и «не нравилось» то, чего «увидеть» (т.е. получить вместе с первичным носителем), было уже нельзя никогда. Следовательно, вывод об археологически синхронном бытовании рассмотренного мотива в собственно андроновских и андроновидных комплексах позволяет говорить о времени не ранее XII в. до н.э., исключая из этого круга только такие раннеандроновские памятники, как Майтан, Кулевичи-VI и, вероятно, Шет-I и Койшоки-II (рис. 1.-16; 2.-10,15,16). Правда, в погребении последнего найден андроновский браслет с конусовидными спиральями на окончаниях, а фрагменты сосудов с рассматриваемой орнаментацией зафиксированы уже в насыпи, перекрывшей эту и пристроенную к ней ограду. Одному из авторов ранее приходилось останавливаться на хронологии подобных браслетов (Ковтун И.В., 1999а, с. 21–26), а учитывая описанную стратиграфическую ситуацию, время койшокинских сосудов вполне сопоставимо с предложенной датой, т.е. не ранее XII (XIII) в. до н.э.

Кроме того, в одном из погребений ЕК-II вместе с рассматриваемым здесь в качестве аналога сосудом (рис. 1.-13) был обнаружен нож томского типа, что также указывает на финал II или рубеж II-I тыс. до н.э. (Ковтун И.В., 1993, с. 51–52; Ковтун И.В., 1998, с. 250; Ковтун И.В., 1999, с. 23).

Наконец, в могильнике Зевакино, на общей площади всего в 58 м² (так называемая первая группа погребений) были обнаружены: в ограде 72 – горшок с рассматриваемым мотивом (рис. 1.-14), в ограде 72б – кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием, а в ограде 87а – откровенно поздний кинжал «киммерийского типа» (Арсланова Ф.Х., 1973; Арсланова Ф.Х., 1975, с. 76). Учитывая планиграфию участка, сделанные находки также свидетельствуют в пользу конца II – начала I тыс. до н.э.

Итак, по двум независимо совпавшим линиям датированных параллелей диапазон функционирования андроновского сектора могильника Танай 12 может быть ограничен финалом II – рубежом II-I тыс. до н.э.

Библиографический список

1. Акишев К.А. Происхождение «звериного» стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения 1990 г. М., 1992. Ч. I. С. 4–9.
2. Андроновская культура. Памятники западных областей // САИ. 1966. Вып. 3–2. 144 с.
3. Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. №4. С. 160–168.
4. Арсланова Ф.Х. Погребения эпохи бронзы Зевакинского могильника // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 73–78.
5. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. 280 с.
6. Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Азия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 54–57.
7. Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 20–23.
8. Бобров В.В., Горяев В.С. Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. С. 226–230.
9. Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово, 1989. Деп. в ИНИОН №38518 от 26.06.89.
10. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.
11. Боковенко Н.А., Сорокин П.И. Новые погребальные памятники на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. №24. С. 76–84.

12. Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 г.) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 64–88.
13. Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино-2 на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 44–58.
14. Гребенщиков А.В. Необычные сюжеты в орнаментике традиционного гончарства Приамурья в эпоху раннего железа // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск, 1990. С. 54–79.
15. Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск, 1988. 184 с.
16. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.
17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
18. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Сведения о раскопках грунтового могильника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. С. 297–302.
19. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия АГУ. 1996. №2. С. 33–38.
20. Киселев С.В. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. 1935. №4–5. С. 206–209.
21. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
22. Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз-I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 80–112.
23. Ковтун И.В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александрова. К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине // Методология, историография и археология Сибири. Кемерово, 1994. С. 122–134.
24. Ковтун И.В. Андроновские сосуды с подквадратным устьем // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 118–120.
25. Ковтун И.В. О верхнем археологическом пределе существования андроновских (федоровских) памятников в Западной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 69–71.
26. Ковтун И.В. Особенности андроновской экспансии на юге Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 246–253.
27. Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово, 1993. 137 с.
28. Ковтун И.В. Хронология кинжалов срубно-андоновского типа с выделенным перекрестием // Краеведение Сибири. История и современные проблемы. Кемерово, 1999. С. 17–19.
29. Ковтун И.В. Хронология андроновских браслетов с конусовидными спиральями // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999а. С. 21–26.
30. Ковтун И.В., Горяев В.С. Андроновские погребения с западного берега озера Танай // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 35–36.
31. Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 3. С. 32–73.
32. Куш Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С. 227–228.
33. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 192 с.
34. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 360 с.
35. Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. 417 с.
36. Михайлов Ю.И. Опыт реконструкции соматического кода в традиции использования оленных камней // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 74–85.
37. Михайлов Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных стел и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи поздней бронзы юга Запад-

ной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. С. 334–341.

38. Новиков А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень-I // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 62–64.

39. Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН Каз.ССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 216–294.

40. Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.

41. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Юрман-I – новый андроновский могильник в Кузнецкой котловине // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследования археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 62–64.

42. Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки // МИА. 1940. №1. С. 58–67.

43. Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 288 с.

44. Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты-I // СА. 1983. №1. С. 155–156.

45. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1993. С. 81–99.

46. Членова Н.Л. К вопросу о происхождении оленных камней // Вопросы археологии и истории Южной Сибири: Сборник статей к 75-летию ... А.П. Уманского. Барнаул, 1999. С. 36–42.

А.В. Кондрашов

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ АЛТАЕ

Памятники сrostкинской культуры являются сегодня наиболее хорошо изученными для эпохи средневековья юга Западной Сибири. Это позволяет нам провести анализ отдельных элементов ее погребальной обрядности. Целью данной работы является исследование погребений по обряду кремации.

Погребения с трупосожжениями сrostкинской культуры в Лесостепном Алтае были исследованы на памятниках Иня-1 к. 1 м. 1, к. 7, Новофирсово-VII к. 3 м. 1, к. 4 м. 1, Михайловка-I к. 1, Борковский Елбан-VI выдув-2, Кукушкин Елбан-II м. 3, Сrostки-I к. 2 (раскопки С.М. Сергеева), к. 2,5,7,9,11 (раскопки М.Н. Комаровой), Дмитротитово (Уманский А.П., 1970; Алехин Ю.П., 1996; Тишкин А.А., 1991; Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995; Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б., 1990; Савинов Д.Г., 1998; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., 1991).

В этой работе нами опускаются пока не опубликованные материалы из зоны Гилевского водохранилища (Могильников В.А., 1972).

Поскольку одним из показателей мировоззрения, безусловно, является отношение общества к умершему человеку, то таким образом мы получаем возможность выявить сохранившиеся полностью или частично эти отношения, когда-то выражавшиеся в способах представления или отправления умершего. В 1991 г. С.В. Неверовым было выделено четыре основных варианта погребальной обрядности, характерных для сrostкинской культуры:

- 1) отдельное погребение человека;
- 2) трупоположение в сопровождении коня;
- 3) трупоположение со «шкурой коня»;
- 4) трупосожжение (Неверов С.В., 1991б, с. 181).

Помимо указанных выше недавно был отмечен и пятый вариант – *трупосожжение с конем* (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177).

В результате проведенной работы с данными погребальных памятников сrostкинской культуры мною было учтено 381 погребение (100%) из 68 могильников. Основным способом погребения населения Сrostкинской культуры являлось трупоположение, т.е. большая часть погребенных была ингумирована – 367 погребений (96,32%). По обряду трупосожжения пока известно в лесостепном Алтае только 14 погребений (3,67%). Отличие последних от основной массы погребений выражается только в способе погребения, различий в вещевом инвентаре не прослеживается. Погребения по обряду кремации малочисленны и известны только в памятниках инского (вторая половина VIII – первая половина IX в. н.э.) и грязновского (вторая половина IX – первая половина X в. н.э.) этапов, причем в целом на втором этапе они количественно преобладают. Если на самом раннем из известных нам могильнике сrostкинской культуры Иня-1 из 52 исследованных на сегодня погребений лишь два были совершены по обряду трупосожжения, то на могильнике Сrostки-I это число уже выше – из 18 раскопанных и документированных погребений 6 погребенных кремированы (Савинов Д.Г., 1998, с. 176–179). Ситуация в данном случае не совсем ясна по той причине, что еще 39 курганов раскопал археолог-краевед М.Д. Копытов в 1925 г. (Сергеев С.М., 1998). Естественно, «отчетов и дневников раскопок... не велось и не имеется» (Сергеев С.М., 1998, с. 189). В то же время в работе С.В. Неверова отмечается, что «в коллекции имеются накопленные стрел, удила, стремяна, до своего погребения побывавшие на костре» (Неверов С.В., 1991, с. 128); и это вызывает некоторое недоумение. Если обратимся к работе С.М. Сергеева или к другим погребениям из этого могильника, то мы заметим, что там инвентарь явно

не побывал в огне (Сергеев С.М., 1998, с. 189–190; Савинов Д.Г., 1998, с. 189). Но стоит обратить внимание и на то, что в «краткой характеристике» С.М. Сергеева отмечается всего три трупосожжения (Сергеев С.М., 1998, с. 189), в то время как в отмеченной экспедиции С.И. Руденко под руководством М.Н. Комаровой в 1925 г. было вскрыто пять погребений по обряду кремации, и не зная этого заведующий Бийским музеем не мог, поскольку эта записка датируется 1928 г. и в ней упоминается о работах экспедиции С.И. Руденко. Тогда возникает вопрос: не относятся ли они к раскопкам М.Д. Копытова?

Характерной особенностью погребений по обряду кремации сrostкинской культуры является сожжение на стороне с последующим погребением праха в могиле с инвентарем, который действию огня не подвергался. Вопрос о том, трупосожжение ли это на стороне или на месте, давно определен и легко решается в силу стратиграфических, планиграфических и иных признаков. Это наличие или отсутствие прокала под скоплением кремированных костей, форма и размеры скопления, анатомическое взаиморасположение костей скелета и их фрагментов, наличие или отсутствие обожженных конструкций и стенок могильной ямы, хотя последнее могло быть вызвано тем, если в могилу ссыпался прах погребяемого человека с горящими остатками кострища. Интересен и такой момент, что в погребении к. 2 (раскопки С.М. Сергеева) и к. 2,5 (раскопки М.Н. Комаровой) могильника Сrostки-I, Дмитротитово, Иня-1 к. 7, Новофирсово-VII к. 3 м. 1 и к. 4 м. 1 вещи располагались так, как будто там был погребен реальный человек, а не его прах. Т.е. их расположение очень похоже на расположение вещей при погребении по обряду трупоположения. Стоит отметить, что неясна ситуация в погребениях кургана 11 (раскопки М.Н. Комаровой) могильника Сrostки-I, к. 1 м. 1 могильника Иня-1 и м. 3 могильника Кукушкин Елбан-II. Можно предположить, что в погребениях с трупосожжениями при отсутствии следов огня в могилу помещался остывший (?) прах. Этот прием мог осуществляться в двух вариантах:

1) либо прах умершего человека, сожженного на специальном костре-крематории, просто ссыпали в могилу без какого-либо видимого порядка;

2) либо прах сожженного человека собирали в мешочек и укладывали в могилу (Матющенко В.И., 1994, с. 326). Такая деталь предположительно может быть отмечена на могильнике Сrostки-I: «...остатки костей и пепла собраны в кучку и положены на уровне грунта. Тут же остатки оружия. Сверху такая же насыпь» (Сергеев С.М., 1998, с. 189).

Возможно, что если мы обнаруживаем в могиле аккуратную кучку праха, то мы имеем дело с ситуацией, когда в могилу была положена кукла-манекен, в которую зашивался мешочек с прахом. В данном случае Т.Н. Троицкая предполагает даже какое-то соответствие с таштыкскими куклами, в которые зашивались частицы праха (Троицкая Т.Н., 1994, с. 221). В наших материалах прах находится компактно только на могильнике Сrostки-I в виде расположенных посредине могильной ямы кучки костей вместе с другими остатками сожжения.

В обоих случаях могилу сооружали обычных размеров, без поправки на то, что ее площадь велика для небольшого количества праха. Максимальные размеры: в длину до 3,04 м, в ширину до 1,1 м и глубину до 1,4 м; и, соответственно, минимальные: в длину 1,2 м, в ширину 0,38 м и глубину до 0,46 м. Характер захоронения фактически не диктовал форму и размеры могильной ямы. Ориентировка могил в целом повторяет широтную направленность обычных погребений (ССВ-ЮЮЗ, СВВ-ЮЗЗ, СВ-ЮЗ, В-3).

К сожалению, никем не проводился тщательный анализ кремированных остатков, и ввиду этого информация более бедна, чем нам хотелось бы. Не привлекались специалисты хотя бы для учета количества остатков костяков человека в одном погребении, определения пола и возраста погребенных.

Традиционно символом огня считается меловая подсыпка, кусочки охры, угольки. В сrostкинских погребениях нередко можно зафиксировать угольки, никогда не была про-

слежена охра и в единичном случае известно применение меловой подсыпки в кургане №10 м. 2 могильника Рогозиха-I (Неверов С.В., 1990, с. 113).

Неясным пока остается место сожжения или наличие крематориев. Говорить о них пока сложно, так как наиболее массово сожжение проводилось только на могильнике Сростки-I. Полная кремация возможна лишь при высокой температуре (Беликова О.Б., 1996, с. 115). На открытом воздухе, на обычном костре из дров необходимо поддерживать температуру около 1300–1400 °С примерно около одного часа. Поэтому следы в любом случае должны были сохраниться либо в виде мощного прокала с пепельно-углистой землей, либо в виде кострища с несколькими прослойками, если это место использовалось несколько раз. В данном случае для их обнаружения необходимо проводить раскопки межкурганного пространства. В том случае, если такие кострища не будут обнаружены рядом с курганами или несколько в стороне от них, то это может говорить только о том, что сожжение проводилось где-то в другом месте, а прах привозился. Но сами по себе такие работы очень трудоемки, а результат их минимален.

Полное сожжение, как и расчленение, у многих народов было призвано обеспечить дальнейшее существование погребяемого человека в форме души, а не тела. Кремация как способ перехода в иное состояние, иную жизнь отличается от окуривания и частичного сожжения тем, что эти действия предполагают наличие четко выраженных представлений об ином мире (Кулемзин В.М., 1994, с. 407), а не просто, скажем, обряда очищения в случае, если погребенный до смерти был болен.

Одного признака кремации долгое время было достаточно для того, чтобы любое раннесредневековое погребение на юге Западной Сибири соотносить напрямую с кыргызами либо с родственными им группами населения (Троицкая Т.Н., 1973; Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., 1991, Савинов Д.Г., 1994, с. 62; Могильников В.А., 1999; и др.); и иной облик инвентаря, и порой более ранняя датировка, чем начало «эпохи широкой экспансии войск древнехакасских феодалов» (Кызласов Л.Р., 1981, с. 55), т.е. 840–846 гг. н.э. не сразу стали серьезным противовесом этой позиции. Хотя, скажем в Кузнецкой котловине, этот вопрос мог решаться, например военной агрессией культуры чаатас в западном направлении, на своих ближайших соседей. Все же отмечалось, что определяющим следует считать не просто факт трупосожжения, а сочетание сожжения покойника на стороне с характерными деталями погребального обряда и формами предметов сопроводительного инвентаря, сложившимися в предшествующее время в культуре кыргызов Минусинской котловины (Савинов Д.Г., 1994, с. 52).

Несомненно, нельзя все погребения просто относить к культуре енисейских кыргызов или проявлению их экспансии в середине IX в., как это делает Д.Г. Савинов (1998, с. 189) на примере Сросткинского могильника, хотя и отмечает, что присутствующие вещи по формам и характеру орнаментации более близки к сопредельным горно-алтайским традициям. Тем более, что часть из них более раннего происхождения (Иня-1 к. 1 м. 1, к. 7, Борковский Елбан-VI выдув-2). Опускается и тот момент, что сами вещи на огне не побывали, параметры могил соответствуют подобным же погребениям, но по обряду ингумации, и в некоторых случаях есть основания полагать, что вещи располагались в том же порядке, как если бы там был погребен реальный человек. Кроме того, для чего же тогда было сооружать берестяной конверт в Дмитротитово или берестяную подстилку на Ине-1 к. 7 либо помещать прах на куске бересты, как в Сросткинском могильнике к. 7. Что это, как не явное отражение синтеза двух культур, но верхнеобской и сросткинской, так как кремация и берестяные конверты известны в одинцовской культуре предшествующего времени, а вещевой комплекс представлен типично сросткинскими предметами.

Главным отличием от обрядности древних кыргызов выступает то, что прах сопровождался не побывавшим в огне инвентарем. Впервые эта деталь была отмечена Ю.И. Трифоновым (1983, с. 129; 1987, с. 116) при сравнительном анализе двух погребений (объект №6

или курган №1 и объект №80 или курган №5) на могильнике Джартас и поисках их этнокультурной интерпретации. А далее уже использовалась как исследовательская позиция для погребений по обряду с кремацией при наличии необожженных вещей в Восточном Казахстане (Ахинжанов С.М., 1987, с. 244). В то же время если говорить о кыргызах, то отмечается, что у них просто «залегают остатки погребенных кострищ (угли, зола, головешки), разведенных где-то на стороне, в которых находят пережженные косточки одного человека, вещи...» (Кызласов Л.Р., 1969, с. 110). Следовательно, вещи также были обожжены. Вследствие этого железо подвергается поверхностной патинизации, что и способствует его лучшей сохранности, а бронзовые, медные, золотые и серебряные находки деформируются под воздействием огня. Кроме того, для кыргызских трупосожжений характерно погребение в неглубоких ямах (круглых, овальных или неправильной формы), обычно небольших, либо вообще в остатках кострищ на горизонте под насыпью кургана (Кызласов Л.Р., 1969, с. 97). А сrostкинские погребения, как мы уже знаем, сооружались в могилах нормальных размеров.

Для сравнения стоит более подробно остановиться на соседних регионах. В Новосибирском Приобье со второй половины VIII в. (юрт-акбалыкский этап) погребальный обряд резко меняется, и преобладающим становится обычай трупосожжения на стороне (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 23). Детали обряда: могилы лишь слегка углубляются в материк, реже погребения сооружались на материке или в насыпи, вещи действию огня не подвергались, прах сосредоточен компактными кучками. Но это погребальный обряд верхнеобской культуры. Первоначально, по мнению Т.Н. Троицкой (1973, с. 185), это было следствием проникновения или влияния кыргызов, пришедших с юго-запада. И лишь позднее, более тщательно проанализировав имеющиеся материалы, она пришла к выводу, что это вряд ли возможно. А наличие подобных же погребений по обряду трупосожжения, известных ранее, хотя и не в таком массовом порядке, говорит о том, что эта традиция не была новой для местного населения, а ее корни уходят в кулайскую культуру, хотя и принадлежала она какой-то узкой группе людей (Троицкая Т.Н., 1988, с. 85).

В Кузнецкой котловине подобная традиция также не нова и численно преобладает вплоть до IX в. Для нас интересен период с VII по IX вв. Он легко характеризуется на примере могильников Саратовка, Сапогово, Сапогово-I, II и т.д. (Илюшин А.М., 1997; 1999; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1996; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1992; и др.). Все погребения совершены по обряду кремации на стороне, погребения сооружались либо на уровне древнего горизонта, либо в грунтовых ямах под насыпями курганов. Инвентарь располагался, как правило, за пределами могил, реже в них самих. Судя по рисункам и сохранности бронзовых изделий, вещи воздействию огня не подвергались. По мнению А.М. Илюшина, существование подобного обряда у местного населения на всем протяжении раннего средневековья могло быть связано со стабильным проживанием на этой территории самостоятельного самодийского населения (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., с. 99). Автором отмечается также, что своими корнями эта культура в этом регионе генетически уходит в кулайскую культуру (Илюшин А.М., 1999, с. 66).

Горный Алтай после разгрома Уйгурского каганата попадает в сферу влияния кыргызов. Появляются памятники – Яконур, Узунтал, Кара-Коба-I (Грязнов М.П., 1940; Савинов Д.Г., 1979; Могильников В.А., 1990). Детали обрядности мною были рассмотрены выше в качестве сравнения и противопоставления погребениям по обряду кремации сrostкинской культуры. В целом это подкурганые захоронения в неглубоких могильных ямах или на горизонте с тайниками или без них, но с типичным кыргызским предметным комплексом.

В Восточном Казахстане (Верхнее Прииртышье) погребения по обряду кремации известны на уже отмеченном нами могильнике Джартас (два погребения), абсолютно не имеющие никакого сходства с кыргызскими погребениями по обряду кремации, а вещевой набор типичен для сrostкинской культуры и кимаков; датируется IX–X вв. (Трифонов Ю.И., 1983).

Но есть и типично кыргызские погребения, как в к. 97 могильника Зевакино, где присутствуют все элементы такового – наличие кальцинированных костей человека и обожженного инвентаря, плюс расположение на уровне древнего горизонта (Ахинжанов С.М., Трифонов Ю.И., 1984, с. 157). Есть и другие погребения на могильнике Зевакино по обряду трупосожжения на стороне, в неглубоких ямах или на древнем горизонте, с вещевым комплексом, очень близким тувинскому могильнику Шанчиг и керамикой, присущей местному населению, отражающих взаимопроникновение кыргызских и кимакских элементов (Арсланова Ф.Х., 1972, с. 75; Савинов Д.Г., 1994, с. 59–60).

В Среднем Прииртышье о погребениях по обряду кремации мы можем говорить на примере Бобровского могильника (Арсланова Ф.Х., 1963; Савинов Д.Г., 1994, с. 83). Курган №6, несомненно, знатное погребение. Вероятно, оно было чуть углублено в уровень древнего горизонта (определить сложно, так как нет четких стратиграфических выкладок, но предположительно глубина от поверхности насыпи 0,45 м), совершенное по обряду трупосожжения на стороне в сопровождении трех лошадей. Вещи, судя по всему, не обожжены (Арсланова Ф.Х., 1963, с. 70). Кроме того, стоит отметить, что некоторыми исследователями, в частности В.А. Могильниковым (1981, с. 45), Бобровский могильник вообще относится к памятникам формирующейся сrostкинской культуры (?) и... сочетает в себе «черты культуры кимак и самодийского населения».

Общей для всех культур можно отметить только такую деталь, как погребальная пища. Все исследователи фиксируют в погребении не сожженные кости животных (там, где они есть), т.е. пища, например кусок мяса, укладывался рядом с остатками трупосожжения, а не сжигался с телом и вещами, в том числе и у кыргызов.

Таким образом, говоря о погребениях по обряду кремации сrostкинской культуры, мы имеем ввиду погребения:

- 1) по обряду кремации и по обряду кремации в сопровождении коня;
- 2) по обряду сожжения на стороне;
- 3) с типично сrostкинским вещевым комплексом, который при этом не подвергался воздействию огня;
- 4) в некоторых случаях расположение инвентаря напоминает расположение инвентаря в погребениях при условии, если бы там был погребен реальный человек;
- 5) в могильных ямах обычных размеров и формы, как в случае, если бы это было погребение по обряду ингумации;
- 6) с такой же широтной ориентацией;
- 7) прах погребенных фиксируется как компактной кучкой на дне могильной ямы, так и мог рассыпаться по ее дну.

Наибольшее сходство по способу погребения сrostкинская кремация имеет на могильнике Джаргас, сходен даже инвентарь, что характерно для сrostкинской и кимакской культур, но сам памятник датируется IX–X вв., а кремация в лесостепном Алтае известна и ранее. Погребение по обряду кремации в сопровождении коня известно лишь на Бобровском могильнике (из культур одного круга). Такая деталь, как необожженные вещи, как мы уже знаем, встречается в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине, но в последнем регионе расположение вещей зачастую напоминает тайники кыргызов, так как инвентарь помещался за пределами могилы. Далее расположение погребений в насыпи на уровне древнего горизонта известно в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине, что абсолютно не имеет никаких соответствий в лесостепном Алтае, но в то же время есть и погребения в могильных ямах, что фиксирует определенный биритуализм в погребальной традиции. Кроме того, как отмечается Т.Н. Троицкой, в Новосибирском Приобье прах располагается компактными кучками, как и на некоторых сrostкинских погребениях, в то время как в Кузнецкой котловине кальцинированные остатки рассыпались дну всей могилы, а сами погребения чаще

имеют аморфную форму и внешне более похожи на кыргызские, чем, скажем, на подобные же верхнеобские погребения в Новосибирском Приобье. В лесостепном Алтае отмечено как расположение праха компактными кучками, так и рассыпание его по дну могильной ямы.

В лесостепном Алтае впервые обряд трупосожжения появляется с приходом кулайского населения на территорию Верхнего Приобья и существует в I–III вв. н.э. на фоминском этапе кулайской культуры – памятник Ближние Елбаны-VII (Грязнов М.П., 1956, с. 127–135; Троицкая Т.Н., 1979, с. 43–44). Погребения совершались в прямоугольных, реже овальных могилах и углублялись в материк на 0,3–1,5 м, сожжение совершалось на стороне, одна кучка праха, размеры ям и характер перекрытий такие же, как и в могилах с труположением, ориентированы с ЮЗ на СВ, вещи огню не подвергались (Троицкая Т.Н., 1994, с. 180, 182). В верхнеобской культуре (Красный Яр-I, Каменный Мыс, Умна 2,3, Уень) – она же единцовская в Барнаульско-Бийском Приобье (Козаков А.А., Неверов С.В., 1991, с. 168) – обряд сожжения также не был чем-то неизвестным: умершего сжигали на стороне, в могилы сыпали прах компактными кучками, вещи действию огня не подвергались (Троицкая Т.Н., 1994, с. 218–222). В Барнаульском Приобье погребения по обряду кремации зафиксированы на могильнике Троицкий Елбан-I, и он может быть отмечен в качестве переходной ступени от кулайской к единцовской культуре в лесостепном Алтае (Горбунов В.В., 1993; 1995). Далее эта традиция фиксируется на ранних сросткинских памятниках Борковский Елбан-VI и Иня-1 (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995; Уманский А.П., 1971).

По мнению С.В. Неверова и В.В. Горбунова (2001, с. 177), состав инвентаря погребения по обряду кремации можно отнести к захоронениям воинов-дружинников, что восходит к самодийской и более древней, чем единцовская, кулайской традиции. Интересна в данном случае попытка реконструировать этнополитическую ситуацию на Верхней Оби в ранне-сросткинское время А.С. Васютиным (1999, с. 163–165). Он также отмечает, что кладбища верхнеобской культуры с погребениями по обряду с сожжениями принадлежали воинам. А резкое возрастание в VIII в. н.э. количества подобных погребений связывалось с военизацией верхнеобского населения и усложнением его социальной структуры (Васютин А.С., 1999, с. 164). Важной задачей было бы все-таки проследить на примере единцовской культуры, как эта традиция сохранила свои особенности в ее составе и далее проявилась в рамках сросткинской общности.

Если внутренне структурировать погребения по обряду кремации в лесостепном Алтае, то они четко разбиваются на четыре группы:

1. Погребения по обряду кремации человека в сопровождении лошади при наличии погребального инвентаря (Иня-1 к. 7, Михайловка-I к. 1);

2. Погребения по обряду кремации человека со снаряжением коня при наличии другого погребального инвентаря (Иня-1 к. 1 м. 1, Дмитротитово, Кукушкин Елбан-II, Сростки-I к. 2 (раскопки С.М. Сергеева), к. 2, 11 (раскопки М.Н. Комаровой));

3. Погребения по обряду кремации человека при наличии погребального инвентаря без снаряжения коня (Борковский Елбан-VI выдув-2, Новофирсово-VII к. 3 м. 1, к. 4 м. 1);

4. Безынвентарные погребения по обряду кремации (Сростки-I к. 7,9 (раскопки М.Н. Комаровой)).

Все эти погребения выделяются из общей массы, во-первых, обрядом погребения, во-вторых, своей немногочисленностью уже на сегодняшний день, хотя их число, несомненно, возрастет в будущем. Эти отличия уже предполагают четко выраженную корпоративность группы людей, для которых они сооружались.

Прежде всего, следует выделить погребения по обряду кремации в сопровождении коня. Можно предположить, что это представители правящего рода тюрков – Ашина. В «Хронике Таншу» говорится, что «в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230). В какой-то степени наличие

наборного пояса из позолоченных бронзовых блях на могильнике Иня-1 к. 7 подтверждает социальную значимость погребенного, а захоронение вместе с ним коня маркирует традиционно именно тюркский компонент. О наличии пояса может говорить уже только присутствие наконечника ремня, т.е. то, что покойный был воином-мужчиной и достоин наименования «эр» – ег (муж, воин), но богатство украшения пояса мог позволить себе далеко не каждый, и это действительно маркирует это погребение. Но это в качестве гипотезы.

Что касается приведенного письменного фрагмента из Таншу, то если понимать его буквально, то, к сожалению, наиболее полно к нему подходит погребальный обряд кыргызов, а это само по себе нонсенс. Так как сжигаться должно было все, а вот дополнение о том, что все должно было помещаться в могилу, может послужить темой для размышлений, если, конечно, под ней нельзя понимать погребение на уровне древнего горизонта. Остается общий элемент – это кремация. И интересное добавление – «в определенное время года», такой анализ можно провести, используя широтное расположение могил. Ориентировка нам известна. Это ССВ-ЮЮЗ, СВВ-ЮЗЗ, СВ-ЮЗ, В-З. Данная работа уже мною проделывалась, и можно только отметить ее выводы (Кондрашов А.В., 2000, с. 30–31). Если принимать во внимание, что тюрки почитали «страну солнечного восхождения» (Гумилев Л.Н., 1993, с. 75), то происходило это в раннюю весну (ССВ-ЮЮЗ, СВВ-ЮЗЗ), конец зимы, начало лета и начало осени (СВ-ЮЗ, В-З), что, впрочем, в какой-то степени совпадает с пространством текста источника. «Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начинает желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 250).

В погребениях по обряду кремации со снаряжением коня можно выделить две подгруппы:

1) с наличием меча, помимо другого богатого сопровождающего инвентаря. Это погребения в Дмитротитово, Сростках-1 к. 2 (раскопки С.М. Сергеева), к. 2 (раскопки М.Н. Комаровой);

2) без меча. Это погребения в м. 1 к. 1 Иня-1, к. Кукушкин Елбан-II и к. 11 могильника Сростки-1 (раскопки М.Н. Комаровой).

Анализируя погребения с мечом по отношению к аналогичным погребениям по обряду ингумации, можно найти явное сходство. Но в любом случае это отнюдь не захоронения, скажем, простых воинов, так как в двух случаях встречены богатые наборные пояса, да и по вещевому комплексу это наиболее богатые погребения (Сростки-1 к. 2 (раскопки С.М. Сергеева), к. 2 (раскопки М.Н. Комаровой)). Что касается второй группы, то здесь я склонен видеть рядовых дружинников. А в совокупности они представляют социальный спектр этой группы людей, прежде всего всадников. Хотя в кочевом мире представить себе людей, не являющихся всадниками, сложно, но данная деталь явно подчеркивается в погребальном обряде. Можно допустить, что погребения по обряду с кремацией только при наличии погребального инвентаря без снаряжения коня относятся к непривилегированной части отмеченной выше прослойки воинов-дружинников, ведущих свое начало от кулайской культуры. Тогда, соответственно, вторая и третья выделенные традиции погребения по обряду кремации – это отражение дифференцированности одной социальной группы.

Интерпретация погребений по обряду кремации с вещевым комплексом без снаряжения коня и интерпретация безынвентарных погребений на сегодня все же дело будущего. Но если исходить из того, что гипотеза с группой воинов-дружинников, ведущих свое начало от кулайской культуры, верна, то весьма точно можно их интерпретировать как беднейшую часть этой социальной группы.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с. Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтай. Барнаул, 1990. С. 99–104.
2. Алехин Ю.П. Памятники археологии Курьинского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 60–72, 81.
3. Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Известия академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1963. Вып. 4. С. 68–84.
4. Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Приртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
5. Ахинжанов С.М. Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников Приртышья // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. 280 с.
6. Ахинжанов С.М., Трифонов Ю.И. К происхождению и этнической атрибуции погребальных памятников Верхнего Приртышья VIII–X вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1994. С. 156–161.
7. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск, 1996. 272 с.
8. Бичурин Н.Я. Собрание о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 380 с.; Т. 2. 333 с.; Т. 3. 323 с.
9. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. С. 153–160.
10. Васютин А.С. К вопросу о реконструкции этнополитической ситуации на Верхней Оби в раннесросткинское время (вторая половина VIII–IX вв.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Москва; Омск, 1999. С. 163–165.
11. Горбунов В.В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 80–90.
12. Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. №1. Л., 1940.
13. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА, 1956. №48. 265 с.
14. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. 501 с.
15. Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. 117 с.
16. Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово, 1999. 159 с.
17. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово, 1996. 204 с.
18. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 126 с.
19. Казаков А.А., Неверов С.В. Хронология и периодизация памятников середины второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 167–170.
20. Кондрашов А.В. Ориентация и положение погребенных людей в памятниках сrostкинской культуры // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 30–31.
21. Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Материалы двух погребений конца 1-го тыс. н.э. с Верхнего Приобья // Охрана и исследования археологических памятников Алтай. Барнаул, 1991. С. 137–141.
22. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 208 с.
23. Кызласов Л.Р. Тухтятская культура древних хакасов (IX–X) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 54–59.
24. Матющенко В.И. Выводы по археологическим материалам // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 322–333.
25. Могильников В.А. Археологические исследования на Верхнем Алее // Археология и краеведение Алтай. Барнаул, 1972. С. 39–43.

26. Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 45–46.
 27. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990.
 28. Могильников В.А. Особенности этнокультурного развития в степном и лесостепном междуречье Иртыша и Оби во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Москва; Омск, 1999. С. 38–41.
 29. Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха I на Алтае // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 112–116.
 30. Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследование памятников Алтая. Барнаул, 1991а. С. 125–128.
 31. Неверов С.В. Хронология и периодизация Сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991б. С. 180–182.
 32. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.
 33. Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов на Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Вып. I.
 34. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 193 с.
 35. Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.
 36. Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сростки Бийского округа. Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 187–190.
 37. Тишкин А.А. Некоторые итоги археологических исследований курганов северо-западных предгорий Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 16–18.
 38. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭ СО РАН, декабрь 2000 г. Новосибирск, 2000. Т. VI. С. 405–410.
 39. Трифонов Ю.И. Два погребения в могильнике Джаргас // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С. 123–131.
 40. Трифонов Ю.И. Джаргас // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115–129.
 41. Троицкая Т.Н. Об этногенезе племен лесостепного Приобья в конце I тыс. н.э. // Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1973. С. 183–185.
 42. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 152 с.
 43. Троицкая Т.Н. Кулайская культура // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 178–184.
 44. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 149 с.
 45. Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. Барнаул, 1970. Вып. 11. С. 45–74.
- Научные руководители – к.и.н., доц. А.Л. Кунгуров, к.и.н., доц. А.А. Тишкин.*

А.Л. Кунгуров, А.В. Шмидт, П.И. Шульга

Алтайский государственный университет, Барнаул;

Лаборатория археологии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН

НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН АЛТАЯ*

Многолетние работы Алтайского госуниверситета, Барнаульского госпедуниверситета и НПЦ «Наследие» в долине р. Сентелек, левого притока р. Чарыш, позволили обнаружить и начать исследования многочисленных археологических памятников различных эпох. В их числе несколько палеолитических стоянок, публикации материалов которых посвящена настоящая работа. Все они расположены в окрестностях сел Сентелек и Покровка Чарышского района Алтайского края.

Долина Чарыша, в месте впадения в нее р. Сентелек, входит в северо-западные предгорья Алтая и расположена между Башчелакским (высота до 2421 м) и Тигирецким (высота до 3025 м) хребтами. Река связана с тектоническим Чарышским разломом. Сентелек берет свое начало с отрогов горы Королевский Белок (высота 2302,5 м), одной из высших точек Тигирецкого хребта. Пенеплезированный орографический район Сентелекской долины входит в Чарышскую структурно-формационную зону Алтае-Салаирской складчатой области Алтае-Саянской (каледонской) складчатой области. Коренные (твердые) породы долины, слагающие цоколь горного обрамления, представлены гранитоидами, гранитами, диоритами, песчаниками, сланцами, конгломератами, часто флишоидно переслаиваемыми. Встречаются породы среднего кембрия – нижнего ордовика (алевролиты, горизонты порфиринов, кремнистых сланцев и яшм). Именно наличие последних привлекало в микрорайон охотников каменного века, которые активно использовали выходы перечисленных пород. Покровные (рыхлые) отложения долины Сентелека активно формировались и метаморфизировались в среднеплейстоценовую эпоху, так как она входит в зону ярко выраженного самаровского (Тазовского?) оледенения (площадь, покрывавшаяся толщами фирна и льда). Основной рельеф обусловлен активным развитием перигляциальных процессов в максимумы оледенений и при их сокращении. По форме рельефа долина Сентелека характеризуется как расширенная пологосклонная, выполнена деллювиально-солифлюкционными отложениями. В нижней трети долина имеет троговый, выполненный мореной ландшафт. В четвертичную эпоху сформировались покровные и пойменные отложения: суглинки, супеси, пески, галечник с валунами. В верхней трети долины четвертичные отложения являются деллювиально-солифлюкционными, в нижней трети коллювиально-дефлюкционными. Четвертичные преобразования формировали выположенный рельеф, отличающийся плоскими днищами балок, логов, межгорных котловин. На глинистые и тяжелосуглинистые покровные горизонты наложены горные оподзоленные среднегумусные средне- и маломощные (смытые) черноземы. Район Сентелека в наше время является достаточно холодным и влажным (до 700 мм осадков в год), с длительным снежным покровом и густой речной сетью (коэффициент густоты речной сети более 20 км/км²). В регионе распространены горно-таежные лиственничные леса Урало-Сибирской (Южно-Сибирской) формации. Березово-пихтово-лиственничные леса перемежаются с горными лугами и влаголюбивой пойменной растительностью. Памятники зафиксированы на семикилометровой отрезке долины Сентелека, расположенном выше по течению от одноименного села. Палеолитические объекты были открыты в начале 90-х гг. П.И. Шульгой (1996 г.). Часть из них дополнительно обследовалась П.И. Шульгой и А.В. Шмидтом в 2000 г. Крайняя известная стоянка (Усть-Черновая) находится в 10 км выше устья Сентелека. С нее мы и начнем описание памятников.

* Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ №№00-01-0374а и 01-01-18057е.

1. Усть-Черновая. Стоянка. Расположена в 7 км выше с. Сентелек и в 2 км ниже с. Покровка на мысе, образованном долиной р. Сентелек и ее левым притоком – р. Черновая (правый борт) (рис. 1) на многослойном памятнике, содержащем поселенческие отложения эпохи неолита-бронзы и раннего железного века (Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996). Мыс является склоном горы высотой ок. 900 м (здесь и далее высотные отметки указываются от уровня моря). Высота мыса, сложенного четвертичными рыхлыми деллювиальными отложениями (преимущественно, тяжелосуглинистыми) и маломощной смытой гумусовой пачкой – 25 м. Поверхность распахана. На противоположной стороне Черновой расположена гора Казанцева Сопка (932,2 м). В разрушениях собрана коллекция из 17 каменных изделий (попадание которых из других мест исключено): нуклевидный аморфный обломок, три технических реберчатых скола, шесть мелких и средних вторичных массивных отщепов мустьерского облика с остатками гладких ударных площадок и прерывистой грубой двусторонней ретушью, два скола «цитрон» с естественными обушками и утилизацией рабочих кромок, две леваллуазские пластины, остроконечник и комбинированное орудие из плитки роговика. Последнее изделие имеет двусторонне оббитый и ретушированный рабочий край и прилегающую к нему выемку, оформленную серией наложенных друг на друга анкошей и оббивкой. Пластины Усть-Черновой массивные, укороченные, имеют остатки фасетированных площадок и крупную грубую прерывистую двустороннюю краевую ретушь (рис. 2.-4). На дистальном конце одной пластины кроме краевой обработки оформлен скребок высокой формы (рис. 2.-5). Остроконечник мустьерского облика имеет подтреугольную форму. Оба сходящихся края тщательно оббиты и ретушированы с дорсала. С вентральной стороны обработка краев прерывистая и более грубая. Проксимальный конец орудия оббит, поэтому характер ударной площадки не фиксируется (рис. 2.-3).

Все изделия сильно патинированы, имеют более поздние сколы (на рисунках они не заштрихованы). Общий облик коллекции позволяет отнести ее к мустьерской эпохе.

2. Балчиков Ключ 1. Стоянка. Расположена в 4 км к северу-северо-востоку от Усть-Черновой на выположенном террасовидном уступе склона отрога горы Польша высотой 1676 м. Склон с памятником является правым бортом ручья Балчиков Ключ, впадающего в Сентелек слева в 1 км ниже по течению. Высота уступа от уреза воды 25 м. Поверхность распахана, имеется обрыв высотой около 6 м. В разрушениях собраны пять мелких массивных отщепов палеолитического облика.

3. Урочище Балчикова 6. Стоянка. Расположена в устье ручья Балчиков Ключ, рассекающего 10-метровую надпойменную террасу р. Сентелек, образованную склонами гор, среди которых протекает ручей. Северная гора (Воскударная Теплуха) имеет максимальную высоту 1316 м. На ее склоне расположен предыдущий памятник. Эта выположенная устьевая зона ручья, смыкающаяся с долиной Сентелека, имеет местное название Урочище Балчикова. Здесь расположено несколько более поздних курганных могильников. Каменная индустрия собрана в разрушениях грунтовой дороги, проходящей вдоль реки, на 300-метровом отрезке террасы с обеих сторон ручья Балчиков Ключ. В коллекцию входит 11 артефактов: нуклеус и нуклевидный скол; ретушер-отбойник из мелкой удлиненной гальки; мелкий реберчатый скол; крупное орудие – струг (?) с зубчато-выемчатыми кромками, сходящимися под острым углом и гладким «вентралом», образованным галечной поверхностью; острие; обушковое орудие и пять леваллуазских сколов и отщепов. Техника расщепления представлена мелким невыразительным нуклеусом с двумя сопряженными фасетированными ударными площадками (с одной скалывались мелкие отщепы, вторая не использована) и крупным нуклевидным сколом, возможно, расколотым двухплощадочным однофронтальным ядрищем леваллуазского облика (рис. 3.-1). Края скола обработаны мелкой прерывистой ретушью и сколами с двух сторон. Острие оформлено на удлиненном случайном обломке. Приостренный кончик обломка треугольного сечения подготовлен сколом типа резцового и ак-

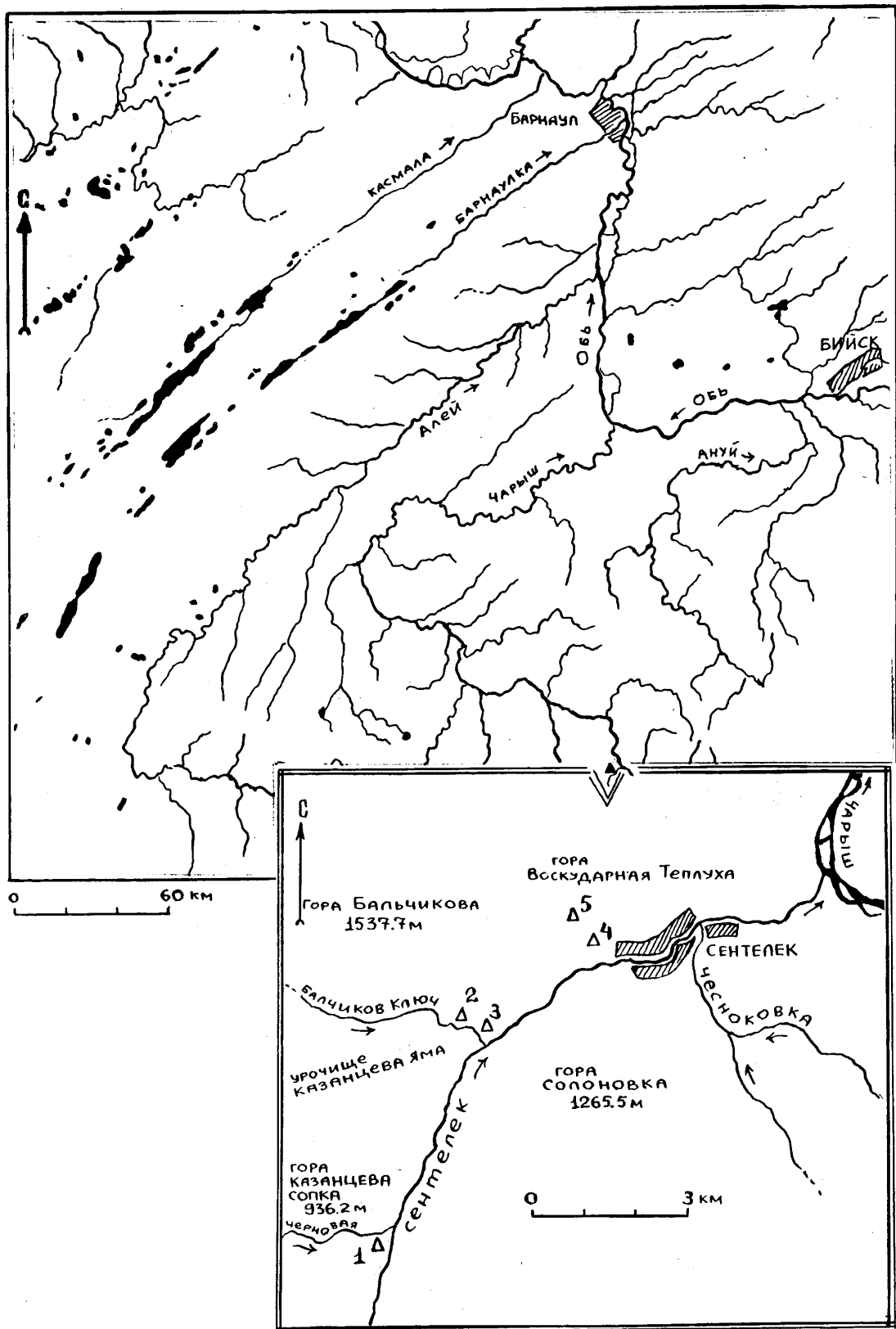

Рис. 1. Расположение палеолитических памятников на р. Сентелек

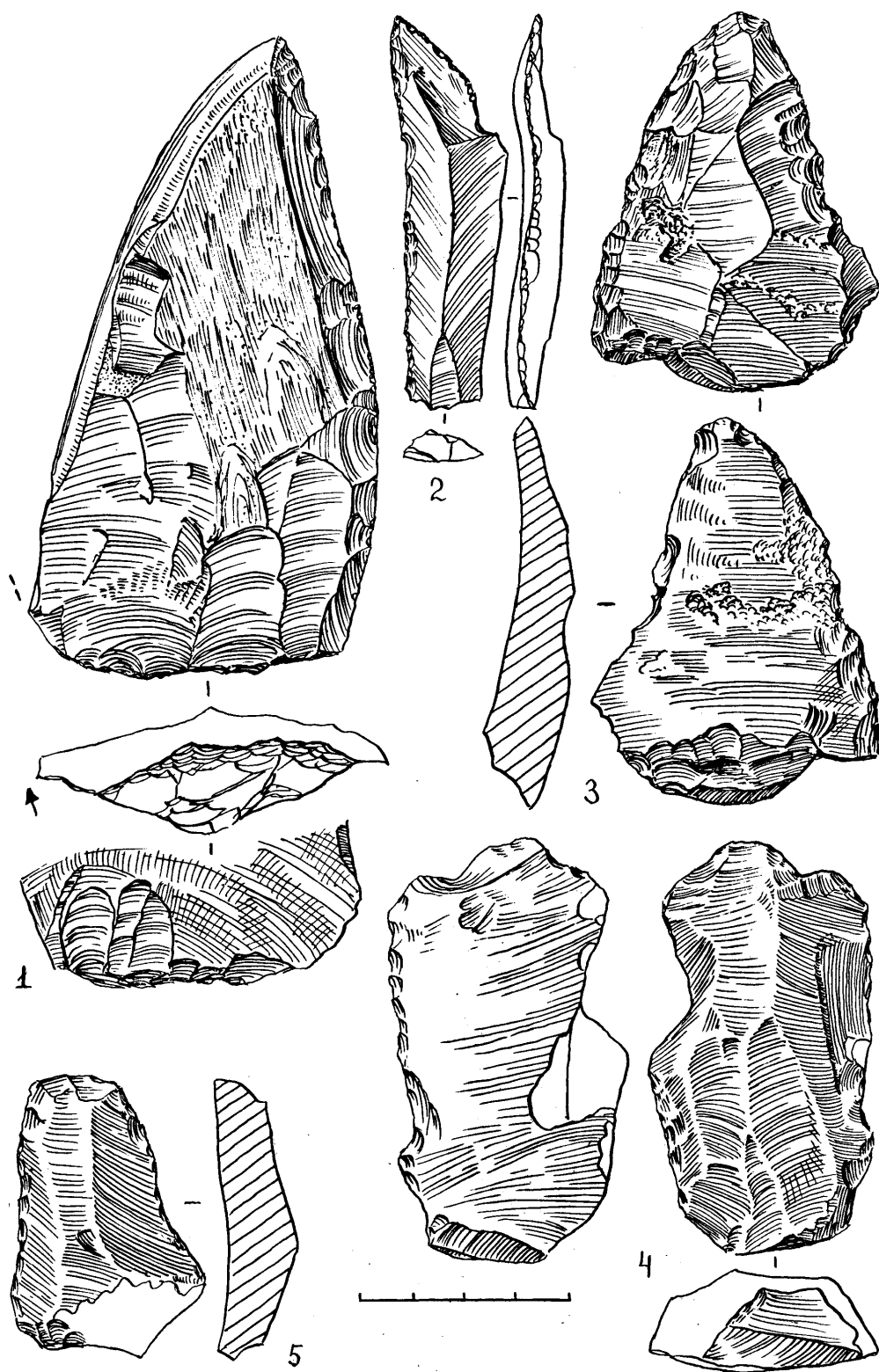

Рис. 2. Каменные изделия с памятников Сентелек 3 (1,2) и Усть-Черновая

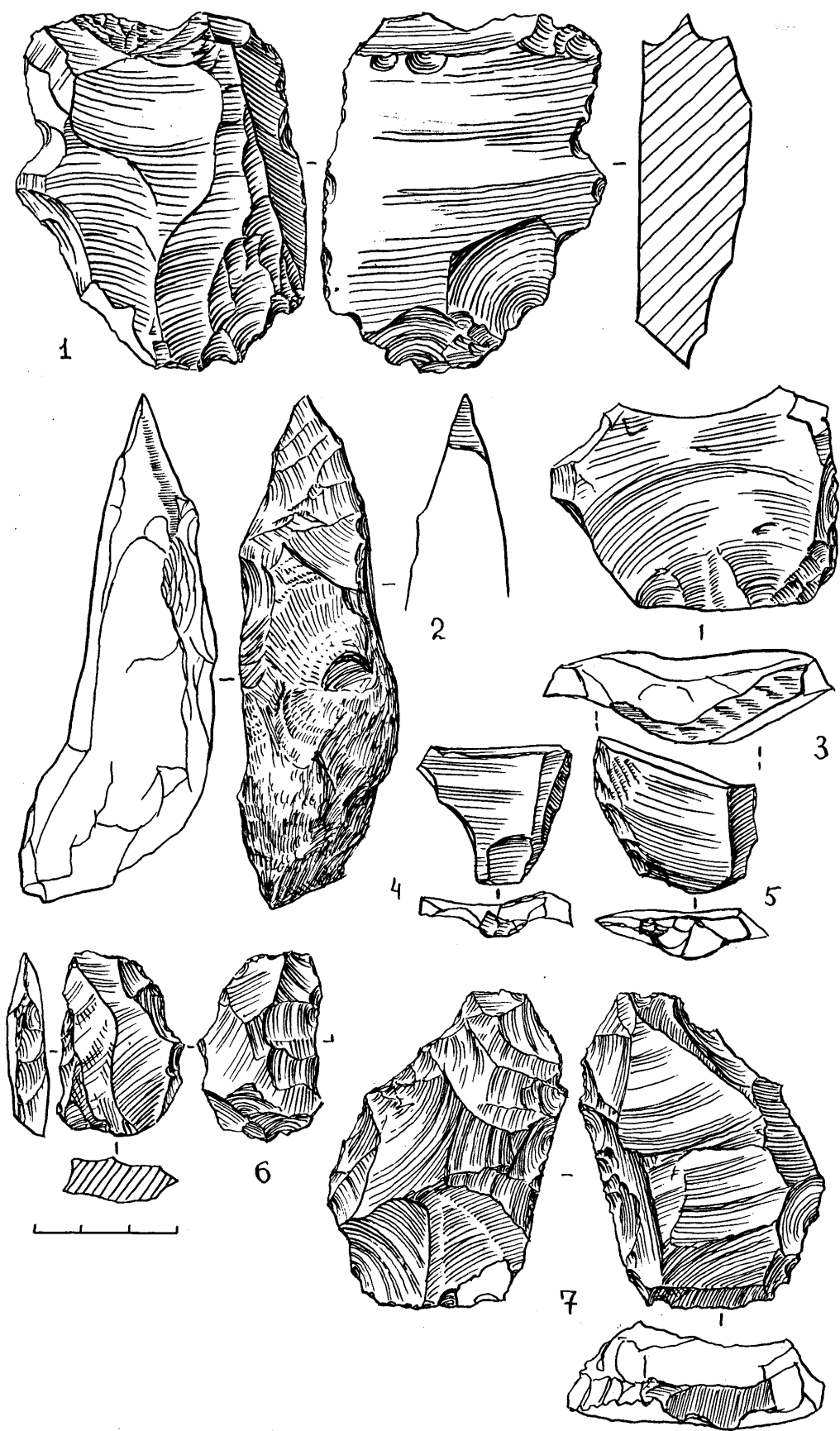

Рис. 3. Каменные изделия с Урочища Балчикова 6 (1–6) и Сентелека 3 (7)

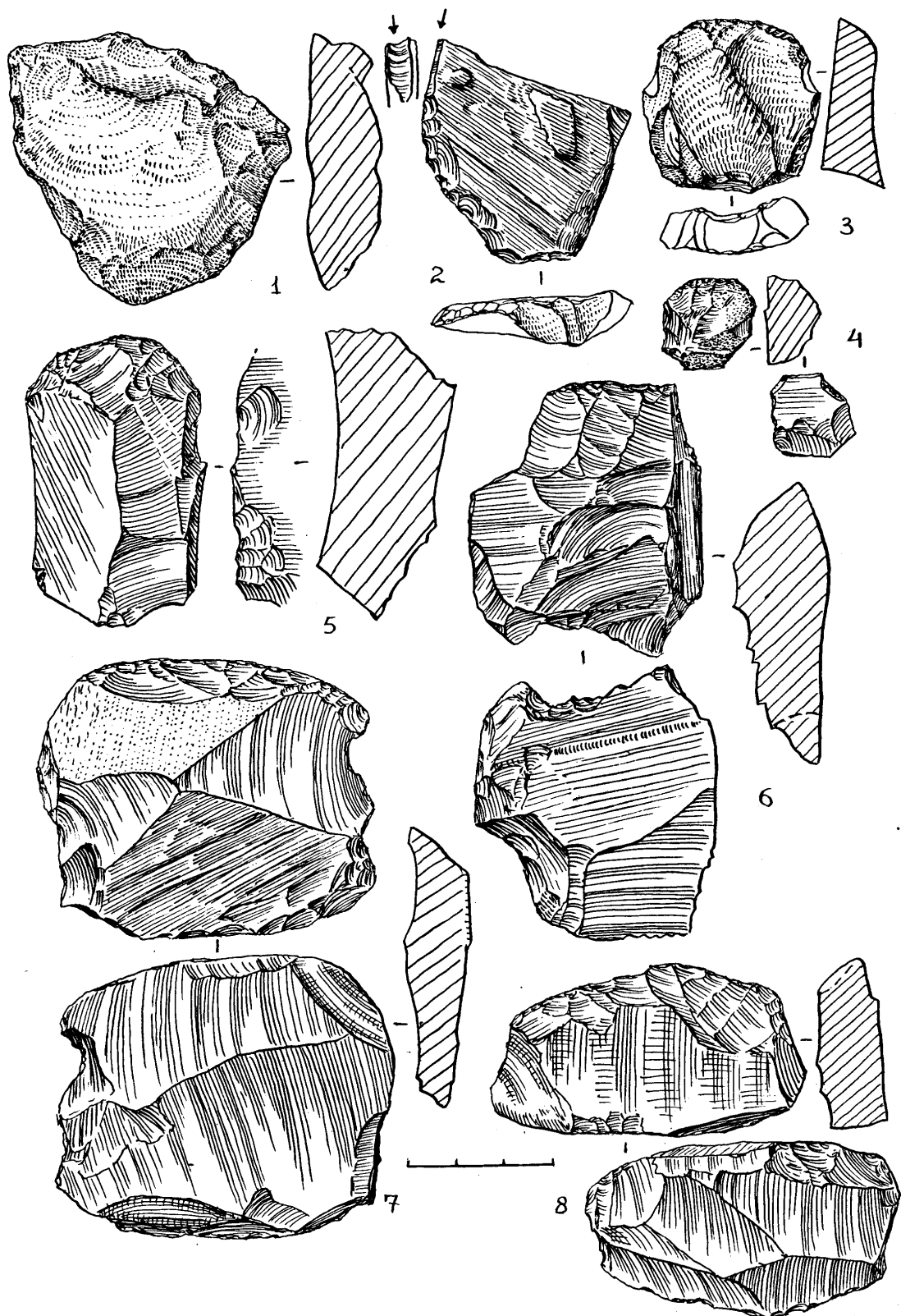

Рис. 4. Каменная индустрия стоянки Сентелек 3

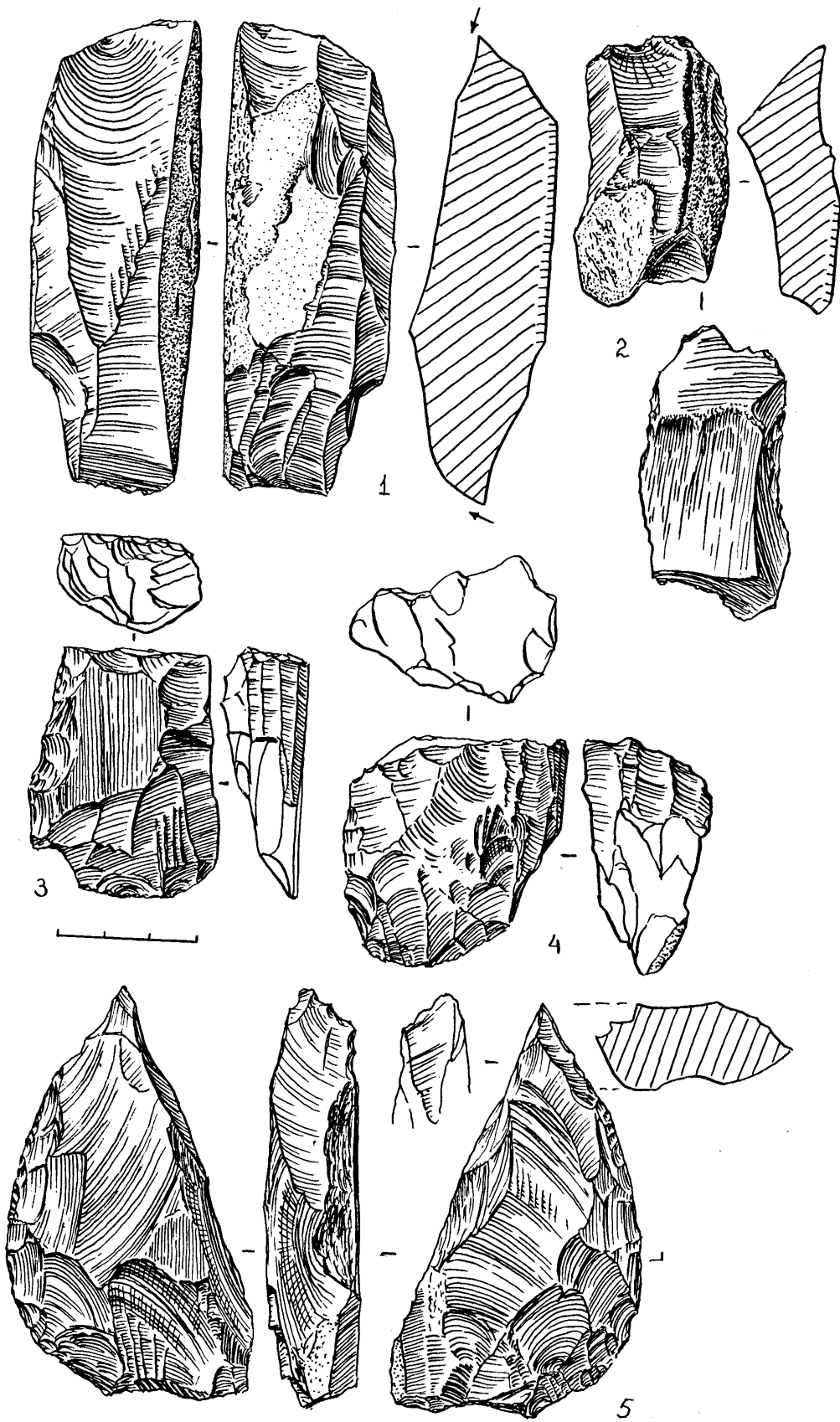

Рис. 5. Каменная индустрия стоянки Сентелек 3

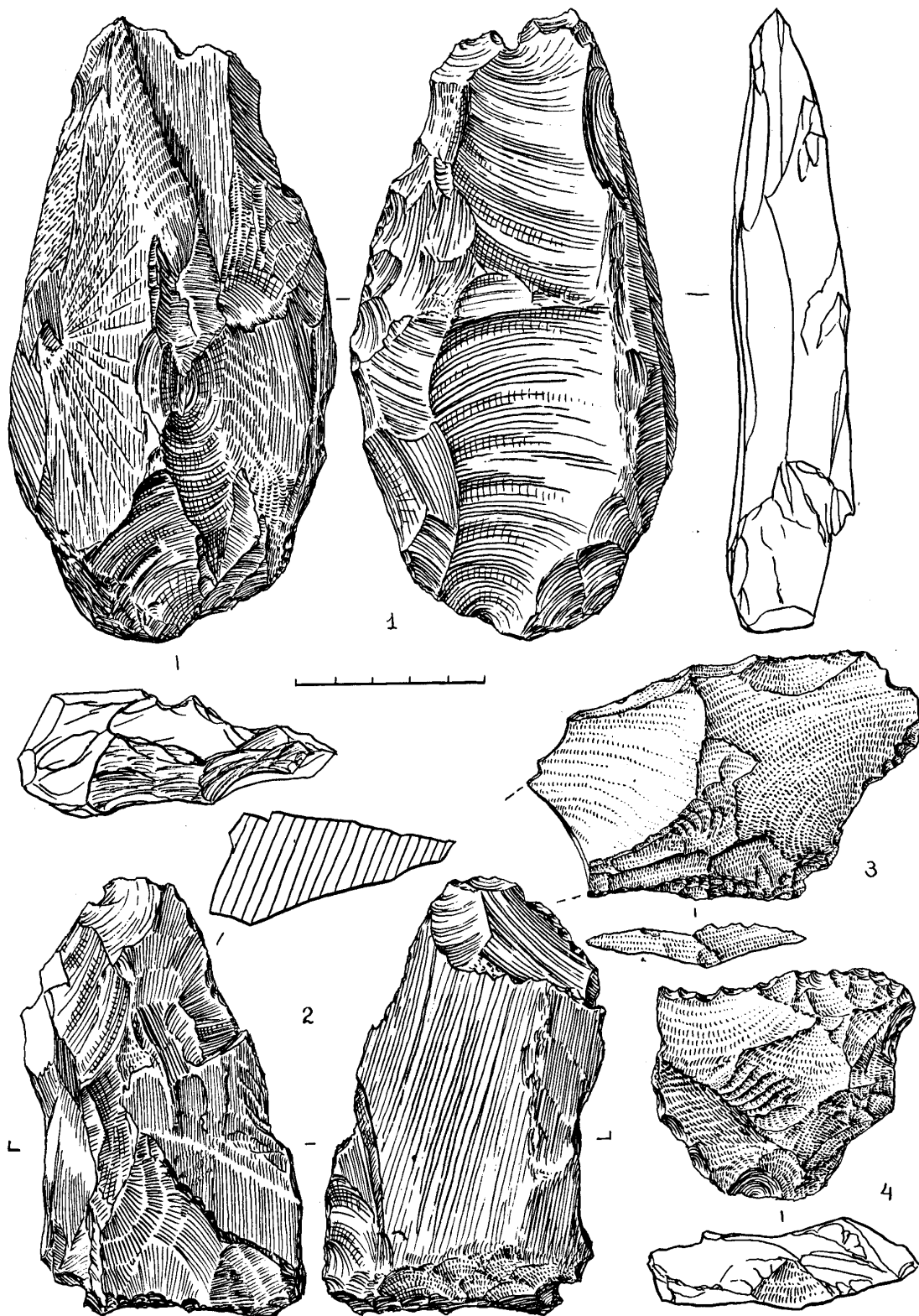

Рис. 6. Каменная индустрия стоянки Сентелек 3

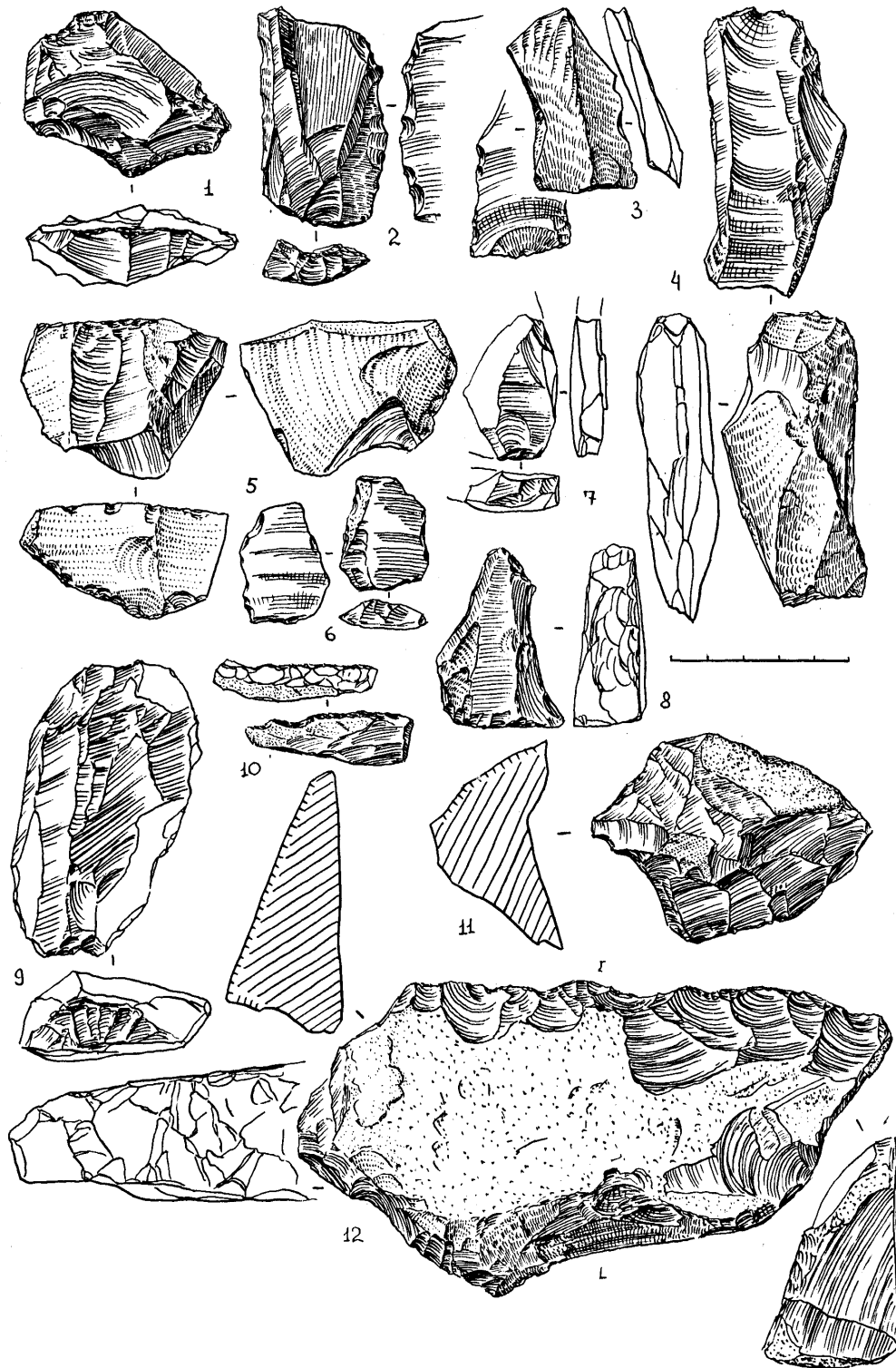

Рис. 7. Каменная индустрия памятников Сентелек 3 (1-4) и Сентелек 4

куратной оббивкой одного из фасов (рис. 3.-2). На гранях орудия фиксируются многочисленные мелкие борозды от работы им в качестве развертки. Обушковое орудие (нож) имеет небольшие размеры, уплощающую оббивку и ретушировку рабочего края. Обушок оформлен серией вертикальных сколов, нанесенных с одного из фасов (рис. 3.-6). Отщепы леваллуазского облика мелкие, массивные, с продольной огранкой дорсала и остатками гладкой ударной площадки подтреугольной формы. Широкие и короткие сколы леваллуазского облика имеют пластинчатые очертания и фасетированные остатки ударных площадок. Края изделий имеют частичную ретушную обработку (рис. 3.-3–5). Коллекция имеет выразительный мустьерский облик, хотя часть предметов несут на себе более поздние сколы, четко фиксирующиеся на древней фасетированной поверхности.

4. Сентелек 3. Стоянка. Расположена на западной окраине с. Сентелек в устье крупного лога, выходящего слева в пойму реки. Лог и пойма Сентелека формируют мыс юго-восточного подножья горы Воскударная Теплуха (1346,6 м). Высота мыса от 650 до 609 м (около 50–10 м над урезом поймы). Южная окраина археологического объекта почти примыкает к реке и с. Сентелек, в то время как его северная граница удалена на расстояние до 1 км. Материал собран с нескольких разрушений поверхности склона, однако наибольшая его часть происходит с разрушений грунтовой дороги Сентелек-Березовка. Коллекция составляет 88 артефактов и является наиболее выразительным комплексом микрорайона. Она распадается на хронологические комплексы в соответствии с патинизацией поверхности изделий. Утилизация более древних орудий в поздние периоды сокращает материал для изучения ранней индустрии.

Ранний комплекс составляет 15 артефактов, из которых не подверглись поздней утилизации только семь изделий, толщина патины которых достигает 1–1,5 мм. Это свидетельствует о большой древности материала, так как сырьем для изготовления орудий служили роговики и лидиты, отличающиеся высокой твердостью и устойчивостью к внешнему климатическому воздействию. При черной и темно-серой с вариациями цветовой гамме камня, корка патины имеет беловато-серый цвет. Благодаря этому четко фиксируется поздняя утилизация или поломка изделия. Типологически выраженные предметы представлены массивными скреблами на асимметрично-треугольных заготовках (близкие по особенностям типу *dejeete*) (рис. 4.-1; 6.-4) и мелким бифасом. Три изделия – схожие между собой массивные широкие сколы мустьерского облика с остатками фасетированных ударных площадок (у одного проксимальная часть усечена) и эпизодической грубой ретушью по краям (рис. 6.-3; 7.-1). Остальные восемь изделий раннего комплекса в разной степени утилизированы, но древние особенности орудий документируются достаточно четко. Четырьмя экземплярами представлены сколы массивных пропорций с бессистемной оббивкой, близкой зубчато-выемчатому и выемчатому оформлению. Встречены выразительные мустьерский (1) и леваллуазские отщепы (2), крупный краевой мустьерский скол пластинчатых очертаний с оббивкой продольного края.

Поздний комплекс более многочисленен (73 экз.), но большая часть орудий оформлена на древних сколах. Это привело к ущербу типологического реестра, так как некоторые инструменты наследуют слегка обновленную древнюю форму. Техника расщепления характеризуется ядрищами торцового и плоскостного параллельного принципов расщепления:

- торцовый нуклеус для снятия микропластин. Одна латераль плоская (вентрал скола), вторая оббита и ретуширована по абрису кия и контрфронта. Подовальная ударная площадка подрабатывалась сколами, которые наносились со стороны гладкой латерали (рис. 5.-3);

- клиновидный торцовый нуклеус для скалывания мелких пластин. Обе латерали оформлены радиальной оббивкой, киль и контрфронт дополнительно ретушированы (рис. 5.-4);

- атипично-клиновидные торцовые нуклеусы (3 экз.), изготовленные из массивных отщепов. Латерали сохраняют плоскости расщепления заготовок, площадки слабоподправлен-

ные. С фронта производилось снятие одной-двух пластин. Наиболее крупный нуклеус подготовлен, но снятия с него не осуществлялось;

– мелкие плоскостные параллельные ядрища представлены одноплощадочным однофронтальным (рис. 5.-2) и двухплощадочным двухфронтальным вариантами. Последний имеет фронты на разных плоскостях (рис. 5.-1);

– леваллуазский нуклеус для острий с подготовленной площадкой и фронтом скалывания заготовок типа points (обломок).

Кроме выразительных ядрищ, в коллекции имеются нуклеидные изделия с бессистемными разноориентированными снятиями ряда пластинчатых сколов с естественных площадок на обломках камня (2 экз.); крупные (4) и мелкие (4) нуклеидные обломки; реберчатые и технические сколы (4) и отбойник из удлиненной гальки с забитостями на торцах.

Продукты расщепления ядрищ представлены крупными (3) и средними (4) вторичными отщепами, отщепами средних размеров с ретушью и оббивкой (4), пластинами (3) и леваллуа-мустьерскими заготовками (5). Многие законченные орудия выполнены на сколах, имеющих признаки леваллуа-мустьерской техники расщепления камня. Одна из пластин, имеющая остаток фасетированной ударной площадки, превращена в асимметричный остроконечник тщательной дорсальной ретушировкой левого и нижней трети правого краев (рис. 2.-2). Две другие, в том числе первичная леваллуазская (рис. 7.-2), обработаны крупной крутой прерывистой ретушью с двух сторон, одна имеет крупный залом на левом крае (рис. 7.-3). На леваллуа-мустьерских заготовках оформлен мелкий бифас (рис. 3.-7), часть скребков и скребел. Наиболее выразительным мустьерским орудием является остроконечник с обломанным левым краем, превращенным в обушок (рис. 2.-1). Правая кромка аккурратно оббита и ретуширована с дорсала, ударный бугорок стесан. Скребла составляют самую большую типологическую группу, хотя основой для их изготовления служили различные заготовки:

– дорсальное с прямым рабочим краем на нуклеидном сколе (рис. 4.-6). Часть орудия обломана, на вентральной стороне выделены две выемки – одна смежная с рабочим краем, другая на противоположном конце орудия;

– дорсальное боковое с более поздним резцовым сколом на леваллуазской первичной заготовке (рис. 4.-2);

– дорсальное боковое на вторичном отщепе;

– дорсальное с овальным рабочим краем и прилегающей выемкой с вентрала. Оформлено на утилизированном плоскостном двухплощадочном однофронтальном нуклеусе. Под рабочую кромку использована боковая грань тыльной стороны ядрища (рис. 4.-7);

– дорсальное с овальным рабочим краем, аналогичное предыдущему, но более массивное и мелкое (рис. 4.-8).

Четыре крупных и один мелкий скребки имеют высокую форму рабочего края, достаточно грубы и массивны;

– концевой на сколе пластинчатых очертаний с крупной плоской ретушью на правом крае с вентрала (рис. 4.-5);

– концевой на леваллуазском пластинчатом укороченном сколе с остатком фасетированной ударной площадки. Поверхность орудия несет следы термического воздействия (рис. 4.-3);

– мелкий случайной формы на массивном нуклеидном обломке (рис. 4.-4);

– случайный на обломке плитки породы с оббивкой вентрала (рис. 4.-4).

Оригинальной частью коллекции позднего комплекса Сентелека 3 являются бифасы и обушковые изделия. Бифасы (2 экз.) имеют небольшие размеры и достаточно грубую обработку. Более мелкий, оформленный на мустьерском сколе, имеет асимметрично-подтреугольную форму и остаток гладкой ударной площадки (рис. 3.-7). Второе изделие переоформлено в обушковую форму (нож?) (рис. 5.-5). Оба крупных обушковых режущих инструмента изго-

товлены из ядрищ. Для более крупного орудия использован двухплощадочный однофронтальный (встречный) нуклеус леваллуазского облика. Площадки противоположащие, частично усечены при вторичной отделке. Обушок подправлен продольными сколами, граненый. Рабочая кромка бифасиально оббита и грубо ретуширована, в фас зигзагообразная (рис. 6.-1). Меньшее изделие получено из двухплощадочного однофронтального нуклеуса леваллуазского облика с противоположащими фасетированными площадками. Обушок оформлен отвесными сколами, нанесенными со стороны фронта. Часть сколов сохранившейся (нижней) площадки более древние (патинированы). Рабочий край обработан преимущественно односторонней оббивкой и ретушированием (рис. 6.-2).

Встречены мелкие невыразительные боковой и срединный резцы, четыре отщепы с ретушью и оббивкой.

В целом поздний комплекс Сентелека 3 выглядит достаточно архаично и предвременно может быть датирован концом мустьерской эпохи – началом верхнего палеолита. К последнему периоду относятся прежде всего торцовые и плоскостные нуклеусы.

5. Сентелек 4. Стоянка. Расположена на правом борту того же лога, в устье которого находится Сентелек 3, в 200–300 м северо-западнее и на 100–120 м выше. На выположенном восточном склоне г. Воскударная Теплуха в выбоинах и разрушениях объездной грунтовой дороги трассы Сентелек-Березовка собрана коллекция из 71 артефакта. Подобно предыдущей, индустрия по степени сохранности поверхности разделяется на раннюю и позднюю группы.

Ранний комплекс насчитывает 21 изделие, сохранившее свою первоначальную форму. Техника расщепления в нуклеусах не представлена, однако большинство изделий сохраняет признаки леваллуазской техники расщепления камня. Прежде всего это мелкие подтреугольные сколы с эпизодической двусторонней обработкой краев и фасетированными площадками (рис. 7.-6,7), утилизированная позднее леваллуазская массивная пластина (рис. 7.-9) и одноплощадочный однофронтальный нуклеус на массивном сколе (рис. 7.-5). Из орудий следует отметить лимасоподобное изделие с рабочими краями высокой формы, сходящимися под острым углом (рис. 7.-8). Остальные артефакты представлены крупными сколами (5), цитроном (1), крупными обушковыми изделиями (3), обломками скребел (2), обломками бифасов средних размеров (2) и крупными отщепами с оббивкой и ретушью. Общий вид комплекса позволяет отнести его к мустьерской эпохе.

Поздний комплекс состоит из 50 изделий, не считая упомянутых переоформленных ранних форм. Техника расщепления представлена крупными радиальными двусторонними ядрищами, однофронтальным одноплощадочным нуклеусом («продолжение» древнего расщепления) (рис. 7.-4), обломком мелкого одноплощадочного однофронтального нуклеуса для снятия пластин, крупными (5) и средними (6) нуклевидными бессистемно оббитыми изделиями и обломком удлиненного отбойника из гальки. Встречены мелкие (6) и средние (4) массивные отщепы, дорсал которых несет разноориентированные фасетки сколов, невыразительные бифасиальные формы (2), отщепы с бессистемной оббивкой (2), срединный и угловой резцы, выемчатые и зубчато-выемчатые орудия (от одной до трех выемок) (7). Технический скол (снятие обновления радиального или леваллуазского ядрища) ретуширован с дорсала и имеет выделенный сколами носик (рис. 7.-11). Выразительных орудий в позднем комплексе Сентелека 4 немного:

- скребок высокой формы (напоминает тип карене) на плитке роговика среднего размера;
- массивное «клювовидное» орудие с выступом, выделенным отвесными сколами и зубчатой ретушью;
- скребловидное орудие на плитке лидита;
- мелкое скребловидное орудие высокой формы на узком сколе (рис. 7.-10);
- крупное скребло из лидита на более древнем патинированном массивном сколе (рис. 7.-12). Скребло имеет обработанное широкими сколами и крутой ретушью слегка волнис-

тый рабочий край и рабочую кромку скобеля, оформленную на противоположном краю орудия. На правом торце фиксируются фасетки снятия отщепов.

Наиболее крупные коллекции происходят с памятников Сентелек 3 и 4. Обращает на себя внимание неоднородность этих индустриальных комплексов. Они состоят из групп артефактов, имеющих различную сохранность поверхности. Их изучение осложняет практика утилизации в более поздние периоды древних изделий, осуществлявшаяся в трех направлениях:

1. Использование типологически выраженных орудий по «прямому» назначению после своеобразного обновления рабочих кромок (скорняжные инструменты, бифасы, обушковые формы);

2. Расщепление древних нуклеусов. При этом использовались подготовленные площадки и фронты скалывания. Видимо, часть выразительных леваллуазских ядрищ была превращена в плоскостные одно- и двухплощадочные однофронтальные нуклеусы;

3. Полное изменение древних артефактов, использованных как заготовки для различных орудий. Первоначальные изделия фиксируются на отдельных немодифицированных участках вентрала и дорсала. Обычна практика использования массивных древних сколов в качестве преформ плоскостных, радиальных и торцовых нуклеусов, крупных орудий.

Точная датировка и культурная принадлежность палеолитических памятников долины р. Сентелек – дело будущих исследований. Однако даже на сегодняшнем уровне изучения комплексов явно видна их большая древность. Видимо, основная масса артефактов может относиться к мустьерскому и позднемустьерскому времени. Верхнепалеолитических форм крайне мало (в основном, торцовые нуклеусы), и они имеют признаки технологии расщепления начала верхнего палеолита.

Библиографический список

1. Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 109–114.

2. Шульга П.И. Памятники археологии. Чарышский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 228–234.

А.М. Лебедев

Кемеровский государственный университет, Кемерово

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО МОНИТОРИНГА

90-е гг. XX в. отмечены острым социально-экономическим кризисом, политической нестабильностью, резкой сменой ценностных установок и моделей поведения в нашей стране. К этому необходимо добавить растущую имущественную дифференциацию, неурегулированность в области прав собственности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Одним из наиболее ярких маркеров общего состояния российского общества стало появление очагов межэтнической напряженности в латентной, а иногда и открытой формах. Эти явления, как правило, сопровождаются критикой в адрес федеральных и местных органов власти. Можно выделить некоторые направления: 1) пересмотр национальной политики и принципов ее построения в пределах последних двух столетий; 2) смена форм государственного устройства; 3) повышение роли самих этносов в региональном и местном управлении; 4) изменение законодательства в области контроля за использованием биоресурсов и полезных ископаемых, в том числе с привлечением документов международного права и правозащитных организаций; 5) осуществление программ социальной поддержки и развития национальной культуры.

Перечисленные требования к органам власти выдвигаются в том числе и представителями национальных элит, являющихся, как правило, членами политических и общественных организаций и движений (ассоциации, общества, центры), возникших на основе этнической самоидентификации. По сложившейся практике представители такого рода организаций включаются в состав аппарата управления, а также различных инициативных групп. Таким образом национальная элита получает возможность как прямого, так и опосредованного влияния на принятие управленческих решений на разных уровнях с различной степенью эффективности. Такая модель строится на том, что элита является выразителем интересов и потребностей всего этноса. Однако сейчас активно обсуждается проблема адекватности действий национальных организаций реально сложившимся условиям существования. Одна из причин, на наш взгляд, заключается в том, что подавляющее большинство этносов в России (как и во многих других странах) сейчас втянуто в структуру современной модели общественного устройства, которая значительно отличается в политико-правовой, социально-экономической и культурной сферах от традиционных обществ. Внутри этнической общности можно наблюдать высокий уровень социальной и имущественной дифференциации, хозяйственную деятельность в современных секторах экономики и т.д. В силу этого обозначенная проблема требует своего решения прежде всего в интересах органов государственной власти различных уровней путем формирования собственной информативной базы. Современное состояние служб сбора данных о населении и их последующей обработки не позволяет полностью преодолеть возникшие трудности. В этом случае можно указать несколько причин. Отчетная документация низовых структур не учитывает непосредственно этнической стратификации, особенно при смешанном характере расселения, руководствуются обычно территориальным принципом. Отсутствует информация по некоторым позициям, в том числе социальным связям, поведенческим установкам и т.д. Подвергается сомнению репрезентативность и достоверность материалов статистического учета и отчетов местной администрации, особенно в труднодоступных районах традиционного проживания ряда этносов, усугубляющаяся нерешенностью земельного вопроса в условиях экономического кризиса. Совокупность вышеперечисленных факторов приводит к выводу об отсутствии целостной и точной информации, связанных со специфическими этническими проблемами.

Такое положение диктует необходимость обращения к научным коллективам с целью получения наиболее объективных оценок.

Однако и здесь на сегодняшний момент существует ряд нерешенных задач. Во-первых, в течение 90-х гг., особенно их первой половины, проявилась слабая заинтересованность органов власти в привлечении научных кадров для проведения исследований прикладного характера, результаты которых могли бы повлиять на принятие ответственных управленческих решений, в той или иной мере затрагивающих этнические общности. Между тем осуществление федеральными и региональными органами власти действий, опираясь лишь на требования и предложения со стороны национальной интеллигенции, может привести к обратному эффекту. Примером служит включение в список малочисленных народов Севера шорцев и телеутов, проживающих на юге Западной Сибири. Можно с сожалением констатировать отсутствие практики взаимодействия науки и администрации, что при резком сокращении финансирования исследований академического и вузовского уровней не создает условий для осуществления долговременных научных программ в этой области.

Примером использования научных программ может служить применение методического комплекса этносоциального мониторинга при научной проработке вопросов, касающихся государственной поддержки программ развития малочисленных этносов. Так, на территории Кемеровской области еще с конца 80-х гг. развернулось движение «национального возрождения». Наиболее ярко эти процессы протекали среди шорцев, проживающих на юге области. За истекший период прошли несколько съездов, создан ряд организаций, основной задачей которых, согласно официальным декларациям, является восстановление традиционной культуры, самосознания и т.д. При этом был предложен пакет первоочередных мер, позволивших бы в случае реализации и прямом государственном участии, по мнению разработчиков, достигнуть обозначенных целей. Кроме создания культурно-просветительных учреждений, реформирования образовательных программ и административной системы управления, был поставлен вопрос о выделении территорий традиционного природопользования (ТТП) в местах этнического расселения шорцев. Причем на указанных территориях предполагалось перейти к традиционной системе жизнеобеспечения. В то же время для подъема жизненного уровня было заявлено о необходимости государственного кредитования национальных фермерских хозяйств, скомплексованных по типу родовых общин, с целью обеспечения их экономической деятельности, в области сельского хозяйства и промыслов. Стоит подчеркнуть, что разработчики данных проектов исходили из тезиса о том, что возврат к традиционным моделям жизнеобеспечения будет эффективным средством развития культуры вместе с ростом уровня жизни.

Далее будет проведено исследование для выявления эффективности развертывания сельскохозяйственного производства по описанной схеме. Для этого предстоит решить несколько задач: 1) определить элементы традиционной хозяйственной специализации; 2) выявить уровень развития сельского хозяйства по разным хронологическим срезам; 3) показать определяющие факторы уровня развития. Этносоциальный мониторинг предполагает использовать параметры, отражающие мощность отдельных хозяйств с учетом этнической стратификации, где это необходимо. Статистические источники, привлекаемые к такого рода работам, содержат совокупность признаков, характеризующих экономическое состояние с достаточной долей достоверности, о чем говорилось выше. К признакам относятся: а) половозрастной состав семьи; б) площадь обрабатываемой земли; в) количество домашнего скота; г) занятость среди членов семьи и т.д.

Обработка числовых значений групп данных дают обобщенные характеристики по каждому хронологическому срезу в рамках намеченного полигона. К таким характеристикам относят средние значения признаков, величину колебаний. К первым причисляют среднюю арифметическую, моду, медиану и т.д. Другой ряд составляют среднее квадратичное отклонение, размах вариаций и т.д. Поясним значение некоторых из них. Во время проведения исследований чаще всего ограничиваются вычислением для характеристики какой-либо совокупности простой или взвешанной средней арифметической, особенно при сравнении

нескольких совокупностей между собой. Нам представляется это корректным для подобного рода работ только относительно середняцких хозяйств либо однородных групп. При изучении социума в рамках полигона, для которого характерна стратификация по имущественному или иному признаку, информация, вытекающая из расчета средней арифметической, выглядит малорепрезентативной. В этом случае необходимо применять вычисление модальных и медианных значений с использованием метода интервалов. Количественные методы позволяют узнать и размер амплитуды колебаний относительно средних значений. С этой целью данные обрабатываются для получения величин среднеквадратичного отклонения и с его помощью – коэффициента вариации. Использование этих, а также ряда других математических методов (например, расчет линейной и ранговой корреляции) в сочетании с методами непосредственного сбора информации, где это возможно, у населения (экспертные оценки, наблюдение и т.д.) позволяют получить наиболее достоверные выводы (Садовой А.Н., Пруель Н.А., 1996, с. 80–92).

Территория рассматриваемых национальных сельсоветов принадлежит к мрасской системе землепользования, имеющей общие ландшафтно-климатические характеристики. Так как речь идет прежде всего о возврате к моделям жизнеобеспечения и землепользования, сложившихся до тесных контактов с пришлым населением, то важно подчеркнуть сохранение традиционных принципов ее функционирования вплоть до организации колхозов в конце 20-х – начале 30-х гг. Следствием этого является высокая степень репрезентативности данных по периоду, предшествующему колхозному строительству, учитывая объем выборки, для описания уровня развития отраслей сельского хозяйства избранного полигона. Причиной стало отсутствие постоянных прямых контактов с пришлыми или смешения с ними. Источники фиксируют удаленность друг от друга русских и шорских поселений в данном районе. В то же время в системе жизнеобеспечения наблюдались некоторые изменения под воздействием расширения пушного промысла, ориентированного для поставок на рынок, однако они не носили принципиального характера.

Основной сельскохозяйственной культурой являлся ячмень. Объемы урожая определялись как низкие, даже в сравнении с соседними землями. Площадь пашни была не более двух десятин за редким исключением. Невысокой отдачей обладало и стойловое скотоводство, сложившееся также под воздействием пушного промысла. Причем преобладал крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот разводили в исключительных случаях. Несмотря на это хозяйства шорцев обеспечивали себя сами продуктами питания, причиной чего была, видимо, уменьшенная норма потребления.

Социально-экономическая ситуация на территория Южной Сибири в первые годы советской власти в значительной мере определялась последствиями гражданской войны. Экономическая мощь хозяйств автохтонного населения резко сократилась проводившимся во время войны прямым изъятием скота и лошадей, разрушением товарооборота. Вопрос о достоверности данных статистики остается. Этот момент диктует обращение к источникам описательного характера, которые подтверждают гипотезу о значительных изменениях в худшую сторону. Разрушение экономических связей затронуло не только промыслы, но и отрасли сельского хозяйства, причем по всем основным направлениям – поголовья лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, площади пашни, пчелосемей. Несмотря на отрывочный характер, данные позволяют говорить о резком ухудшении уровня благосостояния населения исследуемых районов, подтверждением чего служат и зафиксированные депопуляционные процессы (Садовой А.Н., 1999, с. 277).

30–50-е гг. XX в. отмечены принципиальными сдвигами в хозяйственной деятельности шорцев. На первое место выдвигается сельское хозяйство. Это было обусловлено политикой государства по созданию коллективных хозяйств для решения продовольственной проблемы, связанной с расширявшейся промышленной инфраструктурой юга Кузбасса. Подробнее эта тема будет освещена позже, сейчас важно отметить взаимосвязь уровня жизни

автохтонного населения с новыми тенденциями в экономике. Развитие получили уже практиковавшиеся отрасли животноводства, пчеловодства, растениеводства. Значительно увеличивалась площадь земель, находящихся в сельскохозяйственном обороте. Активно использовалась техника, кроме ячменя высевались другие виды зерновых. Однако это не привело к значительному росту уровня жизни в таежных поселках. Организация труда в колхозах не предусматривала механизмов материальной заинтересованности в результатах работы, т.е. объемы поставок продукции не отражались на благосостоянии семей. Более того, государство некоторыми мерами тормозило развитие личного приусадебного хозяйства. Ограничивался размер участков под огороды, сокращение площади сенокосных угодий и ухудшение их качества приводили к снижению поголовья скота и лошадей (основной тягловой силы на личном подворье). К этому стоит прибавить обязательные нормы сдачи продукции в пользу государства и прямые ограничения поголовья домашних животных. Даже практика нелимитированного содержания скота не могла оказать существенного влияния на ситуацию из-за ограниченной кормовой базы. Характеризуя этап функционирования колхозов, отметим следующее: а) отрасли сельского хозяйства оставались основой системы жизнеобеспечения автохтонного населения; б) продукция ориентирована отчасти на внешние поставки продовольствия; в) низкий уровень развития и эффективности; г) увеличение доли полеводства, площади обрабатываемых земель и применения техники.

Колхозная система была ликвидирована здесь в силу очень низкой рентабельности в 60-х гг. Вместо них возникла система скупки у населения промысловой и сельскохозяйственной продукции через коопромхоз (ТКПХ). Основные усилия эта организация сосредоточила на промыслах – пушнина, кедровый орех, дикоросы. Однако и этот опыт нельзя назвать удачным. В целом нужно подчеркнуть главные последствия смены колхозов ТКПХ. Ликвидация полеводства как нерентабельной отрасли привела: к расширению площади сенокосных угодий вблизи поселков и выпадению из хозяйственного оборота части земель, расположенных в отдаленных участках тайги. Зона земледельческого и животноводческого освоения сузилась значительно. Огородничество, животноводство, пчеловодство стали выступать в качестве основных источников жизнеобеспечения шорских семей, несмотря на их исключительно низкий уровень. Товарной ценностью обладали промыслы (Садовой А.Н., 1999, с. 348–367).

Современное состояние приусадебного комплекса автохтонного населения Горной Шории района р. Мрассу оценивается по информации, приобретенной в ходе полевых работ 2000 г. В качестве полигонов выступили территории Усть-Анзасского и Чилису-Анзасского сельсоветов. Показатели демонстрируют сохраняющийся низкий уровень рассматриваемого элемента хозяйственной деятельности шорцев, сопоставимый с дореволюционным периодом (Лебедев А.М., 2001, с. 532–533). Причем наблюдается сужение такой отрасли, как пчеловодство. Количество мелкого рогатого скота также незначительно. Нами не выявлено использование каких-либо технологических новаций, повсеместно господствует ручной труд. Следует подчеркнуть принципиальное значение для системы жизнеобеспечения приусадебного комплекса и на современном этапе.

Следует подробнее осветить попытки государства создать систему сельскохозяйственного производства в границах рассматриваемой территории. В Горной Шории развертывание колхозного строительства находилось в зависимости от создания новых для этой местности отраслей. Относительная отдаленность Шории от основных сельскохозяйственных районов приводила к тому, что потребность в продовольствии исправительных лагерей (Горшорлаг) и трудящихся на золотых приисках удовлетворяли за счет местного производства продуктов питания, ориентируя населения созданных колхозов на развитие производящих отраслей сельского хозяйства. Такая политика вела к тому, что сохранение соотношения отраслей по традиционной схеме было по крайней мере проблематично.

В колхозы объединялось население близлежащих населенных пунктов. В среднем на одно хозяйство приходилось 86,5 га земли. Это позволяет говорить о том, что выдерживаемые

в процессе колхозного строительства принципы земельного устройства населения позволяли развивать сельское хозяйство (огородничество, пчеловодство) и в ограниченных размерах. Промысловый комплекс, все кооперативные объединения (сельхозкоммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли), образованные в Шории, были маломощными экономическими единицами, слабо связанными с районным центром. В колхозы, как правило, объединялись наименее обеспеченные хозяйства, поэтому кредиты направлялись на покупку крупного рогатого скота, сельскохозяйственной техники. Зажиточные элементы ликвидировались по схеме, типичной для этого периода. Применение сельскохозяйственной техники в течение всего колхозного периода было ограничено характером локализации пашенных участков и их площадью. Планированием деятельности колхозов занималось руководство района. Плановые задания доводились до каждого населенного пункта, колхоза, индивидуального хозяйства. Районные органы власти осуществляли и контроль за процессами сельскохозяйственного производства.

Выровненные участки, вне зависимости от качества (продуктивности) почв, находившиеся к тому же вблизи поселков, распахивались или отводились под колхозные сенокосы. Основными культурами были ячмень, овес, пшеница, просо, картофель. Преобладал ручной труд при ненормированном рабочем дне. Механизация труда, осуществленная при переводе колхозов на обслуживание МТС в пограничной зоне между черневой тайгой и лесостепью, привела не к повышению, а к резкому снижению эффективности сельскохозяйственного производства: сократилось количество лошадей, вошли в практику задержки сроков посева, связанные с уровнем организации производства. Индивидуальные покосы отводились в отдалении от населенных пунктов. Количество их было ограничено, так как колхозы в южной части Шории распахивали все доступные участки.

Обобществление движимой собственности не привело к развитию скотоводства. Численность крупного рогатого скота в колхозных стадах повсеместно по южной Шории была незначительной, породистого скота фактически не было. Эти показатели качественно не отличаются как от дореволюционных, так и от современных. Можно лишь отметить относительно высокий рост показателей по увеличению численности пчелосемей и мелкого рогатого скота. Характерно, что для того, чтобы хоть как-то повысить рентабельность, колхозы вынуждены были налаживать связи с инегралсоюзами о сдаче пушнины. Оплата труда проводилась в соответствии с рассчитанными трудоднями, что обесценивало труд и заинтересованность в нем.

В сложившейся ситуации возросшему населению Горной Шории можно было выжить только за счет приусадебного хозяйства, реализации продукции промыслов, использования дикоросов. При этом развить приусадебное хозяйство было невозможно из-за высоких плановых показателей сдачи полученной продукции и ограничения численности скота, что в сочетании с налогообложением и ограничением площади огородов тормозило рост приусадебного комплекса. За 30 лет существования колхозов было предпринято несколько попыток добиться повышения эффективности сельскохозяйственного производства за счет их укрупнения (Белозерова М.В., Садовой А.Н., 1998). В ходе укрупнения колхозов и населенных пунктов база развития приусадебного комплекса, за счет которого и выживало население, сужалась. Такие действия в значительной мере определялись тем, что несмотря на все усилия развить сельское хозяйство в этом районе так и не удалось, промыслы были подорваны крупномасштабными выработками, сельское хозяйство в целом было нерентабельным (Садовой А.Н., с. 339–344).

Подобные явления, на наш взгляд, объясняются не столько организацией производства и технологическим отставанием автохтонного населения от пришлового.

Специфика этого горного района заключается в жесткой экологической детерминации как форм хозяйственной деятельности, так и уровня развития производящих отраслей. Горная Шория представляет собой среднегорье. В результате сложный рельеф сочетается с однообразным почвенным покровом. В основном представлены глубокоподзолистые почвы черневой тайги. Это, а также мощность почвенного горизонта обусловили его ручную обра-

ботку. Климат района отличается большей, в сравнении с центральными районами Алтая, влажностью. Значительная часть осадков выпадает в летний сенокосный период. Средние годовые температуры близки к отрицательным.

Климатические характеристики отражают ограниченные сроки вегетационного периода культурных злаков. Этот фактор, как и объем трудозатрат при ручной обработке почвы, существенно сдерживали возможности развития земледелия как составляющей традиционной системы жизнеобеспечения шорцев. Ее состояние в начале XX в. не могло обеспечить в полной мере население даже минимальными продуктами питания. Это достаточно ясно прослеживается при расчете потенциального выхода продукции с распахиваемых площадей с реальными потребностями даже при традиционно низком уровне потребления хлебных продуктов. Необходимо отметить, что развить земледелие в этом районе даже при введении новых технологий было невозможно. Обуславливалось это не только климатическими факторами, но и топологическими закономерностями размещения пашенных участков: в разорванном контуре, по склонам южной экспозиции.

Представления о том, что русские переселенцы оказали воздействие на интенсификацию в этом районе земледелия, являются ошибочными. В начале XX в. мы видим принципиально иную ситуацию: пашенные участки с развитием товарных отношений стали использоваться исключительно под сенокосы. Животноводство, как и земледелие, в условиях ландшафтов черневой тайги было отраслью исключительно неустойчивой и появилось только под влиянием русских. Обуславливалась эта ситуация характером локализации и продуктивности сенокосных участков, проблемой заготовки и сохранения кормов. То, что осваиваемый комплекс сенокосных угодий находился в разорванном контуре, резко увеличивало трудозатраты на заготовку кормов.

Слабое развитие приусадебного комплекса и характер растительного покрытия предопределили устойчивое распространение промыслов и ориентацию на ведение таких отраслей хозяйства, как охота, сбор кедрового ореха, пчеловодство (Садовой А.Н., 1999, с. 163–169; Поддубиков В.В., 2001, с. 534–537).

Результаты проведенного исследования ставят под вопрос эффективность кредитования в области производства сельскохозяйственной продукции на территории Горной Шории, относящейся к мрасской системе землепользования. Реально складывается ситуация возврата к традиционной модели жизнеобеспечения, где основную товарную значимость имел промысловый комплекс. Фактически обсуждаемые здесь экономические меры могут стать очередной формой дотаций. При сопоставлении этих данных с информацией о характере поземельных и производственных связей и ряда других сведений можно выйти на социальный слой, заинтересованный в такой форме кредитования со стороны государства.

Библиографический список

1. Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы. Кемерово, 1997.
2. Лебедев А.М. Современное состояние приусадебного комплекса автохтонного населения Горной Шории // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001.
3. Поддубиков В.В. К экологической обусловленности традиционной хозяйственной специализации автохтонного населения Горной Шории // Историко-культурное наследие Северной Азии. Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001.
4. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Кемерово, 1996.
5. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири кон. XIX – нач. XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма: Дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999.
Научный руководитель – д.и.н. А.Н. Садовой.

А.И. Мартынов, П.В. Герман

Кемеровский государственный университет, Кемерово

САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КУРГАНА (проектное моделирование в древности)

Архитектура – это своего рода ответ на данную проблему в конкретный момент, в конкретном месте, при конкретных обстоятельствах в соответствии с определенным образом жизни.

Игнасио Араухо

Когда появляется архитектура? Тогда, когда в голове строителя есть целостный образ того, что предстоит соорудить? Или когда сооружение становится долговременным и надежным? А может быть, тогда, когда постройка становится частью пейзажа? По мнению историка архитектуры В.Л. Глазычева (1983, с. 9), для рождения архитектуры нужно было совмещение всех этих условий: образ сооружения, идея его устойчивости, включенность в ландшафт.

Одним из древнейших типов массового культового сооружения степей являются курганы. Под понятием «курган» здесь подразумевается архитектурное сооружение, которое имеет три постоянных (обязательных) элемента массы (оградка, насыпь, погребальная камера) и ряд второстепенных (ров, вал, кромлех и другие дополнительные структуры). Возникнув еще в эпоху энеолита, с распространением производящих форм хозяйства, курганная архитектурная традиция сохраняется как наиболее типичная для степного ландшафта и в последующее время, вплоть до позднего средневековья. В этой связи верно было подмечено, что курганная традиция является трансэпохальной, пронизывающей массу конкретных эпох и народов (Чернопицкий М.П., 1980, с. 176). Традиционно курган рассматривался прежде всего как археологический памятник, как объект археологических раскопок. Хотя при этом в ходе полевых исследований всегда фиксировались конструктивные особенности тех или иных элементов кургана: высота, диаметр, устройство могилы и др. В данном случае более подробную информацию содержат материалы о наиболее выдающихся курганах, например Аржан (Грязнов М.П., 1980), Большой Салбыкский курган (Дэвлет М.А., 1976, с. 146–154), пазырыкские курганы (Грязнов М.П., 1950; Руденко С.И., 1953; 1960), Иссык (Акишев К.А., 1978) и скифские курганные сооружения (Мозолевский Б.М., 1979).

Курган – это архитектурное сооружение, несущее в себе дополнительную, весьма обширную строительную, технологическую и идеологическую информацию. При этом надо учитывать, во-первых, что курган является не архитектурным сооружением как таковым, а результатом археологизации архитектурного сооружения (Грязнов М.П., 1961, с. 21–25). Во-вторых, для понимания курганной архитектуры необходимо усвоить, что в отличие от современной архитектуры, где масса и пространство сооружения гармонично сочетаются между собой, в первобытной архитектуре главный акцент был сделан на массе (Герман П.В., 2001, с. 30).

Исполнилось сорок лет архитектурно-художественному взгляду на курган (имеется в виду знаменитый доклад М.П. Грязнова в 1961 г.). В данной статье мы не будем рассматривать историю данного направления в кургановедении, а лишь отметим, что многие проблемы, причем достаточно важные, остаются нерешенными (Мартынов А.И., 1996, с. 8). В частности, проблема проектного моделирования кургана, т.е. того самого первого звена, на которое мы указали вначале. Настоящая статья посвящена этой проблеме.

Проектное моделирование – это мысленное преобразование некоторой исходной пространственной ситуации в проектную модель среды (Степанов А.В. и др., 1993, с. 180).

Из самого определения этого понятия видно, какой значительный интерес для исследователей представляет процесс проектного моделирования в древности. В данной работе на основе анализа формы кургана мы попытаемся реконструировать процесс его проектного моделирования. Материалом для анализа послужили курганы ранних кочевников, населявших степи Евразии от Причерноморья до Минусинской котловины. Именно этот период можно обозначить как высшую точку курганного строительства (Чернопицкий М.П., 1984, с. 71). Итак, обратимся к форме.

Для понимания архитектуры как прошлого, так и настоящего необходимо учитывать исторические условия и социально-экономическую ситуацию того времени. Освальд Шпенглер в своей знаменитой работе «Закат Европы» указывает на то, что архитектурная форма имеет решающее значение в качестве «изначального символа» философской концепции жизни каждой культуры и каждой эпохи (Шпенглер О., 1997, с. 281–282). Это означает, что та или иная культура выражает свои идеалы в определенных архитектурных формах.

Форма не только воспринимается нами как «внешность предмета» (его конфигурация, контуры), но и отражает природу самого предмета в связи с окружающим его пространством. Архитектурная форма является своеобразной знаковой системой архитектуры, имеет определенные закономерности и свою семантику (Иконников А.В., 1985, с. 102). Для того чтобы проанализировать архитектурную форму, необходимо произвести разделение между массой, поверхностью и пространством (Араухо И., 1982, с. 67). Рассмотрим каждый из этих элементов через призму курганной архитектуры.

Масса играет роль материальной оболочки, ограничивающей внутреннее *пространство*, и в то же время *поверхность* ограничивает массу. Элементами массы в курганной архитектуре являются: оградка, устройство погребальной камеры, насыпь, устройство дромоса/шахты и другие дополнительные структуры.

Пространство – это то, что находится внутри *массы*. В курганной архитектуре пространство включает ряд элементов: пространство погребальной камеры, пространство дромоса / шахты и других структур.

Поверхность выступает как граница между *массой* и *пространством*. Выразительные свойства поверхности приобретают особое значение, поскольку поверхность служит средством взаимодействия между *массой* и *пространством*; она разделяет и соединяет их, а следовательно, и воздействует на восприятие того и другого; от ее характера зависит выразительность *массы* и *пространства*. Поверхность выполняет функцию связи с внешним миром – вписывается в окружающий ландшафт или противопоставляется ему.

Пространство, масса и поверхность диалектически взаимосвязаны, и границы между ними условны (Степанов А.В., 1982, с. 11). Учитывая это, остановимся на тех элементах массы, которые, будучи выделены из целого, сохраняют свои постоянные свойства формы. Такими элементами массы являются оградка кургана, погребальная камера и насыпь. Единство и взаимосвязь этих элементов не вызывают сомнения, их семантику интерпретируют как модель Вселенной (Рыбаков Б.А., 1981, с. 233–234; Пяткин Б.Н., 1987, с. 31–36; Дашковский П.К., 1997, с. 44–47; и др.). Таким образом, курган является моделью Вселенной, а три его основных компонента соответственно отражали ее структуру. Сам же процесс сооружения кургана – это повторение космогонии. А космогония, как справедливо отметил М. Элиаде (1999, с. 270), представляет собой образцовую модель всякого строительства.

Взаимодействуя с реальностью, люди с самого начала человеческой истории создавали пространства и вещи, отражающие их мировосприятие, представление о строении космоса, о своем месте и роли в этом мире. Вселенная чаще всего отождествлялась с обществом: структура племени служила моделью для конструирования космоса, а структура первых человеческих поселений – уменьшенной моделью мироздания. Гробница в индоиранской и всей индоевропейской мифологии трактовалась как микрокосмос, соответственно ее

планировка осмыслялась как миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной (Лелеков Л.А., 1983, с. 17).

Появление и распространение геометрических символов отражало важные общечеловеческие характеристики психологического освоения окружающей среды, находило отражение в создаваемых человеком искусственных сооружениях и пространствах, свидетельствовало об изменении в структуре архаического сознания. Так, представления типа мирового дерева постепенно заменялось символами, среди которых наиболее часто встречались круг, крест, квадрат и разного рода многоугольники и линии. В конструкциях курганов наметилось сосуществование двух геометрических форм – круг и квадрат (рис. 1). Обе эти формы входят в концепцию мандалы (здесь и далее понятие «мандала» используется в широком смысле как модель Вселенной и не имеет ничего общего с отдельными представлениями буддизма и его ответвлений. О мандале см.: Энциклопедия тантры. М., 2001. 592 с.; Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб., 1999. 448 с.).

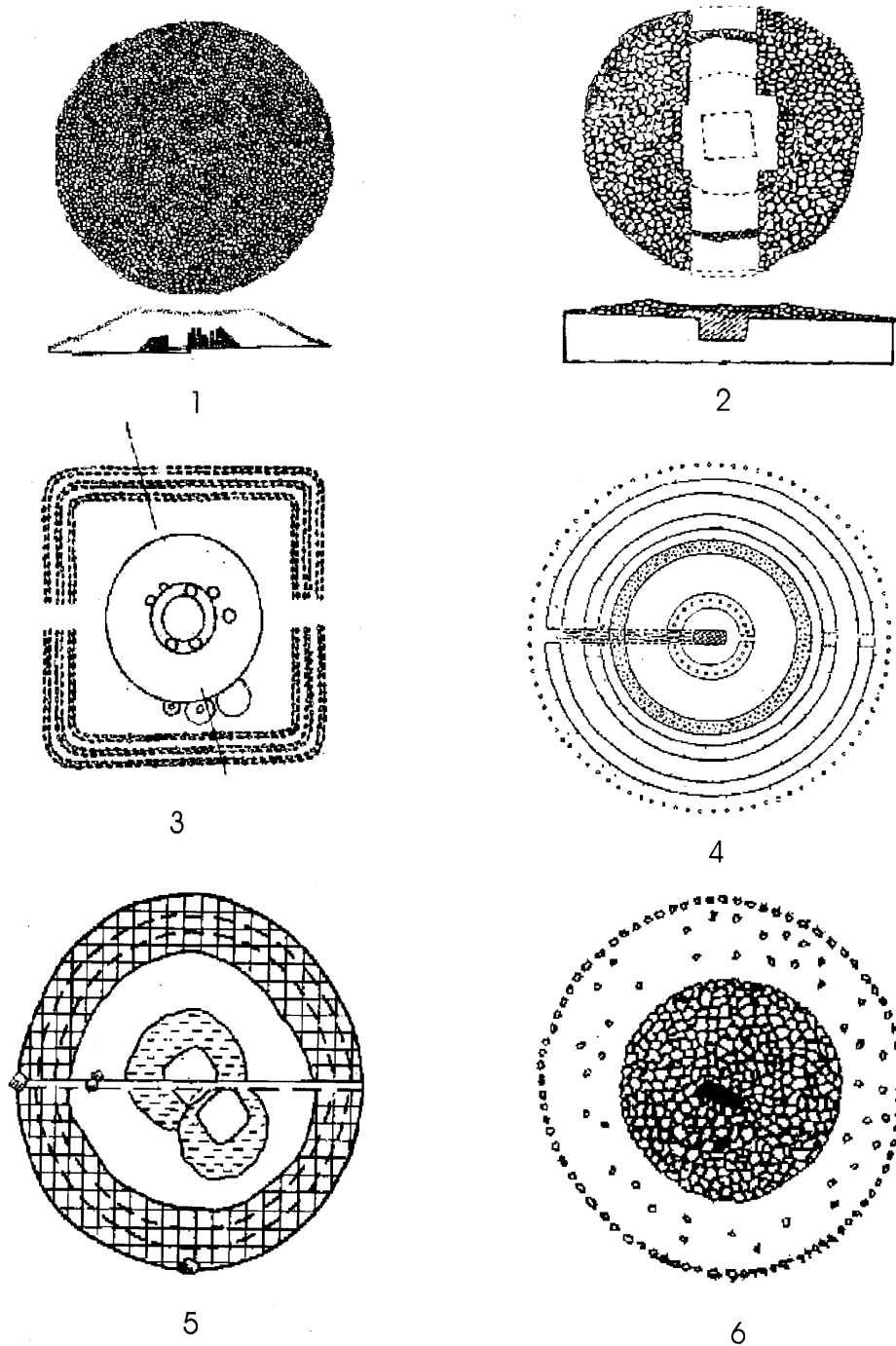
Мандала являлась универсальным способом кодирования самых различных смыслов (философских, математических и др.), а потому могла быть истолкована достаточно свободно: как круг, центр, точка, капля, зачаточная стадия развития мысли или идеи. Мандалу рассматривают как отображение архетипа космической горы на плоскости. Мандала исполняет роль образа мира, образа человека и инструмента познания одновременно. Богатая символика мандалы включает также идею упорядочения жизни, а сооружения, несущие в себе признаки этой символики, выполняют активную коммуникативную роль. Известны храмы (в частности индуистские и буддийские), построенные по типу мандалы с характерным для нее равновесием элементов, геометрическими формами и значимым числом составных частей. Формой мандалы являются круглые, квадратные и восьмиугольные строения. Подобная геометрическая схематизация культовых сооружений может рассматриваться как явное указание на идею преодоления хаоса.

То же можно сказать и о мандалах-курганах (на подобное сходство указывали и ранее (Шилов Ю.А., 1995, с. 573–574)). Геометрическая четкость их планов, так или иначе сочетавших круг и квадрат, была обусловлена космологическими уподоблениями гробницы обитаемому миру. Таким образом, можно предположить, что идея мандалы заложена в основе кургана, является его образцом.

Образец как средство репродуцирования реальности является определенным средством ее моделирования, создания новой пространственной действительности. На наш взгляд, таким средством проектного моделирования являлись круглые зеркала с ручкой-ушком на оборотной стороне, предмет, широко распространенный в погребальных комплексах. В ее форме и орнаменте отражена структура Вселенной (мандалы).

Подобная модель образца не имела чисто профессиональных функций как средства конструирования. Модель являлась хранителем исторического опыта, как бы более долговечным по отношению к реальной постройке образом, средством закрепления и передачи формы и структуры архитектурного объекта. Поэтому кажется маловероятным использование данной модели для инженерно-технического проектирования объекта (т.е. применение ее как архитектурного чертежа), так как возможности мифологического образца объекта весьма ограничены в этом плане.

Вероятнее всего, реализация инженерно-технической модели в натуре осуществлялась непосредственно в процессе строительства сооружений как геометрической конкретизации типовой структуры пространства на основе соответствующего канона. Можно предположить, что вычерчивание плана на земле выступало как основное средство конструирования и реализации идеального образца в действительность. Пропорции фиксировались в своеобразных образцовых моделях, назовем такую модель «идеальный курган». Под «идеальным курганом» подразумевается сооружение, построенное по четко продуманному плану (деталь-

Курганная архитектура скифо-сибирского мира:

1. Бешатыр, кур. 1 (Степная..., 1992, табл. 26); 2. Пазырык, кур. 1. (Грязнов М.П., 1950, рис. 1); 3. Берккара (Степная..., 1992, табл. 37); 4. Скифский погребальный комплекс (Ольховский В.С., 1999, рис. 8); 5. Некрасово, кур. 1 (Мартынов А.И., 1979, рис. 19); 6. Шараш (Степная..., 1992, табл. 73)

ная вырисовка элементов сооружения на земле) с привлечением специалистов (жрецов, архитекторов (?). Наиболее интересна в связи с этим реконструкция эталонного кургана скифской культуры (Ольховский В.С., 1999, с. 114–136)). Отличительными чертами подобных курганов являются четкие выдержанные пропорции, точная ориентация в пространстве, монументальность. В разряд подобных эталонов можно причислить Аржан и Большой Салбыкский курган в Сибири, Иссык в Семиречье, Царский курган в Крыму и другие. Остальные курганы, учитывая их конструктивное однообразие, соответствующее той или иной культуре, воспроизводили данную модель. Таким образом, «идеальный курган» являлся архитектурно-строительным каноном, с обобщением предметных образцов и четкой программой создания формы. Канон не исключал метод работы по образцу, а включал его лишь как один из частных принципов эталонного формирования пространства. Именно поэтому мы встречаем всевозможные различия в конструкциях курганов (различные дополнительные структуры) в рамках одной культуры.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что процесс проектного моделирования курганов шел по следующей цепочке: Мандала (идея/образ) – «Зеркало» (модель образца) – «Идеальный курган» (канон). Результатом стало массовое воспроизводство канона. Не случайно М.П. Чернопицкий (1984, с. 71) окрестил курганную архитектуру началом народного монументального творчества. Канон может быть воспроизведен на любом уровне и в сколь угодно грубых формах, однако самым важным является не тот факт, что канон поддается имитации, а то, что даже на самых низких уровнях своего непосредственного религиозного опыта человек стремится приблизиться к этому канону и реализовать его. А.Б. Успенский показал, что «и искусство и язык... характеризует стремление к некоей норме наряду с отклонениями от нормы; когда эти отклонения становятся частыми, они сами образуют новую норму... Норма определяется предсказуемостью того или иного явления... Частичные отклонения от сложившейся нормы как обладающие малой предсказуемостью несут эстетическую информацию и составляют искусство» (цит. по: Иконников А.В., 1985, с. 105). Может быть, именно поэтому курганная традиция в рамках отдельной культуры со временем претерпевает существенные изменения.

Итак, анализ формы кургана позволил нам затронуть проблему его проектного моделирования. Безусловно, в данной статье раскрыты не все вопросы, связанные с этой проблемой. В частности, открытыми остаются вопросы о пропорциях, метрологии (попытка выявления мер длины культур скифо-сибирского круга была сделана Ф.Р. Балоновым (1983, с. 78–81)) и т.д. Однако нужно отметить, что эти составляющие проектного моделирования необходимо исследовать в общем контексте архитектурного сооружения, главный момент – появление образа сооружения и его модели – исследован в данной статье.

Библиографический список

1. Акишев К.А. Курганы Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978. 131 с.
2. Араухо И. Архитектурная композиция. М., 1982. 208 с.
3. Балонов Ф.Р. К реконструкции некоторых сторон метрологии (мер длины) культур скифо-сибирского круга // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 78–81.
4. Герман П.В. Специфика курганной архитектуры // Материалы XXXIX МНСК «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск, 2001. С. 30–31.
5. Глазычев В.Л. Зарождение зодчества. М., 1983. 128 с.
6. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
7. Грязнов М.П. Курганы как архитектурный памятник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961. С. 22–25.
8. Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.

9. Дашковский П.К. Космологическая модель Пазырыкского кургана // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С. 44–47.
10. Дэвлет М.А. Большой Салбыкский курган: могила племенного вождя // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 146–154.
11. Иконников А.В. Художественный язык архитектуры. М., 1985. 175 с.
12. Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточно-иранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 7–18.
13. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 207 с.
14. Мартынов А.И. Тагарские курганы как архитектурные сооружения // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб., 1996. С. 8.
15. Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. 252 с.
16. Ольховский В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 114–136.
17. Пяткин Б.Н. Представление древних людей о пространстве и времени по курганным надмогильным сооружениям // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 31–37.
18. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
19. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.
20. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. 606 с.
21. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология. М., 1993. 295 с.
22. Степанов А.В. Предисловие // Араухо И. Архитектурная композиция. М., 1982. С. 5–13.
23. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1992. 492 с.
24. Чернопицкий М.П. Курганная группа как архитектурный ансамбль // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы конференции. Кемерово, 1980. С. 176–186.
25. Чернопицкий М.П. Курган в системе древней обрядности // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Кемерово, 1984. С. 70–75.
26. Шилов Ю.А. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев, 1995. 744 с.
27. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. Минск, 1998. 688 с.
28. Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб., 1999. Т. 2. 416 с.

С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

С древности существует множество способов обращения с умершими. Отражением этого является разнообразие фиксируемых археологами и этнографами видов человеческих погребений. Способы захоронения разнятся не только от народа к народу, но даже у отдельно взятого народа их могло быть несколько, в зависимости от социального статуса, обстоятельств смерти, пола, возраста и других факторов. С.А. Токарев (1990, с. 164–167) связывает разнообразие форм погребения с двойственным отношением к умершему – стремлением избавиться от трупа (инстинкт опрятности) и стремлением его сохранить (инстинкт социальной привязанности). Археологи все же имеют дело в основном с двумя способами захоронения: труположением и трупосожжением, правда с многочисленными вариациями. Известны и весьма оригинальные захоронения, описанием которых особенно изобилуют этнографические данные. Многие из таких видов погребений (водяные, воздушные, скальные, вторичные, парциальные и др.) современному человеку представляются чем-то ненормальным, вызывая порой полное неприятие или отторжение. К категории таких «нестандартных» в нашем современном понимании погребальных памятников относятся в том числе впускные захоронения.

Впускное погребение – это погребение, совершенное в структуре более раннего по времени возведения памятника (обычно кургана): исходной основой для «впускника» служило сооружение другого объекта (насыпь, заполнение могильной ямы, погребальная камера), что в конечном счете и определяло специфику данного типа захоронений с точки зрения их конструктивного решения. При этом сооружение впускного погребения сопровождалось частичным или полным нарушением раннего комплекса. Последнее отличает названный тип памятников от объектов, именуемых в литературе (Грач А.Д., 1980, с. 51–53; Кубарев В.Д., 1987, с. 26–27; и др.) «многоактовыми захоронениями», несмотря на их некоторое сходство (обязательная черта многоактивности погребения – наличие подзахоронительного хода). Известны также «впускники», совершенные в культурном слое поселений (см. например, Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Ек.Е., 1999, с. 229).

Судя по всему, традиция устройства впускных захоронений имеет глубокие корни: она представлена достаточно широко в погребальном обряде различных археологических культур (Смирнов К.Ф., 1964, с. 80; Пшеницина М.Н., 1975, с. 150–162; Максименков Г.А., 1975, с. 159–167; Мандельштам А.М., 1992, с. 185–186), а в погребальной практике некоторых народов, например, алтайцев-теленгитов и тувинцев она сохранялась вплоть до недавнего времени (Дьяконова В.П., 1975, с. 22–39; Тошакова Е.М., 1978, с. 128). В Горном Алтае обычно сооружения «впускников» получает распространение главным образом с гунно-сарматской эпохи (II в. до н.э. – V в. н.э.), хотя имеются немногочисленные объекты более раннего времени (см., например: Ларин О.В., 1990, с. 7; Кубарев В.Д., 1991, табл. XV; табл. XL; и др.; Суразаков А.С., 1993, с. 25–45; и др.).

На данный момент вопрос о впускных погребениях в научной литературе практически не освещен. Приходится констатировать, что исследователям зачастую свойственно отношение к этому виду захоронений как к чему-то второстепенному. Из-за малочисленности сопроводительного инвентаря, а нередко его полного отсутствия, «впускники» неоправданно исключаются из дальнейшего изучения. Известность получают только богатые или особо оригинальные памятники (Гаврилова А.А., 1965, с. 52–54; Грач В.А., 1982, с. 156–168; Мыльников В.П., Масумото Т., 1994, с. 93–96; Полосьмак Н.В., 1994, с. 20–22, рис. 10; Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., 1998, с. 369–373; Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Ек.Е., 1999,

с. 229–244), которые вместе с тем единичны. Как ни странно, но данная тема также еще не нашла достаточного отражения в этнографических работах.

Учитывая, однако, то обстоятельство, что обозначенный тип захоронений распространен довольно-таки широко, вряд ли «впускники» были чем-то случайным, и, следовательно, их природе должно быть свое объяснение. Настоящая статья представляет собой попытку на основе анализа конкретного материала из погребальных комплексов Горного Алтая дать общую характеристику «впускников» обозначенной территории, а также, насколько это позволят источники, наметить возможные подходы к объяснению мотивов и причин совершения данного рода захоронений. Как предмет самостоятельного изучения данная проблема затрагивается впервые. В работе нами использовались только опубликованные материалы. Хронологические рамки исследования были определены условно – последние века I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э., хотя основная масса объектов принадлежала гунно-сарматскому времени.

Непосредственную сложность в проведении исследования вызывали несколько моментов. Прежде всего это качество источниковой базы. В публикациях, как уже сказано, информация о «впускниках» зачастую ограничивается самыми общими сведениями, нередко лишь подтверждением факта их наличия и не более. Почти полностью отсутствует графическая документация, а качество имеющейся часто оставляет желать лучшего. В большинстве случаев впускные погребения отличает плохая сохранность или сильная разрушенность человеческих костяков, отсюда достаточно редко присутствуют антропологические определения. Положение осложнено тем, что авторами раскопок не всегда учитываются (во всяком случае об этом не говорится в публикациях) мелкие детали, которые весьма важны. Все это в конечном счете значительно снижало интерпретационные возможности данного вида источника.

Всего нами было учтено 24 памятника, содержащих 43 захоронения.

При их характеристике акцент был сделан на наиболее существенных деталях. Рассмотренные погребения в зависимости от оформления условно подразделялись на три группы: погребения, устроенные в насыпи кургана (центре или полах) на разную глубину, иногда на уровне древнего горизонта; погребения, впущенные в могильную яму, располагавшиеся обычно в верхних слоях ее заполнения, реже на перекрытии или рядом с внутримогильной конструкцией, иногда с проникновением в погребальную камеру основного захоронения; погребения, совершенные в могильной яме с проникновением в погребальную камеру, частичным или полным уничтожением предыдущего захоронения. По конструкции они принципиально не различались между собой: для совершения захоронения до определенного уровня разбиралась часть кладки насыпи и (или) заполнения ямы, подготавливалась специальная площадка. Показательная черта всех погребений – простота их конструктивного решения. Так, во многих случаях внутримогильное сооружение было представлено «грунтовой ямой». Иногда для человека изготовлялась специальная камера в виде каменного ящика – Кызык-Телань-II, к. 2, Юстыд-I, к. 10, Боротал-III, к. 4 (Суразаков А.С., 2001, с. 70–72; Кубарев В.Д., 1991, табл. XV; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 186); сруба – Кош-Тал, к. 5 (Суразаков А.С., 1993, с. 28–30, рис. 9.-2); комбинированного ящика – Ак-Алаха-3, к. 1 (Полосьмак Н.В., 1994, с. 3–4, рис. 1); обкладки из камней с каменным или деревянным настилом – Кош-Тал, к. 7, Сары-Кобы, к. 24, Кара-Кобы-II, к. 6, п. 2, Боротал-III, к. 2 (Могильников В.А., Суразаков С.А., 1980, с. 186; Суразаков А.С., 1982, с. 127–129; Могильников В.А., 1983, с. 59–60; Суразаков С.А., 1993, рис. 9.-1); настила из плит – Кара-Кобы-II, к. 6, п. 1 (Могильников В.А., 1983, с. 82, рис. 14); пристройки из плит к конструкции основного захоронения – Кор-Кобы-I, к. 1, п. 1 (Ларин О.В., 1990, с. 7, с. 22, рис. IX, с. 23, рис. X). Все умершие похоронены по обряду трупоположения. Погребения были в основном индивидуальными, иногда в сопровождении с конем (Кокса, к. 1, Яконур, к. 5, Ак-Алаха-3, к. 1 и др.); коллективные (парные) захоронения являются одноактными и исчисляются единицами; за-

фиксированы также редкие случаи, когда умершие располагались один над другими, т.е. ярусами – Кок-Эдиган, к. 12, Кош-Тал, к. 5 (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 312; Суразаков А.С., 1993). Таким образом хоронили мужчин, женщин и детей. В целом по обряду погребения «впускники» не выделялись из комплекса захоронений скифской и гунно-сарматской эпох (соответствующая поза и ориентация костяков, захоронения лошадей, вещевой набор), отличаясь все же скромностью сопроводительного инвентаря.

Важное значение имело определение времени устройства «впускника», а следовательно, выяснение характера его связи с основным погребением. Речь здесь ни в коей мере не идет об установлении точной датировки, так как для большинства объектов сделать подобное не представлялось возможным. Большую роль в этом отношении играли данные стратиграфии памятников. Проанализировав весь материал, мы пришли к следующему.

Наиболее типична ситуация, когда основное и впускное захоронения принадлежат абсолютно разным эпохам, разновременны и разнокультурны, т.е. возможность существования населения, оставившего эти комплексы, в одно или даже близкое время полностью исключена. Главным образом это отражено погребениями хуннского времени в курганы пазырыкской культуры. Пока лишь некоторые из них (Катанда-3, к. 9, Яконур, к. 5, Кокса, к. 1, Пазырык, к. 6, Кызык-Телань-II, к. 2) можно датировать относительно узкими хронологическими рамками (Гаврилова А.А., 1965, с. 52–54; Мамадаков Ю.Т., 1995, с. 131; Суразаков А.С., 2001, с. 72). Отмечен и достаточно редкий случай (к. 1 м. Кор-Кобы-I), когда в одном кургане рядом были устроены два «впускника», один в раннескифское время, другой значительно позже – в гунно-сарматское (Ларин О.В., 1990, с. 7, рис. IX, рис. X).

С другой стороны, по материалам других территорий известно, что впускное и главное погребения не всегда относились к разным историческим периодам и могли быть даже монокультурными. В этом случае реализовывалось прихоронение поздних умерших к более ранним, причем временной отрезок, разделявший их необязательно был продолжительным. Подобный обычай, к примеру, фиксируется в материалах саглынской и саргатской культур (Мандельштам А.М., 1992, с. 185–186; Могильников В.А., 1992, с. 299). Для Горного Алтая данный вид захоронений («впускные подхоронения») не характерен. Весьма интересна ситуация с двумя малыми курганами (к. 9, к. 10) могильника Башадар (Марсадолов Л.С., 1997, с. 4–6, 30, рис. 5, с. 31, рис. 6, с. 33, рис. 8). Такие признаки погребального обряда, как положение умерших скорченно на боку, восточная ориентировка, наконец, сопроводительный инвентарь (золотая бляшка в виде орла), позволяют говорить о принадлежности этих «впускников» пазырыкскому или кара-кобинскому населению скифского времени. Вероятно, впускные погребения были совершены в близкое время с основными, а скорее всего чуть позже. На последнее указывает наличие железного ножа с кольчатым навершием из кургана №10, датируемого не ранее IV в. до н.э. (Кубарев В.Д., Кочев В.А., 1983, с. 107, рис. 12.-б; Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 185, рис. 5, 7; с. 189, рис. 7–9; Кубарев В.Д., 1991, с. 71), а также непотревоженность костяков из впускных могил (принимая во внимание, что главные погребения были ограблены, а скелеты полностью разрушены). Центральное погребение было датировано Л.С. Марсадоловым (1997, с. 8) VI в. до н.э.

Стоит отметить также впускные погребения из курганов №2 и 4 могильника Боротал-III (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 186). Интересно, что подзахоронения были осуществлены практически сразу после возведения пазырыкских курганов. Доказательством этого служит датировка могильника (III–II вв. до н.э.) (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 190–191), а также своеобразие погребального обряда «впускников»: сильно скорченное положение погребенных на левом боку, с ориентацией головой в западный сектор (устройство «впускников» совпало с моментом ограбления памятника). Скорченность трупов была доминирующим типом позы на протяжении всего скифского времени (Грач А.Д., 1980, с. 72; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1998, с. 80). Начиная с гунно-сарматской эпохи уже

господствует положение умерших «вытянуто на спине». А.С. Суразаков (1988, с. 108) датировал боротальские «впускники» началом или первой половиной II в. до н.э. и отнес их к памятникам кара-кобинского типа (там же, с. 131). Надо указать, что погребальный обряд названных погребений обнаруживает определенное сходство с комплексами саглынской культуры Тувы, где захоронения с таким типом положения тела существовали в течение всей скифской эпохи, а какое-то время скорченность сохраняется и в послескифское время (Грач А.Д., 1980, с. 71–72).

Поэтому необходимо выделить еще одну группу погребальных комплексов Горного Алтая, в которых впускное и основное погребения близки по времени сооружения, но принадлежат разным этническим образованиям, хотя и близким между собой в культурном отношении. Обозначенные погребения исчисляются единицами (здесь учитываются только те объекты, которые можно уверенно идентифицировать).

Как уже было сказано, наибольшую важность имеет выяснение причин и мотивов устройства «впускников». Понимая всю сложность задачи, мы отдаем себе отчет, что не все выводы и заключения по этому вопросу будут бесспорными. Со всей очевидностью стоит признать, что какого-то универсального объяснения этому нет, да и в принципе быть не может, так как каждый отдельный случай имел свою конкретную причину. Поэтому позволим провести лишь некоторые суждения.

По всей форме впускное погребение в принципе можно классифицировать как особую разновидность захоронения в земле, более простую и доступную, поэтому в литературе встречается мнение (Дьяконова В.П., 1975, с. 17; Флеров В.С., 2000, с. 63), объясняющее сооружение «впускников» практической необходимостью. Действительно, практически было легче похоронить, разобрав часть насыпи, чем вырыть могилу в земле и тем более возводить над ней дополнительную постройку. Простота внутримогильного устройства также ускоряла процесс погребения. В результате такой вид захоронения позволял значительно сократить временные затраты, что иногда было очень важно, когда, например, небольшой кочующий коллектив в силу разных причин (война, вынужденное быстрое передвижение и пр.) просто не имел возможности для сооружения подобающего кургана. Материалы Горного Алтая, а также соседних территорий (Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У., 1992, с. 197; Пшеницина М.Н., 1992, с. 227) свидетельствуют, что впускные захоронения наиболее характерны для периодов с напряженной политической обстановкой, когда вероятность масштабных перемещений населения наиболее высока. Неудивительно, что значительная масса «впускников» относится к позднескифскому и гунно-сарматскому времени – эпохе крупных политических и этнокультурных перемен. Впускные погребения являются одним из первых следов проникновения нового населения на территорию Горного Алтая, и, возможно, маркируют каналы его продвижения. Показательно, что сооружению «впускников» иногда предшествовало ограбление или, скорее, осквернение грабежом курганов прежнего населения, а это значит они появляются сразу, когда прежнее население перестало существовать или осталась какая-то его часть, не способная противостоять мигрантам. К сожалению, на основе картографирования рассмотренных впускных погребений пока достаточно сложно установить достоверные пути перемещения населения в рамках Горного Алтая в конце I тыс. до н.э. – I-й пол. I тыс. н.э. То, что данный вид памятников фиксируется пока на ограниченной части территории вряд ли стоит считать правилом, так как подобное вполне может быть результатом неравномерного изучения Горного Алтая. К сказанному стоит лишь добавить, что большая масса «впускников» тяготеет к «периферии», стыку территорий с разными культурами. Таковыми бесспорно являются Восточный Алтай и Тува, Центральный Алтай и Казахстан. Нельзя, конечно, полностью исключать, что впускные погребения появляются уже во время проживания мигрантов на «чужой» территории. Немногочисленность и незначительная концентрация объектов свидетельствуют в пользу того, что рассматриваемый способ захороне-

ния, видимо, не был постоянным и существовал в момент передвижения, когда переселенцы, не имея собственного кладбища, прибегали к погребению своих усопших в чужих курганах.

Стоит признать, что практические соображения не всегда, а в древности особенно были определяющими. Поэтому более логично будет искать объяснения и в идеологических представлениях древнего населения.

Одна из центральных идей погребального ритуала сводится к осознанию четкой сопричастности умерших к коллективам живых. Переселившиеся в мир мертвых составляли как бы единое целое с живыми. Продолжали жить рядом, нуждались в их участии и в свою очередь определяли судьбу живых. Отсюда вытекало стремление держать своих умерших поближе, хоронить на семейном или родовом кладбище (Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984, с. 191–192). Могилы отражали не только единство живых и мертвых, но также выступали символами связи оставивших их людей с определенным пространством. Для кочевников курганы служили знаками, закреплявшими право приоритетного владения пастбищными угодьями (зимниками) (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981, с. 5; Кубарев В.Д., 1991, с. 18), поэтому достаточно часто древние погребения становились местом притяжения поздних захоронений. Новое население в данном случае руководствовалось стремлением различным образом приблизить своих усопших к «мифическим предкам». Для этого пришельцы старались пристроить свои могилы к более ранним, как бы продолжая цепочку древних курганов, либо совершали впускные захоронения, причем без нанесения какого-либо ущерба предыдущим погребениям. А.С. Суразаков (1999, с. 172) предлагает рассматривать подобную традицию отношения к погребальным памятникам как «обычай приобщения» пришельцев к новым местам. И с мнением этого исследователя можно согласиться. Проявление подобного обычая было отмечено на многих из учтенных нами памятников.

Однако встречаются обратные случаи – в курганы были сделаны подхоронения: Боротал-III, к. 2, к. 4 (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980, с. 186), Ябоган-III (Суразаков А.С., 1999, с. 172), Кок-Эдиган, к. 5 (Худяков Ю.С., Миронов В.С., 1997, с. 313; Худяков Ю.С., 1998, с. 167–169), Сары-Кобы, к. 24 (Суразаков А.С., 1982, с. 127–129; и др.), с частичным или полным нарушением прежних погребений. Естественно, что обряд имел здесь несколько иной смысл. Это не было чистое ограбление, хотя некоторые предметы были изъяты. С одной стороны, здесь мог присутствовать мотив страха перед погребенными иноплеменниками, а отсюда желание нового населения обезопасить себя от возможных вредоносных действий со стороны мертвецов. Любопытен и сам характер нарушений человеческих костей – разрушались в основном только верхние части скелетов, ноги и таз сохраняли свой анатомический порядок, а вещи, сочетавшиеся с нижней частью тела, оставались в могиле (см., например: Степанова Н.Ф., 1987, с. 177; Суразаков А.С., 1982, с. 128, рис. 3.-1; 1993; и др.). Наивно полагать, что это было только следствием ограбления. Практика преднамеренного разрушения или даже изъятия отдельных частей скелета хорошо известна, например, по раннесредневековым погребениям Восточной Европы. Содержание таких действий состояло в том, чтобы лишить покойника возможности к возрождению или разрушить вместилище души и тем самым не позволить мертвецам потревожить тех, кто теперь занял могильник (Флеров В.С., 2000, с. 55–75). Так, иногда рядом с разрушенными курганами (в рамках одного кладбища) и впускными захоронениями, появлялись курганы нового населения (Суразаков А.С., 1988, с. 131). А.С. Суразаков (1999, с. 173) полагает, что обряд впускного захоронения в этом случае исходил из намерения нового населения «нарушить коллективную связь ушедших из этих мест иноплеменников с землей их усопших предков и «перетянуть» эту связь на себя». В то же время мы имеем дело с известной традицией осквернения – утверждением новой группой населения своего превосходства. Само по себе проникновение в могилу, не говоря уже о разрушении, было оскорблением. Отсюда нарушение могил и их последующее переиспользование для поздних захоронений следует трактовать как символы под-

чинения противника, его подавления, мести конкретному клану или народу. Интересный случай в этой связи отмечен в кургане 6 могильника Кара-Кобы-II (Могильников В.А., 1983, с. 59–60), в насыпи которого были сооружены две могилы гунно-сарматского времени. Погребение пазырыкской культуры было разграблено и разрушено, а в верхней части заполнения ямы находился непо потревоженный скелет собаки. Захоронение собаки в любом случае не могло быть произведено до проникновения в могилу. Это тем более важно, если учесть, что сведения о подобных действиях встречаются в китайских хрониках, где, например, сообщается, что ухуаньцы в отмщение за нанесенное им хуннами поражение, усилившись, раскопали и разрушили могилы хуннских шаньюев (Бичурин Н.Я., 1950, с. 144). Здесь, однако, необходимо точно фиксировать: действительно ли ограбление кургана связано с устройством «впускника». Похожая ситуация наблюдается и в случае с древнетюркским курганом могильника Курота-II (к. 46) (Суразаков А.С., 1990, с. 72), с той лишь разницей, что там отсутствовало захоронение человека. Исходя из вышеизложенного смысл обряда впускных погребений должен быть сведен к следующему: осквернение (утверждение какого-либо превосходства или мести), перетягивание сакрального пространства», защита от возможных действий со стороны погребенных рядом иноплеменников.

В литературе имеются и другие объяснения обряда подзахоронения. Показателен пример кургана 17 могильника Юстыд-XII. Погребение двух человек располагалось у задней (западной) стенки каменного ящика, как бы в ногах основного погребения. Судя по признакам погребального обряда и инвентарю (Кубарев В.Д., 1991, с. 34, 39, табл. XXXIX, XL, XLI), в этом кургане были похоронены выходцы с территории Тувы или Монголии. Интересно, что в свое время А.Д. Грач (1980, с. 48, 53) в материалах могильника Мажылык-Ховузу из общего ряда захоронений отдельно выделил погребения на правом боку, с ориентацией на северо-восток, как правило, без инвентаря, расположенные у задних (юго-восточных) стенок саглинских срубов, отметив подчиненный характер таких захоронений. Данное сходство позволило В.Д. Кубареву (1991, с. 39) интерпретировать юстыдские захоронения (к. 17 м. Юстыд-XII) как принудительные погребения пленников, захваченных в ходе военных действий и погребенных вместе со своими хозяевами. Это в свою очередь предполагает их одновременность или, правильнее сказать, синхронность основному захоронению. Однако в монографии В.Д. Кубарева не приводится стратиграфия указанного комплекса, исследователь несколько смешивает понятия «впускник» и «сопроводительное погребение», во всяком случае трудно понять, о чем в действительности идет речь. Следует также оговориться, что главное погребение не содержало инвентаря, что само по себе уже ставит под сомнение определение юстыдских подхоронений как сопроводительных. Отсюда погребение, устроенное в заполнении могильной ямы кургана 17 – впускное. И все же мнение В.Д. Кубарева не лишено смысла. Нельзя, допустим, отрицать, что помещение «рабов» в могилу произошло уже после сооружения кургана, так как «соумирание» (т.е. насильственное умерщвление) вовсе не обязательно (см., например: Грач А.Д., 1980, с. 52–53). Вопрос, как классифицировать такие захоронения (являются они впускными или относятся к категории сопроводительных), может быть решен только с учетом данных стратиграфии памятников. Поэтому можно говорить о существовании и такой особой разновидности «впускников», как погребения зависимых людей. Хотя такие объекты в Горном Алтае пока не зафиксированы.

Обращает на себя внимание следующий факт – скудность или полное отсутствие вещей в большинстве впускных погребений (почти половина случаев). Характерно, что подобное наблюдается независимо от хронологии и культурной принадлежности комплексов. Поэтому вполне возможно, что подобным образом были похоронены люди низкого социального статуса или (и) лица, не являвшиеся в силу каких-то причин полноценными членами общества.

Наконец, встречаются весьма оригинальные случаи. Так, в могильной яме кургана 6 могильника Уландрык-II (Кубарев В.Д., 1987, табл. XLIII; табл. XLIV) было обнаружено

сильно нарушенное погребение взрослого человека, все кости которого были повреждены и слегка обожжены. Отсутствие вещей затрудняет его культурно-хронологическую атрибуцию. В курганах №60 и 74 могильника Усть-Эдиган на перекрытии каменных ящиков находились колотые кости человека, а также фрагменты керамики хуннского времени (Худяков Ю.С., 1998, с. 98–99). Фрагментарность сведений пока не позволяет сделать какие-либо конкретные выводы, хотя можно предположить жертвенный характер названных захоронений, или вторичность погребения. Надо думать, таких случаев на самом деле было гораздо больше, другое дело, что об этом не всегда упоминается. Здесь стоит вспомнить о известных фактах нахождения в насыпях курганов и заполнении ям наряду с костями животных, керамикой, орудиями также и человеческих останков. Мы, разумеется, не склонны рассматривать все подобные случаи как проявление обряда впускного погребения. Были ли среди них «впускники», покажет только детальный разбор всего массива таких «случайных находок».

Обряд погребения в не меньшей степени зависел от характера, условий смерти, личных качеств, поведения, образа жизни человека. Этнография свидетельствует, что некоторым покойным отказывают в обычных обрядах и чаще всего это относится к нечистым, «заложным», покойникам (утопленники, удушенники, самоубийцы и пр.) – умершим «досрочно» плохой (случайной) смертью или тем, кто еще при жизни вызывал опасение и страх (Герасимова К.М., 1992, с. 140–141; Тангад Д., 1992, с. 132). Так, у монгольских народов опасных покойников хоронили в других местах, в стороне от рядовых кладбищ, либо на месте смерти, так как считалось, что души подобных людей не могли приобщиться к загробной общине родовых предков. Таких покойных боялись и обходили стороной, стремились удалить, «потерять» (Герасимова К.М., 1992, с. 140–141; Мэнэс Г., 1992, с. 124). У тувинцев, шорцев, сагайцев и ряда других народов такие меры, как преднамеренное избавление от трупа (имеется в виду удаление тела), применялись при захоронении детей, умерших в грудном возрасте или имевших физические отклонения (Дьяконова В.П., 1975, с. 70). Все же по костным остаткам далеко не всегда можно точно определить истинную причину смерти. Однако это устанавливается по некоторым деталям. В данном случае остановимся на двух объектах. В кургане 6 могильника Кара-Коба-II (Могильников В.А., 1983, с. 59, с. 82, рис. 14) находился скелет женщины, без черепной коробки, уложенный вытянуто, «лицом вниз». В кургане 8 могильника Уландрык-I (Кубарев В.Д., 1987, с. 13) обнаружено погребение человека, также без черепа, при этом скелет был установлен вертикально, как бы стоя на перекрытии погребальной камеры. Проявление подобного обычая также было зафиксировано в свое время В.П. Дьяконовой (1975, с. 149) в процессе раскопок могильника Кокэль. Замечено, что такой способ погребения (лицом вниз, вертикально, без отдельных частей тела) практиковался в отношении все тех же опасных покойников и был средством их обезвреживания по отношению к живым (Дьяконова В.П., 1975, с. 150; Шилов Ю.А., 1995, с. 65; Флеров В.С., 2000, с. 60). С позиции С.А. Токарева (1990, с. 164–167) это является отражением инстинкта опрятности, свойственного в той или иной степени похоронному обряду различных народов. Сущность здесь такова – определенную категорию умерших людей, представлявших опасность для живых, не хоронили на общем кладбище, а использовали для этого чужие курганы.

Таким образом, разработка вопроса находится пока на начальной стадии. Нами предложены лишь некоторые из возможных объяснений данного обряда. Думается, что дальнейшие исследования в русле данной тематики позволят не только реконструировать некоторые мировоззренческие представления древнего населения, но в конечном счете подведут к решению целого ряда других проблем (хронологии, демографических и миграционных процессов, социальных отношений). Для этого в свою очередь необходимо привлечение более обширного круга данных, прежде всего материалов с других территорий, а следовательно, перенесения проблематики на широкий географический и хронологический фон.

Библиографический список

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. Ч. 1.
2. Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Ек.Е. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе (биоархеологическая реконструкция особенностей погребального обряда) // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 229–244.
3. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 113 с.
4. Герасимова К.М. Похоронные обрядники тибетских и монгольских авторов XVI–XIX вв. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 133–157.
5. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
6. Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–168.
7. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 164 с.
8. Дьяконова В.П. Похоронная обрядность. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 100–107.
9. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984.
10. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.
11. Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 90–109.
12. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
13. Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 7, с. 22, рис. IX, с. 23, рис. X.
14. Максименков Г.А. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 159–167.
15. Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда-3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 125–131.
16. Мандельштам А.М. Ранние кочевники на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 178–196.
17. Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 196–205.
18. Марсадалов Л.С. Исследование в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб., 1997. 56 с.
19. Могильников В.А. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 52–89.
20. Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. 1980. №2. С. 180–191.
21. Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 292–311.
22. Мыльников В.П., Масумото Т. Погребение алтайца-теленгита на средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 93–96.
23. Мэнэс Г. Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 112–126.
24. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.
25. Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Уюк // ALTAICA 1994. №4.
26. Пшеницина М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 150–162.

27. Пшеницина М.Н. Тесинский этап // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 224–235.
28. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 290 с.
29. Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168–183.
30. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
31. Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121–136.
32. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 214 с.
33. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.
34. Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 25–45.
35. Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и социальных территорий. Барнаул, 1999. С. 171–173.
36. Суразаков А.С. Кызык-Телань-II // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 70–72.
37. Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992. С. 127–133.
38. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Ориентация и положение погребенных людей в курганах скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1988. №3. С. 77–83.
39. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. 622 с.
40. Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев XIX – начала XX в. Новосибирск, 1978. 158 с.
41. Худяков Ю.С. Раскопки аварийных объектов на памятниках Кок-Эдиган и Чоба-Бильдыр в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 167–169.
42. Худяков Ю.С. Проблемы генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 97–112.
43. Худяков Ю.С., Миронов В.С. Археологические исследования на могильнике Кок-Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. С. 310–313.
44. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюрского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 369–373.
45. Флеров В.С. Разыскание по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья: Труды по археологии. Донецк, 2000. Т. 1. С. 55–75.
46. Шилов Ю.А. Прародина ариев: история, обряды и мифы. Киев, 1995. 744 с.

Научный руководитель – к.и.н., доц. А.А. Тишкин

П.В. Мороз

Забайкальский государственный педагогический университет, Чита

**ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ ВЕДУЩИХ ОРУДИЙНЫХ ТИПОВ
ДЛЯ ОБЪЕКТОВ СРЕДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ
(на примере стоянки Мастеров ключ)***

В забайкальском палеолитоведении во взглядах на периодизацию верхнего палеолита за полувековую историю региональных исследований не произошло значительных изменений. В основе изучения верхнего палеолита лежит общепринятая трехчленная классификация, в которой традиционно выделяются три периода (этапа): начальный, средний и поздний. Этой системы взглядов придерживаются большинство ведущих исследователей данной тематики (Окладников А.П., 1968; Кириллов И.И., 1968; Базаров Д.Б., Константинов М.В. и др., 1982; Константинов М.В., 1994).

Выделение этих этапов основано на данных стратиграфии четвертичных отложений, геоморфологии дислокации исследуемых объектов показателях абсолютной хронологии и технико-типологических характеристиках индустрии. Характерной чертой индустрий верхнего палеолита в целом для западного Забайкалья являются присутствие элементов леваллуазской традиции в расщеплении камня и развитие как ведущих пластинчатых индустрий.

Начальный этап, с точки зрения технологии индустрии, представлен выразительной крупнопластинчатой техникой с подпризматическим расщеплением камня и существенным присутствием леваллуазских элементов. Опорными памятниками начального этапа верхнего палеолита для западного Забайкалья могут являться Толбага, Санний Мыс (6,7), Варварина гора, Куналей (5). М.В. Константинов характеризует толбагинскую индустрию как средне- и крупнопластинчатую, с преобладанием призматической техники расщепления и незначительным вкраплением леваллуазских элементов (Константинов М.В., 1994).

Заключительный этап верхнего палеолита характеризуется преобладанием микропризматического расщепления и распространением клиновидных нуклеусов. В Забайкалье этому этапу соответствуют санномыссовская, студеновская и ошурковская верхнепалеолитические культуры (Константинов М.В., 1979; Абрамова З.А., 1989).

Между начальным и финальным этапами верхнего палеолита лежит так называемый классический. В плане технико-типологического обоснования он более сложен и не имеет устоявшихся технико-типологических характеристик. В целом средний этап верхнего палеолита (Kr2 Cr1 конец каргинского межледниковья – начало сартанского оледенения 30–23 тыс. лет назад) в Сибири представлен памятниками, индустрии которых характеризуются техникой призматического расщепления и практическим отсутствием леваллуазских элементов. Кроме того, с данным этапом связывается развитие техники микропризматического расщепления.

Забайкальские объекты «классического» этапа верхнего палеолита, по мнению М.В. Константинова, проявляют неоднородность каменных индустрий и связанное с этим наличие «внутренних группировок» (Константинов М.В., 1994, с. 131). В целом характер индустрий для памятников этого периода пластинчатый (Читкан, Мельничное-1, Санний Мыс). Орудийный набор по разнообразию типов невыразителен, однако при детальном рассмотрении эта невыразительность орудийного набора памятников средней поры верхнего палеолита западного Забайкалья имеет своеобразный «колорит», который следует обособленно фиксировать.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №01-06-80355.

Одной из наиболее выразительных стоянок средней поры верхнего палеолита в Забайкалье, которая имеет достоверное геолого-геоморфологическое и абсолютно хронологическое обоснование, является Мастеров ключ.

Многослойное поселение Мастеров ключ открыто в 1990 г. на р. Хилок (Мещерин М.Н., 1992). Поселение связано с выположенной площадкой делювиального шлейфа (относительное превышение – 4–6 м над уровнем р. Хилок) в устье боковой долины. При вскрытии толщи делювиальных отложений (мощность до 4 м) выявлено пять культуросодержащих горизонтов, из них 4 и 5-й культурные компоненты относятся к палеолиту рассматриваемого периода. Слои 1, 3 и 5 содержат единичные находки палеолитического облика, очевидно, переотложенные, а слой 2 синхронизируется с бронзовым веком. Интерес представляет культурный компонент 4, он связан с позднекаргинским педокомплексом, который включен в толщу палево-серой карбонатизированной супеси (мощность 0,4 м) и представлен двумя слабогумусированными прослойками (Мещерин М.Н., 1996).

Артефакты концентрируются в нижней палеопочве и чуть выше ее. Четвертый слой подстилает мощная пачка солифлюкционных отложений (более 1,5 м). В верхней части солифлюкционной пачки находятся немногочисленные находки культурного компонента 5. Если нижняя палеопочва предположительно относится к липовско-новоселовскому оптимуму (30–25 тыс. лет назад), то слой, по имеющимся естественным данным, следует датировать в пределах 25–22 лет назад. В пользу этого свидетельствует дата по кости из слоя 4, АА-88888- 24, 360 ± 270 лет назад, а этот хронопласт менее всего отражен в существующих схемах по периодизации верхнего палеолита Забайкалья (Базарова Л.Д., Константинов М.В., 1987).

Коллекция каменных изделий 4-го слоя поселения (325 экз.) типологически однородна. В качестве сырья для каменного производства использовались речные гальки и валунчики липорид-порфировых и окремненных пород.

На примере коллекции Мастерова ключа (4–5 культурный компонент, раскопки 1990–1991 гг.) сделана попытка составления открытой классификации орудий. Предлагаемый нами алгоритм написания и анализа рассматриваемых орудий представляет собой оценку по следующим пунктам:

1. Морфотип орудия;
2. Тип заготовки;
3. Форма составляющих его конструктивных деталей;
4. Тип оформления конструктивных деталей изделия.

В качестве основных типов заготовки для орудий служили в основном отщепы, однако наряду с этим имеется группа орудий, выполненных на фрагментах призматических пластин (ножи с обушком). Процент серийности в орудийном наборе невысок, возможно, в связи с немногочисленностью коллекции.

Наиболее представительна группа обушковых орудий, которая включает в себя обушковые ножи и фрагменты ножевидных пластин. Ножи с обушком (11 экз.) max 5,8x3,59x1,8; min 2,05x1,3x0,4 (здесь и далее размеры в см). В качестве заготовки использовались фрагменты пластин (7 экз.) и пластинчатые сколы. К ножам с обушком отнесены сколы с резко выраженным асимметричным поперечным сечением и резко выраженными различиями в углах заострения параллельных краев, из которых хотя бы один оформлен ретушью или несет на себе явные следы утилизации. Следы повреждений от утилизации – мелкие, чешуйчатые, расположены узкой полоской вдоль рабочего края, чаще с вентральной стороны. Обушки отмечаются оформленные одним или несколькими сколами, реже естественные обушки-границы.

Пластины (14 экз., включая фрагменты). Типичными для данной коллекции являются мелкие пластинчатые сколы с линейной ударной площадкой и асимметричной огранкой спинки max 7x2,3x0,63; min 3,5x0,4x0,3. К данному типу также отнесены проксимальные, медиальные и дистальные фрагменты пластин.

Резцы (7 экз.) max 6,03x5,05x1,78; min 1,7x1,4x0,48. Выполнены на крупных сколах и, как исключение, на фрагментах пластин (2 экз.). Угловые резцы доминируют (5 экз.), но в единичных экземплярах встречены поперечный и срединный резцы. Среди угловых уместно выделить двойной резец на медиальном фрагменте призматической пластины. Ретушь отмечена на 3-х экземплярах, в одном из случаев она носит характер аккомодационной.

Скребки (3 экз.). Представляют относительно немногочисленную группу. Max 2,78x2,65x0,77; min 2,3x1,88x0,65. Они отличаются миниатюрными формами и выполнены на подпрямоугольных отщепах. Встреченные формы рабочего края: выпуклый, прямой и округлый.

Перфораторы (4 экз.) max 4,6x3,56x1,37; min 1,88x1,48x0,54 – изделия, выполненные на отщепах, имеющих шиповидный рабочий край – «жало». Жало оформлено дополнительно краевой противоположающей ретушью, или, в одном из случаев, анкошем.

Долотовидное орудие l 4,57 m 2,85 n 1,21, представлено единичным экземпляром.

Представляет интерес орудие, не вписывающееся в традиционные тип-листы. Оно выполнено на пластинчатом отщепе l 5,83 m 4,08 n 1,2, имеет оформленный крутой дорсальной ретушью рабочий край, имеющий вентральную фасиальную подтеску. Технологический прием такого рода в коллекциях средней поры верхнего палеолита для западного Забайкалья ранее не был отмечен.

Из перечисленного инвентаря мы наблюдаем примерно равное соотношение орудий, выполненных на фрагментах призматических пластин и отщепах. Поэтому, на наш взгляд, технокомплекс Мастерова ключа не вписывается в группу четко читаемых пластинчатых индустрий, а занимает своего рода «обособленное» положение. Среди типов, отнесенных к орудиям, большую часть составляют обушковые инструменты. По всей видимости, они и составляют маркирующий орудийный тип для данного объекта. Резцы переменны в исполнении, хотя угловые доминируют. Группа скребков неrepresentative, изделия отличаются миниатюрными формами. Концевые скребки на крупных пластинчатых основах отсутствуют. В орудийном наборе не встречено образцов, выполненных в технике микропризматического расщепления, так же как и крупнопластинчатых сколов с подпризматического нуклеуса. Представленный орудийный комплекс однороден и по своим морфологическим характеристикам принципиально не сопоставим с индустриями раннего и позднего этапов верхнего палеолита в Западном Забайкалье.

Библиографический список

1. Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: Кавказ и Северная Азия. Л., 1989. С. 145–244.
2. Базаров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. К XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). Новосибирск, 1982. 163 с.
3. Базарова Л.Д., Константинов М.В. Древние поселения как природно-исторические памятники // Природная среда и древний человек в позднем антропогенезе. Улан-Удэ, 1987. С. 104–105.
4. Кириллов И.И. Каменный век Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. 18 с.
5. Кириллов И.И. Восточное Забайкалье в древности: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.
6. Константинов М.В. Палеолит Хилка и Чикоя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. 39 с.
7. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии // К Всемирному интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ-Чита, 1994. 179 с.: ил.

8. Мещерин М.Н. Мастеров ключ – новое поселение на реке Хилок // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 76–78.

9. Мещерин М.Н. Характеристика индустрий позднекаргинского-раннесартанского времени западного Забайкалья (на материале поселения Мастеров Ключ) // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: Мат. междунар. конф. Владивосток, 1996. С. 184–186.

10. Окладников А.П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 5–25.

11. Окладников А.П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Вып. 1. С. 7–87.

12. Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980. 176 с.

13. Sosnowsky G. Die paleolithischen Stationen des nördlichen Asiens // Transactions of the II International conference of the association on the study of the Quaternary period in Europe / fascicle V. Leningrad; Moscow, 1935. P. 255–320.

Научный руководитель – М.Н. Мещерин

И.А. Никифорова, Л.В. Татаурова

Омский государственный университет, Омск;

филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН

**ПЛАНИГРАФИЯ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА
РУССКИХ СИБИРИ XVIII–XIX вв.
(по данным археологии и этнографии)**

Жилищно-хозяйственный комплекс является одним из наиболее существенных элементов материальной культуры. Он служит удовлетворению самых необходимых потребностей человека, занимает важнейшее место в системе культуры любой этнической общности. Основа его складывается из жилых и хозяйственных помещений, выполняющих различного рода функции: жилые, хозяйственно-бытовые, эмоционально-эстетические, религиозно-обрядовые и символические. С одной стороны, жилищно-хозяйственный комплекс способствует сохранению древних традиций, порой восходящих к ранним эпохам; и в то же время в нем происходят постоянные изменения, обновления, которые, в свою очередь, при условии длительного существования постепенно становятся традиционными.

При изучении планиграфии жилищно-хозяйственного комплекса русских Сибири XVIII–XIX вв. необходимо учитывать ряд существенных моментов. Во-первых, знания о его планировке на территории Европейской России, откуда он был принесен в Сибирь; во-вторых, тот опыт который был накоплен русскими в Сибири; в-третьих, те изменения, которые появлялись в связи с постоянным контактом с европейской частью России, откуда шел приток новоселов, обеспечивающих поступление информации о новых достижениях строительного искусства.

В методическом плане исследование планиграфии жилищно-хозяйственного комплекса должно быть комплексным и использовать в равной мере различные виды источников, прежде всего этнографические и археологические. Этнография без данных археологии не сможет полностью воссоздать жилищно-хозяйственный комплекс. Основными ее методами исследования являются непосредственное наблюдение и интервьюирование. Проводимые в полевых условиях беседы с местными жителями позволяют восстановить старую планировку дома, если дом был перестроен, и планировку усадьбы, если она была изменена. Однако этот материал углублен в прошлое не более чем на 50–60 лет, так как ограничен памятью одного-двух поколений. Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что полевые этнографические исследования должны дополняться и корректироваться рядом других источников, в частности, данными археологии, которые позволяют обратиться к истокам русского домостроительства в Сибири.

По мнению исследователей, культура старожилов Сибири основывается на северорусских традициях и здесь были представлены все основные типы планиграфии усадьбы:

- замкнутая – постройки располагались последовательно по периметру участка, как бы замыкая собой его площадь;
- слитная – крытый хозяйственный двор примыкал к дому;
- свободная – постройки были разбросаны на открытом дворе.

Преобладала замкнутая планировка с открытым двором, который могли временно перекрывать в холодное время года. Кроме жилища, в усадьбу входили погреб, амбар, овин и другие хозяйственные постройки.

Обилие леса, развитие животноводства стимулировали строительство больших хозяйственных комплексов с многочисленными постройками. В Тобольской, Томской, Томской, Енисейской губерниях южной части Иркутской губернии, в Забайкалье и Якутии были распространены замкнутые дворы, обнесенные высоким срубным или столбовым забором и

обставленные по периметру хозяйственными постройками. Последние часто строили из хорошего леса по обе стороны дома, защищая его от ветра и непогоды.

Характерной чертой было деление двора на две части: передняя «чистая» – или ограда (от избы к улице), и задняя – скотный двор или пригон (Маковецкий И.В., 1962, с. 2).

В зависимости от расположения ограды и пригона относительно дома и улицы исследователи выделяют несколько подтипов и вариантов замкнутого двора (Липинская В.А., 1975, с. 36). В строительной практике лесостепных и степных районов Сибири совмещались русские традиции различных физико-географических и этнических зон европейской части России. Поскольку на юге Сибири наряду с русскими старожилами проживали и более поздние российские переселенцы, выходцы из южных и среднерусских регионов, со второй половины XIX в. усиливается южнорусское и украинское влияние. В селеньях старожилов таежной зоны Сибири господствовало жилище северорусского типа. У переселенцев распространялись постройки, характерные для степных регионов России. Их дома были меньше и ниже, стены возводили из мелкого неровного леса, плетня, глино-соломенной смеси, их обмазывали глиной и белили. Двор делали чаще всего замкнутым или со свободным расположением построек.

Русское население, освоившее в XVII в. районы Сибири, приспособившись к суровому климату, частично заимствовало строительные навыки аборигенных народов. В целях сохранения тепла избы строили низкими, иногда углубленными в землю, стены рубили из бревен, бывало, что для этих целей использовали плавник.

С развитием хозяйственной жизни русских в Сибири увеличилось количество хозяйственных построек на усадьбах, и сами постройки становились многообразнее. Так, амбары для зерна строили не только одно-, но и двухэтажные. Погреб – со срубом, углубленным в землю; сверху его накрывали накатником и землей, оставляя для входа квадратное отверстие, закрывавшееся крышкой. Над погребом возводили сруб, по виду похожий на небольшой амбар.

Центральное место в жилищно-хозяйственном комплексе занимает жилой дом. Он являлся сравнительно устойчивым компонентом материальной культуры и использовался в бытовой жизни нескольких поколений людей.

Конструктивные черты сибирского жилища аналогичны сложившимся на основной территории расселения русских и генетически с ними связаны. Даже беглое знакомство с типами жилища, дает возможность выявить некоторые общие характеристики и закономерности их развития. Предпосылками этого являются, во-первых, заселение Сибири русскими из районов европейской части России и, в первую очередь из северо-западных районов, откуда и были привнесены различные типы жилища и основные строительные навыки; во-вторых, природно-климатические условия этих регионов во многом схожи; также можно говорить и о некоторых аналогиях и параллелях в социальной и хозяйственной ситуациях.

По виду архитектурно-пространственной организации можно выделить следующие виды жилищ.

Изба – однокамерное жилище размером 5х5 м, бытовала в Сибири постоянно. Она служила жильем беднейших слоев населения (Липинская В.А., Сафьянов А.В., 1974, с. 195).

Более распространенной была шестистенная постройка – «связь»:

ИЗБА	СЕНИ	ГОРНИЦА
------	------	---------

В ней сени соединяли два сруба: две избы или теплую избу (с печью) и холодную (без печи). Такие дома достигали в длину 11–13 м. Первое помещение чаще всего называлось избой, в нем жила вся семья: спали, готовили пищу, а зимой работали – пряли и чинили сети. Иногда изба была «черной», т.е. топилась «по-черному» без тяги. Печь здесь делали «битую» –

глинобитную (Громыко М.М., 1975, с. 232). Второе помещение называлось горницей (или избой), в праздники здесь принимали гостей, а летом отдыхали сами в прохладе. Печь в горнице – кирпичная, топилась «по-белому» с дымоходом.

Строили также «пятистенки» – сруб, разделенный на две части стеной (этот тип жилища преобладал):

ИЗБА	ГОРНИЦА
------	---------

У зажиточной части сельской верхушки появляются крестовые дома, так называемые крестовики. Крестовик (10x10 м) разделялся двумя пересекающимися стенами на четыре помещения.

Показательно влияние природно-климатических условий на распространение жилища определенного типа. Исследователи наиболее значимым фактором называют этнические традиции, и это верно, но лишь для начального этапа заселения, когда местные условия еще недостаточно известны строителям, которые строили так, как привыкли и умели. В дальнейшем проследить этнические различия достаточно сложно, так как деревянные постройки XVI–XVII вв. не могли дойти до нас в первоначальном виде, и изучить их можно лишь с помощью археологических раскопок. Кроме того, есть примеры изменения традиции при адаптации к местным условиям жизни, когда в конце XIX – начале XX вв. украинские переселенцы после попытки перезимовать в своих мазанках убедились в их непригодности к сибирским условиям и стали ставить рубленые избы «на сибирский манер» (Русские, 1999, с. 345–347).

При анализе внутренней планировки и традиций использования жилого пространства дома можно выделить несколько типов жилищ. Основной частью жилища была изба, где проходила домашняя жизнь крестьянской семьи. В XVIII – первой половине XIX в. она не имела внутренних перегородок. С давних пор установились строгие традиции использования ее внутреннего пространства, которые при наличии общих черт, имели особенности в различных областях проживания русских. Каждый угол, каждое место имели свое определенное значение, помогая более рационально использовать сравнительно небольшую площадь избы. Мебель изготовлялась одновременно с постройкой дома и большей частью плотно крепилась к стенам.

Примерно четвертую-пятую часть избы занимала русская печь. Такие большие размеры печи были обусловлены той важной ролью, которую она играла в жизни крестьянской семьи: в печи готовили пищу, корм скоту, пекли хлеб, печью обогревали помещение, на ней спали, сушили одежду, в подпечке зимой содержали кур.

Русская печь являлась характерной особенностью жилища всех восточных славян. Вплоть до середины, а в иных районах и до конца XIX в., так же как и в предыдущие столетия, преобладали глинобитные печи, топившиеся «по-черному», т.е. печь не имела вытяжной трубы для выхода дыма, который выпускался через дверь или специальное отверстие в стене. Замена курных печей «белыми» с трубой, выведенной через потолок на чердак и улицу, происходила неравномерно в отдельных районах и зависела от ряда причин. В Сибири уже в конце XVIII – начале XIX в. черные печи активно заменялись белыми.

По диагонали от печи располагался передний угол (большой, святой, красный). Подобное соотношение печи и переднего угла – одна из характерных черт жилища русских. В переднем углу стоял обеденный стол, над столом располагалась божница с полками для икон. Кроме того, иконы могли висеть и на прилегающих к переднему углу стенах. Передний угол считался самым почетным в избе. Под образами всегда сидели старейшие мужчины семьи, а также почетные гости в праздники, во время свадьбы – новобрачные. По стенам, примыкающим к переднему углу избы, располагались плотно прикрепленные к ним лавки.

Параллельно лавкам, выше окон, делались полки – на них складывали шапки, кушаки, нитки, пряжу, приспособления для выделки лаптей, ножи, ножницы и другие предметы домашнего обихода.

В зависимости от расположения печи и переднего угла, а также от направления устья печи в русском жилище выделяются четыре типа внутренней планировки избы: северно-среднерусский, западнорусский, восточный южнорусский и западный южнорусский (Чижилова Н.Л., 1999, с. 211–229).

Северно-среднерусский план избы. Русская печь расположена направо или налево от входа в одном из задних углов избы, устьем повернута к передней стене избы. В передней части избы по диагонали от печи – красный угол.

Пространство от устья печи до боковой стены (куть) служило женской половиной. Здесь происходило приготовление пищи и находились все принадлежности для стряпни. Оно иногда отделялось от остального помещения занавесом. В задней части избы от боковой стены укрепляли под потолком деревянный настил – полати, а сбоку печи пристраивали из досок ящик, в виде шкафа с дверцами (голбец, каржина), откуда лестница вела в подполье. От входной двери до боковой стены нередко шла лавка. В большинстве изб в XIX в. не было специальных кроватей, а члены всей семьи спали на полатах, лавках, печи, голбце или просто на полу.

Западнорусский тип планировки усадьбы. Положение печи в этих избах было таким же, как описано выше, но устье ее было направлено к длинной боковой стене, т.е. находилось около входной двери. Направление устья меняло назначение и других частей дома. Передний угол в данном плане находился так же, как в предыдущем, в передней части избы, но угол, где происходило приготовление пищи, перемещался к двери. За боковой стеной печи, до передней торцевой стены, устраивался деревянный настил для сна (примост). Над примостом делали полати.

Иное положение печи и переднего угла было в южной Центрально-черноземной полосе России, где жилая постройка ставилась к улице длинной стороной. Русская печь располагалась в дальнем углу от входа. По диагонали от печи, т.е. между дверью и передней длинной стеной, выходящей на улицу, был расположен передний угол. В зависимости от того, куда было повернуто устье печи, выделяются восточный и западный южнорусский план избы. При восточном южнорусском плане устье печи повернуто к входной двери. В жилище с западным южнорусским планом устье печи направлено к длинной стене дома, выходящей на улицу.

В конце XIX – начале XX в. с развитием в деревне товарно-денежных отношений и городского влияния, постепенно изменяется как планировка крестьянского жилища, так и обстановка избы. Особенно заметно это становится в промышленных районах. Единое прежде жилое помещение стали разгораживать занавесками и перегородками, отодвигать печь от стен и изменять ее традиционное положение.

В разных районах расселения русских имелись свои особенности в строительном материале возводимых построек, их высоте, покрытии кровли, архитектурном оформлении фасада, составе и планировке жилых помещений, формах застройки двора. Многие локальные особенности жилища сложились еще ранее и отражают культурные особенности различных групп переселенцев.

В северных районах России – в Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской, северных уездах Новгородской, Ярославской губерний возводили большие срубные постройки. Двор чаще всего делали крытый, со многими хозяйственными постройками.

Сравнительно меньше по своим размерам строилось крестьянское жилище в Верхнем и Среднем Поволжье, в Московской губернии, в южной части Новгородской губернии, в северных уездах Рязанской. Во дворе строили срубы для зимнего содержания скота и разделяли часть его на стойла для летнего содержания скота.

Для юга России характерен открытый тип двора. В его состав входила значительная площадь, не занятая постройками, не покрытая крышей. Дворовые постройки были расположены за домом, они обычно шли по периметру двора и составляли замкнутое, открытое в центре пространство. Количество построек, а также в известной мере и планировка двора зависели от степени зажиточности семьи. Так, те семьи, которые были побогаче, сараи ставили кругом двора, менее состоятельные застраивали только одну или две стороны усадьбы.

Баня как отдельная постройка, типичная для северных и среднерусских губерний России, не характерна для южных черноземных губерний. Здесь мылись дома в корыте, ушате, летом – на речке.

Таким образом, по данным этнографии можно сделать вывод о том, что русскому населению Сибири с XVII в. были известны различные планировочные структуры жилища и усадьбы. Начав строительство с наиболее универсальной ее основы – избы, русские сибиряки довольно быстро сумели развить уже имевшиеся традиции, создав многокомнатные дома.

Необходимо отметить, что для анализа закономерностей развития жилища в историческом контексте и выявления факторов, влияющих на этот процесс, Сибирь имеет особое значение, поскольку позволяют выявить общие и различные черты крестьянского жилища, проявляющиеся при переносе определенных этнокультурных традиций на новую почву. Разнообразные природные условия, различные этнические традиции переселявшихся в течение столетий различных групп восточнославянского населения, многообразие культуры сибирских народов, с которыми вступали во взаимодействие новые поселенцы, различные способы ведения хозяйства, состав семьи и другие факторы влияли на возникновение и распространение различных типов жилища и планировки усадьбы. Изучение этнических традиций домостроения и всех факторов, влиявших и изменявших эти традиции, – очень важная, хотя кропотливая и трудная работа. Первостепенное значение, особенно для исследования ранних этапов развития жилища и усадьбы в Сибири, имеют археологические материалы, позволяющие вникнуть в детали этих процессов.

К сожалению, пока эволюцию жилищно-хозяйственного комплекса по данным археологии проследить сложно, потому что поселений раскопано мало, немногим больше изучены остроги и города. Планомерные работы в этом направлении у нас в Омской области ведутся с 1996 г. Частично исследовано два поселения: Бергамак-I (Бергамакское селище), располагается на северной окраине села Бергамак, на левом берегу р. Тары и Изюк-I, которое находится в Большереченском районе (Татауров С.Ф., 1998).

Более показательны материалы поселения Изюк-I, здесь почти полностью исследована усадьба XVIII в. (Татаурова Л.В., 1999, 2000). Ориентирована по линии СВ-ЮЗ и спланирована таким образом, что все постройки, жилые и хозяйственные, оконтуривают площадку размером 10х6,4 м, являющуюся внутренним двором (рис. 1).

Изба построена из толстых, 30–40 см, бревен (сохранились два венца), внутреннее пространство 34,22 кв.м (5,8х5,9 м). Оклад (нижний венец) изготовлен из лиственницы. Углы с выпусками, пазы рублены в «чашу». Несмотря на «классическую» для русских ориентацию жилища, внутреннее пространство ей не было подчинено. Печь, от которой сохранился мощный провал аморфной формы, располагалась в восточном углу, с ЮЗ ее стороны, вероятно, был голбец, а под ним подпол, углубленный в материк на 70 см, площадью около 2 кв. м (1,1х1,45), стены его сделаны из горбыля и тонких бревен. В связи с таким расположением печи «красный угол» был в западной части дома, а окна выходили на ЮЗ сторону, с видом на Иртыш и речку Бузайку, на берегу которой стоял дом. Вся остальная усадьба находилась к СВ от избы.

С СВ к жилищу примыкала холодная клеть, но из-за плохой сохранности трудно сказать что-либо определенное о технологии ее постройки. Единственно, можно предположить, что она имела лишь две «свои собственные» стены, СЗ и ЮВ, а СВ и ЮЗ были стенами жилища и напосредности, которая примыкала с СВ к сеням. На это указывает единственное

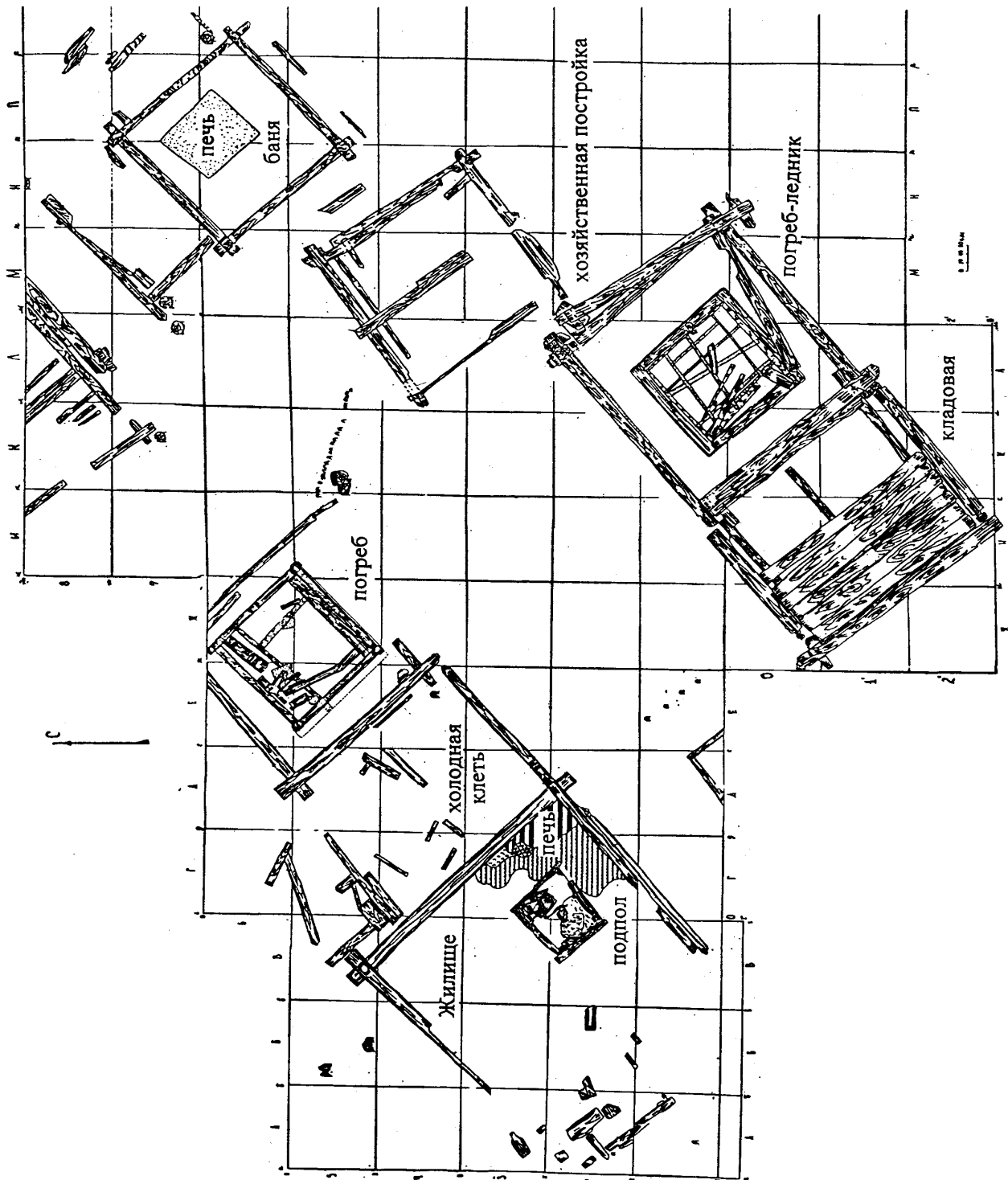

Рис. 1. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Изюк-1

сохранившееся бревно ЮВ стены сеней, оно шло встык выпуску ЮВ стены жилища и имело ту же ориентацию, что и жилище.

Напогребница сохранилась в виде сруба из двух венцов, углы рублены в «чашу», диаметр бревен 20–28 см, она ограничивала внутреннее пространство 3,8х3,9 м, площадью 14,82 кв. м. В ней был устроен погреб – деревянный сруб из 12 венцов, впущенный в яму. Общие его размеры по верхнему венцу составили 2,71х2,78 м.

Сруб погреба состоял из двух частей: верхняя – в 7 венцов и нижняя – в 5 венцов, у них общие юго-западная и юго-восточная стены. СВ и СЗ стены в нижней части короче, чем в верхней, и отстоят от нее у северо-восточной стены на 50 см с южного конца и на 58 см – с северного. От северо-западной стены – 62 см с западной стороны и 54 см с восточной. Пространство между стенами засыпано землей, и все это образует полки у северо-восточной и северо-западной стен сруба, т.е. сначала делали сруб из одинаково длинных бревен на глубину около 1 м, потом его уменьшали с двух сторон, получив таким образом полки и нижнее пространство меньших размеров. Можно сказать, что получалось как бы два сруба, впущенные друг в друга, с двумя общими стенами, которые в нижнем срубе были короче. Ко дну сруб расширялся, и его форма в разрезе была в виде усеченной пирамиды. Углы – без наружных выпусков, пазы рублены округло, с края бревна. Бревна сруба не толстые, в среднем, диаметром 15–20 см, в его северном углу, на полку, установлена лестница – бревно с вырубленными ступеньками. Дно погреба застлано плахами, ширина их от 15 до 28 см, толщина – 8–10 см. Они уложены на половинку бревна с западной стороны и на бревно – с восточной. В северной и южной части у двух нижних венцов СЗ и ЮВ стен сруба сделаны пазы, куда, вероятно, входила вертикальная плаха. Таким образом, получалось что-то вроде ясель. Общая глубина погреба от верхнего венца до пола составила 1,46 м. Интересно отметить, что пространство между стенками ямы и срубом погреба, а также под полом было заполнено строительным мусором – корой, стружкой, щепой, из чего можно предположить, что строительный материал для сооружения готовили на месте строительства.

Параллельно описанным объектам с ЮЗ стороны внутреннего двора располагался еще один погреб. Он иного назначения и конструкции. Это погреб-ледник. Сверху его также накрывала напогребница, построенная из бревен диаметром 24–30 см, углы рублены в «чашу» с выпусками. Она ограничивала внутреннее пространство площадью 18,5 кв. м (4,4х4,2 м). Под нижние бревна СВ и СЗ стен положены «лежаки» в виде коротких бревен, а под северный торец СЗ стены установлен «стул» – бревно высотой 30 см, диаметром 16 см.

Особенностью внутреннего сруба, размером 2,8х2,66 м, были стены, сложенные из двух рядов бревен, т.е. два сруба, впущенные один в другой. Диаметр бревен – в среднем 10–15 см. Двойные стены шли с третьего венца, а верхние два венца состояли из одного ряда бревен. Торцы с короткими выпусками, но чаще без них, и округлыми пазами. Бревна стен уложены встык друг к другу, либо с небольшим промежутком в 5–7 см, засыпанным грунтом. Сруб состоял из 12 венцов. Интересно отметить, что опалубка ямы погреба начиналась не от уровня пола напогребницы (ее нижнего венца), а на 55 см ниже. Это, вероятно, было связано с тем, что на верхнем венце опалубки лежала кровля. Об этом свидетельствуют довольно глубокие пазы, сделанные в верхних бревнах СВ и ЮЗ стен, куда была вставлена опора для перекрытия. Затем перекрытие было засыпано землей до уровня пола напогребницы, в данном случае – это выкид из ямы погреба, что хорошо читается по стратиграфии. К сожалению, кровля не сохранилась, вероятно, была ранее разобрана, и предложенное описание – реконструкция. Засыпка крыши грунтом была необходима для теплоизоляции. При общей глубине ледника в 2,35 м, глубина погреба под кровлей была приблизительно 1,7–1,8 м.

Лестница, бревно со ступеньками, располагалась в ЮЗ углу, а пол состоял из двух ярусов: нижний – перекрестно положенные жерди диаметром 7–8 см, на которых лежали тонкие, толщиной 3 см, доски.

Весьма интересно хозяйственное помещение, вероятно кладовая, примыкающая к юго-западной стене погреба-ледника. Располагалась она между напосребницею и еще одной постройкой таким образом, что капитальные стены надпосребницы и постройки являлись стенами и этой кладовой, а две другие набраны в технике «задирки» или «набирки» – бревна, впущенные в пазы вертикально поставленных столбов. Диаметр бревен – 30–32 см, столбы – подчетыреугольной формы размером 15x18 см, вертикальный паз – шириной и глубиной в 10 см.

Внутреннее пространство кладовой составляло 17,7 кв. м (4,65x3,80 м). Кладовая была застлана полом из широких, от 28 до 36 см, плах толщиной 5–6 см, уложенных на три лаги – бревна диаметром 16–20 см. Половицы лежали вплотную друг к другу и ничем не были укреплены.

С северо-востока внутренний двор усадьбы ограничивали два объекта – хозяйственная постройка неясного назначения и баня.

Хозяйственная постройка представлена остатками сруба из двух венцов, ограничивающего внутреннее пространство площадью 12,6 кв.м (3,8x3,3 м). Диаметр бревен 20–25 см, углы рублены с выпуском и пазами в «чашку». С СЗ на ЮВ, почти пополам, помещение было разделено повдоль бревном, выходящим за пределы сруба, возможно, это лага под половицы, но из-за плохой сохранности дерева трудно что-либо утверждать. Под СВ стеной лежали фрагменты бересты, наиболее сохранившийся имел размеры 51 на 32 см. Эта постройка отделялась от «чистой» части двора частоколом.

Баня располагалась к СВ от описанной постройки – это остатки сруба в один венец, с внутренним пространством в 10,5 кв. м (3,2x3,26 м). Бревна диаметром 18–25 см, углы с выпусками, пазы рублены в «чашу». Ориентирована, как и все постройки, СВ-ЮЗ, вход был не во внутренний двор, а на улицу. Об этом свидетельствует бревно СВ стены, обожженное почти в центре на 1,58 м, в середине обожженного участка – паз, вероятно, от косяка двери, длиной 94 см, шириной 17 см, глубиной 5 см. На такое расположение двери указывает и мощный зольник, занимающий почти всю северо-восточную часть раскопа. Остатки печи в виде подпрямоугольного пятна глины с мелкими фрагментами кирпича размером 1,62x1,44 м, мощностью 20 см были в 70 см от порога, почти напротив входа, ближе к северному углу.

Описанный на поселении Изюк-1 комплекс объектов представляет усадьбу замкнутого типа прямоугольной формы с хозяйственными постройками, располагавшимися по периметру двора. Это наиболее распространенный тип усадьбы у русских Сибири. Не исключено, что двор был крытый, на это указывают этнографические материалы, собранные в современных близлежащих деревнях, в том числе и в Евгачино, где живут потомки жителей, основавших Изюк.

На поселении Бергамак-1 от усадьбы сохранилось лишь несколько сооружений – это хозяйственная постройка, погреб и баня, все они ориентированы СЗ-ЮВ. Большая часть памятника разрушена, и судить о планиграфии памятника трудно. Хозяйственная постройка сильно пострадала от пожара, от нее осталось два венца от СЗ, СВ и ЮВ стен. Они ограничивали площадь около 16,5 кв. м (4,72x3,5), диаметр бревен – 18,26 см.

Погреб располагался к ЮЗ от постройки. Ориентирован СЗ-ЮВ. Представляет из себя, опущенный на глубину 80 см от поверхности материка четырехугольный сруб. Стены его сделаны из расколотых на половинки бревен-горбыля шириной 12–16 см. Горбыль установлен так, что округлая часть оказалась снаружи, ровная – внутри. СВ стена состоит из семи венцов, СЗ, ЮЗ, ЮВ – из пяти. Примерно с третьего венца СВ и ЮЗ стены короче, так как у юго-восточной стены сделана полка по конструкции аналогичная описанной на Изюке. Сруб ограничивал пространство 5,02 кв. м (2,46x2,4). В северном углу стояла наклонно лестница – бревно диаметром 32 см, высотой 64 см, на котором вырублены ступеньки.

Судя по поперечной плахе, идущей от столба за границей ямы у ЮЗ стены, над погребом могла быть крыша.

Баня представляла сруб из трех венцов, с СВ, со стороны реки, был вход, от него сохранился паз под косяк двери и крыльцо. Внутреннее пространство – 8,5 кв. м (2,96x2,86). Срублена из круглых, без продольных пазов, бревен диаметром 16–25 см. Углы с выпусками, пазы рублены «в чашу». Под стены положены «лежаки»: под ЮЗ и ЮВ по два, под СЗ – три. ЮВ половина бани застлана полом из шести половиц, длиной 2,84 м и шириной 10–25 см. Они изготовлены из расколотых надвое бревен, нижняя поверхность – округлая. Для того чтобы половицы были устойчивы и плотно лежали на матичных бревнах, на округлой стороне сделаны пазы. С СВ стороны встык к половицам располагалось «серединное» бревно (диаметром 18 см), разделяющее постройку на две половины. Пространство за бревном, у СВ стены, занято развалом печи в виде кучи глины в смеси с битым кирпичом, размеры 2,48x1,2 м. С ЮЗ стороны печь ограничена вертикально стоящим брусом. В разрезе развал печи представлен довольно мощным слоем (40 см) желтой глины, прокаленный ниже под подом печи. Судя по разрезу, печь была невысокой, примерно 60 см.

Проследить планиграфию на этом поселении трудно, так как памятник значительно разрушен р. Тарой. Возможно, здесь был замкнутый тип планировки усадьбы, но утверждать этого нельзя. Можно предположить, что раскопан хозяйственный комплекс, а жилище располагалось к СВ от этих объектов, на берегу реки, часть которого на настоящий момент утрачена. От «чистой» половины остальной двор был отделен частоколом.

Среди общих наблюдений интересен тот факт, что при строительстве различных по назначению помещений на обоих памятниках использовались различные приемы: постройка «простых» срубов (жилище, хозяйственные постройки, бани); создание нового помещения между двумя существующими путем встраивания между ними стен (сени, кладовая), которое выполнялось двумя способами: встык имеющимся стенам и методом «набирки», «забирки», на Бергамаке этот прием использован при возведении заплотов (Татаурова Л.В., Яковлева О.А., 1996, с. 76–77; Татаурова Л.В., 1997, с. 357–358; Татаурова Л.В., 2000, с. 80–82); двойные срубы делали для ограничения пространства с разной площадью (погреб) и улучшения теплоизоляции (ледник).

Проводимые исследования доказывают необходимость и важность изучения памятников первых русских поселенцев в Сибири, наглядно демонстрируют своеобразие русской культуры, которая под влиянием природно-географических условий и взаимоотношений с аборигенным населением приобрела новые черты.

Библиографический список

1. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XX в.). Новосибирск, 1975. 351 с.
2. Лебедев А.А. Массовые типы архивных источников для изучения материального быта русских крестьян Сибири (к. XVIII – н. XIX вв.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1974. 296 с.
3. Липинская В.А., Сафьянов А.В. Жилище русского населения южной части Тюменской области // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири / Отв. ред. В.А. Александров. М., 1974. С. 76–77.
4. Липинская В.И. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // СЭ. 1975. №5.
5. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962.
6. Татауров С.Ф. Отчет об археологических работах в Муромцевском районе Омской области в 1998 году. Раскопки поселения Бергамак (Архив музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. 2. Д. 142-1).

7. Татаурова Л.В. Исследования Бергамакского острога // Археологические открытия. М., 1997. С. 357–358.
8. Татаурова Л.В. Отчет о раскопках русского поселения XVIII в. в Большереченском районе Омской области в 1999 г. (Архив музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. 2. Д. 150).
9. Татаурова Л.В. Отчет о раскопках русского поселения XVIII в. в Большереченском районе Омской области в 2000 году (Архив музея археологии и этнографии ОмГУ. Ф. 2. Д. 157-1).
10. Татаурова Л.В. Планиграфия усадьбы и приемы домостроительства русских Среднего Прииртышья в XVIII–XIX вв. // Пространство и культуры в измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 80–82.
11. Татаурова Л.В., Яковлева О.А. Поселение Бергамак I // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 1996. Ч. II. С. 76–77.
12. Русские. М., 1999. 828 с.
13. Чижикова Л.В. Сельские поселения в XVIII – начала XX в. // Русские. М., 1999.

Б.Б. Пушкарев

Барнаульский государственный педагогический университет, Барнаул

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

В начале XX в. на территории Алтайского края сложился пестрый в этнографическом плане состав населения. «Под этнографическими группами принято понимать те локальные («внутренние») подразделения этноса (народа), у которых существовали отдельные специфические элементы культуры (Бромлей Ю.В., 1973, с. 32). В зависимости от времени переселения на территории Алтайского края выделяются две большие этнографические группы, каждая из которых имела своеобразные культурные черты: «старожилы» и «переселенцы». Эти группы в свою очередь состояли из самостоятельных групп с различными культурными отличиями. У исследователей существует разное определение групп старожилов и переселенцев для сибирских регионов. В значительной степени это связано с длительным процессом освоения Сибири, разным временем заселения сибирских регионов и различиями в ведомственной политике по отношению к переселенцам (Кабинета, как собственника земель юга Западной Сибири и губернских учреждений Тобольской и Томской губерний). В частности, В.А. Липинская подходит к определению старожилов дифференцированно, выделяя территорию Алтая. По ее мнению, на территории Тобольской губернии к старожилам относились крестьяне, которые поселились в Сибири в XVII–XVIII вв., а к переселенцам тех, кто приехал на ее территорию в период XIX – начала XX в. Но для Алтая общесибирская градация не подходит, и В.А. Липинская, как и большинство региональных исследователей, определяет грань раздела крестьянства на старожилов и переселенцев 1865 г., т.е. годом издания закона «О водворении крестьян в Алтайский горный округ». Причиной этого являлось известное положение, запрещающее до 1865 г. переселения на Алтай и фактически действующее до 1885 г., т.е. времени создания арендно-оброчного хозяйства, сделавшее для Кабинета доходной статью раздачи земли новопоселенцам.

Вместе с тем в пестрой деревенской среде сложились свои представления о культурно отличающихся группах, которые мало учитывали административно-официальное деление, тем более научное, так как в народных определениях больше учитывался психологический, конфессиональный фактор, чем в научных. Кроме того, в данном вопросе трудно установить четкую границу между старожилами и переселенцами, ибо юридические факторы не всегда определяли реальное положение на местах, где большую роль играли культурные и социально-экономические признаки. Можно сказать, что в народном представлении интерпретация понятий «старожил» и «переселенец» больше приобретала социальную и культурную окраску. Вместе с тем следует отметить, что между научными и народными представлениями существует много точек соприкосновения, например, определение того, что «россейские» – переселенцы, «сибиряки» – старожилы.

Группы старожилов определялись как по конфессиональным признакам, так и местам выхода. В частности, по конфессиональным признакам старожилы делились на сибиряков и старообрядцев различных толков (на Алтае проживали преимущественно кержаки, поляки, австрийцы, поморы, беспоповцы), по местам выхода – на чалдонов и тоболяков. Обособленной в сословном плане группой старожилов были казаки. Если крестьянство относилось к сословию сельских обывателей, то казачество к военному сословию, имевшему гораздо больше привилегий и презрительно, в лучшем случае снисходительно, относившемуся к крестьянству, называя их «мужланами», хотя на Алтае они фактически превратились в XIX в. в землепользователей (Щеглова Т.К., 2001, с. 41). Переселенцы являлись более «пестрой»

в этнографическом плане группой. В их состав входили хохлы, мордва, чуваша и множество групп из средне-южнорусских губерний и Урала, среди которых преобладают курские, пермские, рязанские, вятские, орловские и воронежские.

В условиях тесного проживания происходило культурное взаимодействие разных этнографических групп, на основе которого сложился информационно-культурный пласт, частично дошедший до нашего времени в деревенской среде.

Одним из аспектов взаимодействия этнографических групп был психологический фактор, который включал несколько моментов: 1) психологическая установка, которая заключалась в определенной направленности восприятия; 2) формирование стереотипов, возникших под влиянием социально-экономических условий; 3) превращение значимых культурных отличий в знаковую форму и выразившихся в прозвищах, поговорках, стереотипных жизненных историях. В данном ракурсе, несмотря на его определенную узость, отражаются наиболее важные компоненты взаимодействия групп, проявляются различные культурно-бытовые и социально-экономические особенности, которые, по нашему мнению, занимали значительное место в истории села. Поэтому исследование данной темы позволит глубже и разносторонне познать историко-культурные процессы, происходившие в алтайской деревне в первой трети XX в.

Решение поставленной проблемы осложняется тем, что наряду с общими моментами, характерными для психологического аспекта взаимоотношений между этнографическими группами, присутствуют отдельные случаи, выпадающие из общей картины. Например, при общем стереотипе о кержаках как о жадных и скупых людях в народной памяти встречаются воспоминания об их помощи в трудные минуты или о щедром вознаграждении за работу. Это вызвано тем, что при взаимодействии представителей различных групп значение имела не только этнографическая принадлежность, но и личностные качества человека, главные из которых – трудолюбие, честность, порядочность.

При исследовании данной темы возник ряд проблем. Одна из них связана с научной достоверностью устного источника по заявленной теме в связи со степенью сохранности в современной сельской среде памяти об этнографических группах, которые проживали в доколхозный период. Существует значительное расхождение между сведениями, полученными во время полевых исследований и зафиксированных в устных воспоминаниях и найденными в архивных письменных источниках. Например, информаторы сел Ермачиха, Корчино, Островное Гоношиха наиболее часто упоминают группы старообрядцев, сибиряков, рязанских, мордвы и вятских, что не совсем адекватно реальной картине этнографического состава населения сел, зафиксированной переписью 1917 г., так как по ее данным значительную часть составляли пермяки (переселенцы из Пермской губернии) и курские (переселенцы из Курской губернии). Например, в селе Островное Мамонтовского района пермяки составляли около 43% от всего населения, в с. Ермачиха переселенцы из Курской губернии – 31%, но о них респонденты не упоминают. В отношении группы «пермяков» это связано видимо с тем, что они являлись уже жителями Сибири в нескольких поколениях и, переселившись на Алтай, по внешним культурным признакам не отличались от группы алтайских «сибиряков» (сами сибиряки их не выделяли).

В связи с этим можно выделить особенность восприятия и определения групп старожилов и переселенцев – в среде вновь прибывших переселенцев уже все живущие в населенном пункте крестьяне считались старожилами (сибиряками), независимо от того, являлись ли они первопоселенцами территории Верхнего Приобья. Более того, переселенцы на Алтай второй волны (с 1897 г.) считали старожилами переселенцев первой волны (с 1883–1885 гг.). Также воспринимали и переселенцы третьей волны, «стольпинские переселенцы», и, наконец, четвертой волны – 20-е гг. (период свободного землепользования).

Подобное же расхождение возникло в оценке социально-экономического статуса представителей этнографических групп. Существует значительное преувеличение экономичес-

кого состояния старожилов, которое даже возводится безосновательно в легендарную форму, при относительном «выпячивании» бедности переселенцев.

Психологическая установка проявлялась в основном в неприятии старожилами, а в особенности кержаками, переселявшихся крестьян из европейской части России. С их позиции они являлись как бы представителями другого мира под общим названием «расейские», претендующими на их собственность и нарушающими их спокойствие. У старообрядцев такая установка дополнялась религиозной нетерпимостью, основанной на обиде за притеснения после реформ Никона. «Мирские взяли над нашими старообрядцами большую волю. Они издевались над нами по-страшному, детей жгли на кострах» (Е.А. Веретельникова, 1918 г.р., с. Корчино). Первопричиной такой установки было то, что никониан считали отступниками от истинной веры, променявших ее на более легкую. «Когда пронюхали в России, Украине, что в Сибири земли много и начали ехать, а старообрядцы этому противились, потому что у них вера другая» (Е.А. Веретельникова). На почве религиозной нетерпимости и нарушения неограниченных прав собственности возникали противоречия и различные трения, например, встречаются воспоминания о противодействии старообрядцев по поводу пользования лесами, лугами и покосами: «Если на покосе рвали ягоды – он (кержак) засечет бичом, и ничего ему не было, свои права у них были» (Е.А. Веретельникова). Подобным образом защищали свои экономические интересы казаки. В среде потомков переселенцев ходят рассказы о том, как казаки жестоко били плетью всех, кто косил сено или рвал ягоды на территории, которую они считали своей.

После вмешательства властей, старообрядцы, вынужденные принять переселенцев ставили свои условия для закрепления в селе. В среде пожилых крестьян Мамонтовского района записана легенда: «Если не успел за один день поставить дом и пустить дым, они приходили и разламывали все, а могли и выгнать из села». Однако в некоторых легендах сильные переселенцы дали кержакам отпор, после чего все начинали спокойно строиться и не бояться грозных соседей. Так формировалось психологическое противодействие кержакам, которое спланивало группы переселенцев и способствовало более быстрому размыванию границ их культурных различий между группами переселенцев. Кержаков переселенцы считали даже другим народом, нацией: «Был такой старинный народ – кержаки» (И.Т. Логвинов, 1918 г.р., с. Ермачиха). Последствием такой психологической установки являлась самоизоляция группы старообрядцев, что позволило ей долгое время сохранять в неприкосновенности свои культурные особенности.

В стереотипах, возникших на экономической почве, можно наблюдать следующую картину, в целом характерную для всех сел и этнографических групп. В отличие от других моментов, психологические отношения на экономической почве имели свои особенности, главная из которых заключалась в том, что сфера взаимодействия этнографических групп определялась в основном отношениями старожилов и переселенцев. Переселенцы, приехав на новое место, часто становились дешевой рабочей силой для старожилов. Отношения на экономической почве были сложными и неоднозначными и влияли на функционирование стереотипов, возникших на основе культурных и религиозных особенностей. При анализе интервью мы выявили, что респонденты проводят простую градацию – старожилы, по их сообщениям, являются в основном богатыми, а переселенцы – бедными, которых старожилы нанимают на работу. На этой основе складывались стереотипы о старожилах как о скупых и жадных. «Богатые в основном жили за речкой (сибирский край. – *Прим. автора*). Мужик там был богатый, жадный, скупой, кормил работников плохо, а сам босиком ходил, в плохой одежде» (П.Е. Мерлинов, 1922 г.р., с. Корчино). Но, помимо такого общего отношения, часто встречаются воспоминания о том, что старожилы помогали в случае надобности, при найме на работу рассчитывали вовремя и даже поощряли гостинцами детям за хорошую работу. Напротив, в группе старожилов по отношению к переселенцам возник стереотип «лапотни-

ков, бедняков». В селе Ермачиха Мамонтовского района существует легенда о том, как шедшего в лаптях по улице мужика догнали сибиряки и убили, так как считалось, что в лаптях переносится холера.

Согласно же материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 127–133), хозяйственное положение основной части старожилов не было таким, как его представляют респонденты, а состояние некоторых, можно оценить ниже среднего. Хозяйство же основной массы переселенцев к 1917 г. было определено не бедняцким, лишь небольшая часть являлась безлошадной и безземельной. Видимо, преувеличенное представление зажиточности старожилов и бедности переселенцев складывалось сразу после прибытия их на место поселения, когда они по сравнению со старожилами обладали минимумом имущества и инвентаря, и в силу ряда причин оно сохранялось длительное время.

Но в экономических отношениях большое значение приобретал личностный фактор, ибо благополучие зависело в сибирских условиях только от трудоспособности и хозяйственности человека. В этом случае в психологическом отношении на экономической почве большое значение приобретает личностная окраска, и поэтому в оценках респондентов иногда отсутствуют такие крайние стереотипы и проявляется более взвешенная позиция.

Психологические стереотипы культурно-бытового уровня отличаются большим разнообразием, но неодинаково затрагивают этнографические группы. Наиболее выраженные, нетипичные стереотипы наблюдались у группы старообрядцев по отношению к мордве. «Они (кержаки) считали себя чистотелыми, вроде как были лучше. Брезговали, не брали морденок в жены – родители не разрешали, оскорбляли, и мордва тоже хорошие были, только оскорбляли по-мордовски. Старались не прикасаться к скобе на двери, когда ее трогали мордовцы – привязывали к ней веревочку и за нее открывали» (Н.П. Усольцева, 1931 г.р., с. Новокрасилово). Такое отношение было вызвано не только этническим отличием группы мордвы, но и в значительной степени устойчивыми легендами о языческом мировоззрении этой группы.

Мы уже говорили, что на экономической почве сложился стереотип по отношению к старожилам как к жадным людям, но наряду с этим в формировании данного стереотипа приобретала большое значение такая культурная особенность группы старообрядцев, как запрет на пользование их посудой. В связи с этим они (старообрядцы) отказывали другим на просьбу дать напиток из колодца, за что в народном представлении в среде потомков переселенцев отождествляются со скупыми, жадными.

Представление о сибиряках и кержаках как о более чистоплотных людях возникло потому, что они часто мыли, скребли внутри избы. «Бабушка рассказывала, что пришел к сибирякам младший ее брат (рязанский) и ели там жирный борщ. А у рязанских принято хлебнуть и положить ложку, а сибиряки хлебнут, оближут и положат. Так вот и измазал гость скатерть» (А.Г. Гладышева, 1931 г.р., с. Ермачиха). О различиях в трудовых отношениях приводятся такие сведения: «У сибиряков девки были более трудолюбивые, а рязанские жалели своих. Сына рязанские хотели женить на сибирской, а свою дочь за сибиряка не хотели выдавать, так как много нужно было работать» (А.Г. Гладышева). Считалось, что сибиряки меньше в бога верят, чем рязанские.

Особенно досталось вятским, о которых складывались поговорки и смешные истории, говорящие об их глупости, например: вятские – люди хватские, семеро одного не боятся. «Рассказывала мама, как вятские жили – корову на баню тащили, чтобы она траву на крыше съела». «Вятские купили поросеночка и давай на шест чепить и приговаривают: чепись, чепись поросенушка, у курочки и то две лапки и чепится, а у тебя – четыре, ты чепись-то» (Н.Г. Стреляева, 1918 г.р., с. Покровка).

Зафиксированные сравнения, стереотипы охватывают не все этнографические группы, присутствующие в алтайской деревне в начале XX в. Наибольшее количество информа-

ции собрано о старожилах, рязанских, вятских, мордве. Согласно сельскохозяйственной переписи 1917 г. эти группы численно составляли не самую большую часть сельского населения. Например, в с. Ермачиха переселенцы из Рязани составляли примерно 10% от численности всего села, а старожилы – 8, в то время как курские – 31% (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 387–388), хотя о них никто не вспоминает. В с. Покровка вятские, о которых там сохранились поговорки, также составляли по переписи незначительную часть. Численность мордвы в Барнаульском уезде составляла 1,2% от всего населения, чувашей проживало в Алтайском округе около 2 тыс. чел. (Бюллетени Алтгубстатбюро №5 10 апреля 1921 г.).

Отсюда можно сделать вывод, что стереотипы культурно-бытового уровня возникали не по отношению к преобладающим этнографическим группам, а к наиболее выделяющимся в культурном плане и имеющим наибольшие отличия.

Архивные документы, показывают, что психологический аспект отношений этнографических групп охватывал одновременно различные стороны взаимодействия этих групп. Так, в письме в Главное управление Алтайского округа по земельной части переселенцы, образовавшие в 1894 г. д. Оселки Бачатской волости, просят дать распоряжение о выдворении чуваш с их деревни, так как они «беспощадно истребляют наши сенокосные участки... и нет возможности принять их, имея в виду еще и то, что к нам уже едут родственники для водворения вместе с нами» (ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2223. Л. 103–103 об.). Также в числе причин указывается, что большинство чувашей «некрещеные, питаются всякой падалью, народ крайне грязный и неопрятный и с появлением их на нашем участке начал пропадать скот» (там же). В данном случае причиной неприязненных отношений был целый комплекс факторов экономического и культурного характера. Это показывает, насколько неразрывны были различные компоненты психологического отношения в жизни этнографических групп в пределах одного села.

Таким образом, использование архивных данных в совокупности с устными источниками позволяет точнее и глубже познать механизмы складывания и функционирования психологических стереотипов.

Часть этнографов проводила свои исследования только на основании архивных данных (XVIII–XIX вв. – Н.А. Миненко, М.М. Громыко), а исследователи традиционной культуры XX в. увлекаются только материалами полевых экспедиций. С одной стороны, это является действительно важным в источниковом смысле, но с другой – устный источник может давать искаженное представление и поэтому для воссоздания объективной картины культурного прошлого русского населения Алтая нужно использовать их в совокупности, что мы доказали в данном исследовании.

При сравнительном анализе исторических данных о селах, использовании архивных материалов и устных источников вырисовывается следующая картина. Сведения о психологическом взаимодействии лучше сохраняются в тех селах, где присутствовали этнографические группы с наибольшими культурными отличиями и если они расселялись обособленно друг от друга, образуя «края». Так создавались условия, благоприятствующие консервации традиционных черт культуры этнографических групп и соответственно дающие почву для сравнений, на основе которых возникали стереотипы. Поэтому в таких селах, где происходило психологическое соприкосновение этнографических групп, сохранился более качественный этнографический материал, получаемый из сельской информационной среды. Это свидетельствует о том, что психологический аспект взаимодействия этнографических групп имел большое влияние на сохранении в памяти респондентов информации о традициях, быте и культуре населения нашего региона.

Психологическая установка, стереотипы, судя по их сохранности в памяти респондентов, занимали важное место в жизни крестьян в первой трети XX в. Использование информации респондентов позволяет четко проследить многие различия культурно-экономичес-

кого плана различных этнографических групп, на основании чего можно реконструировать составляющие культурно-информационного пласта как в одном селе, так и выявить причины его различий в разных селах.

При изучении и анализе информации, связанной с психологическим аспектом взаимоотношений этнографических групп, мы выявили, что можно при этом выйти на различные информативные пласты, касающихся не только культурной стороны, но и различных проблем исторического, социально-психологического характера. Так, на наш взгляд, трения между старожилками (особенно старообрядцами) и переселенцами, которые ранее считались обусловленными только экономическими факторами, зависели не только от этого, но и от культурных и религиозных особенностей, о чем свидетельствует показанный нами материал о психологическом аспекте взаимодействия этнографических групп. Можно предположить, что в дальнейшем, при раскулачивании, данные факторы имели немаловажное значение, если учесть, что во многих селах основная масса раскулаченных принадлежала к группе старожилов. Об этом свидетельствуют различные источники и то, что после коллективизации старожильческие части (сибирские и старообрядческие «края») многих деревень исчезли. Хотя, как мы уже говорили выше, по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. нельзя сделать вывод о таком количественном и качественном уровне экономического превосходства старожилов над крестьянами-переселенцами, который позволял бы приписать практически всех их к разряду кулаков. Таким образом, психологические стереотипы и отношения этнографических групп, основанные на культурных и социально-экономических особенностях, играли важную роль в истории села и недооценивать ее нельзя. Необходимо проводить дальнейшие исследования в данном направлении для раскрытия полной и объективной картины исторического прошлого алтайского крестьянства.

Библиографический список

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1964.
2. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX вв. М., 1996.
3. Щеглова Т.К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной сельской среде // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001.

Научный руководитель – к.и.н., доц. Т.К. Щеглова

А.Н. Савин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

КЛАССИФИКАЦИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИСКУССТВА САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

История изучения самусьской культуры в археологии Западной Сибири насчитывает более 40 лет. За это время был создан ряд работ, посвященных изучению семантики искусства самусьской культуры. Основную часть самусьского творчества составляют антропоморфные и зооморфные изображения из поселения Самусь-VI.

Единичные изображения были также найдены в Томском Приобье на поселении Дзержинский и в Новосибирском Приобье на памятниках самусьской культуры Крохалевка-1 (Молодин В.И., Глушков И.Г., 1989) и Крохалевка-13.

Многообразие мотивов самусьского искусства поставило вопрос классификации изображений. Подробно эту тему рассмотрел В.И. Матющенко, выделив три вида изобразительного творчества самусьской культуры: орнамент на керамике; антропоморфные и зооморфные рисунки на стенках сосудов; скульптура из камня и глины (Матющенко В.И., 1973, с. 95).

И.Г. Глушков, рассматривая керамику самусьской культуры, предложил классификацию антропоморфных изображений, выполненных на стенках сосудов, но при этом специфика работы не включала антропоморфные изображения из камня (Глушков И.Г., 1986, с. 75).

На сегодняшний день классификация В.И. Матющенко является основополагающей в изучении искусства самусьской культуры.

С появлением новых материалов изобразительного искусства самусьской культуры будет уместно частично пересмотреть и дополнить классификацию В.И. Матющенко, задействовав полный на сегодняшний день комплекс антропоморфных изображений самусьской культуры.

Группу антропоморфных изображений самусьской культуры на основании технологических различий можно разделить на три типа изображений: первый – объемные (каменные антропоморфные скульптуры), второй – плоскостные (изображения, выполненные на плоскости бронзы), третий – графические (прочерченные на поверхности керамики). Остановимся на них подробнее.

Объемные антропоморфные изображения. Представлены пятью каменными скульптурами в виде головы человека, обнаруженными на поселении Самусь-IV, и единичной находкой с поселения Дзержинский в виде каменной Г-образного «утюжка-гладилки», увенчанного скульптурной головой человека. Все изображения выполнены на плоскости гальки, включая узкую грань с помощью точечной ретуши. Изображения выполнены в одной стилистической манере и отражают один физический тип (Студзицкая С.В., 1987, с. 76).

Каждая из скульптур имеет индивидуальные художественные черты, но при этом они схожи между собой по ряду признаков: изображение лица в форме удлиненного овала, глаза показаны выступающими плоскостями, желобчатые линии на поверхности скульптур. Высота фигурок 13–15 см. Видимо, изображение туловища в скульптуре самусьского творчества было маловажно и не носило смысловой нагрузки. Наиболее близкие аналогии самусьским скульптурным изображениям можно найти среди каменных изваяний окуневской культуры (Вадецкая Э.Б., 1969, с. 270–274; Леонтьев Н.В., 1978, с. 97–99).

Бронзовые плоскостные антропоморфные изображения. Представлены единичной находкой. Это бронзовая фигурка человека в «танцующей позе» с памятника Крохалевка-13 (Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н., 2001).

Голова человека передана в форме овала с двумя вдавлениями, изображающими глаза. Руки человека чуть согнуты в локтях, а кисти рук лежат в области таза. Человек стоит, приподнявшись на носках, чуть согнув колени.

В плоскостной антропоморфной фигуре с Крохалевки-13 можно проследить по ряду признаков стилистическое единство с изображениями человека на керамике поселения Самусь-IV. Прежде всего, это вытянутые пропорции туловища, одинаковая поза «танцующего человека». Кроме того, среди антропоморфных рисунков с поселения Самусь-IV имеется изображение человека с головой в форме овала. Возможно, стилистическое единство этих изображений может свидетельствовать о схожем семиотическом значении плоскостной фигурки человека с памятника Крохалевка-13 и части антропоморфных изображений на керамике с поселения Самусь-IV.

Графические антропоморфные изображения. Выделены на основании самой многочисленной группы изображений, выполнены прочерченными линиями на поверхности керамики.

В антропоморфных графических изображениях на основании различной схематичности можно выделить три подтипа: полное изображение человека в фас; схематическое изображение человека; изображение личин.

I подтип. Полное изображение человека в фас. Имеет множество различных модификаций, повторяющейся чертой которых является наличие контурно обозначенного туловища. Среди полных изображений человека в фас можно выделить шесть видов.

Первый вид. Полное изображение человека в фас с двумя линиями вместо головы. Среди 1-го вида различаются четыре модификации: с осевой линией по центру туловища (Ia), со скелетным орнаментом в виде «тельняшки» (Iб), с осевой линией по центру туловища и контурно выделенными руками (Iв), с двумя парами рук и «тельняшкой» (Iг).

Второй вид. С тремя линиями вместо головы. Во втором виде можно выделить пять модификаций: с «тельняшкой» (IIa), с двумя парами рук и осевой линией по центру туловища (IIб), с удлиненной «тельняшкой» и косым крестом в области таза (IIв), биконическая фигура с поднятыми руками. Схематично обозначены кисти рук. Тело заполнено «тельняшкой». От рук и крайних линий головы отходит по два луча (IIг), с двумя парами рук и «тельняшкой» (IIд).

Третий вид. Полное изображение в фас, лежащее в горизонтальной плоскости. Расположено по устью сосуда. Представлено несколькими модификациями: это – две «пустые» фигуры с прямоугольником, пересеченным диагоналями, вместо головы (IIIa), фигура с осевой линией туловища (IIIб), две фигуры с «тельняшкой» и двумя общими линиями вместо головы (IIIв).

Четвертый вид. Полное изображение человека в фас со стилизованной передачей лица. Голова в форме усеченного сверху овала, заканчивающегося тремя лучами. Изображение имеет контурно выделенное туловище с вертикальной осевой линией. В некоторых случаях нос вылеплен скульптурно. В основном, изображения этого вида вписаны в овал. От талии, бедер и коленей человека отходят линии, соединяющие фигуру человека с овалом (IVa).

Пятый вид. Изображение человека с пятью линиями вместо головы (Va).

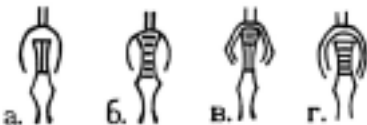

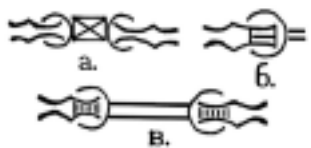

Шестой вид. Изображение человека с овальной головой (VIa).

II подтип. Схематизированное изображение человека. Постоянной чертой всех видов схематизированных изображений человека является схематично выполненное туловище. Видовое разнообразие является следствием различной доли схематичности изображений.

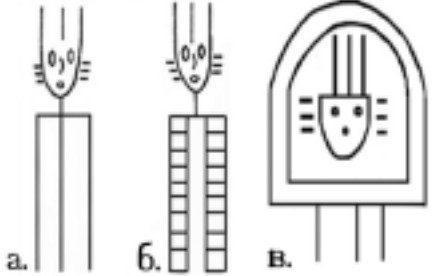
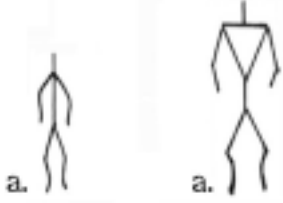
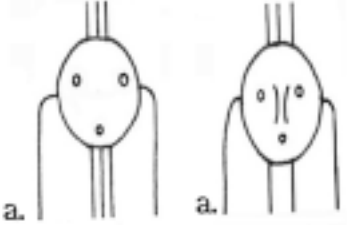
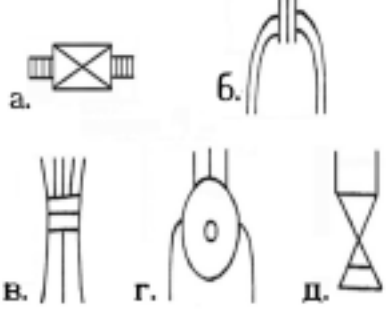

Первый вид. Схематичное изображение со стилизованной передачей лица. Голова обозначена усеченным сверху овалом, вверх от нее отходят три луча. Глаза и рот показаны вдавлениями. Зачастую от головы отходят в стороны 3–4 линии. Нос в большинстве случаев выполнен скульптурно. Различается несколько модификаций: с «тельняшкой» (Ia), с осевой линией (Iб), изображение головы в «рамке» (Iв).

Второй вид. Схематическое изображение человека в фас, в канонической позе, переданное с помощью одиночных линий (IIa).

Третий вид. Схематические антропоморфные изображения в виде окружности, в центре которой стилизованно предано лицо. Вверх и вниз от окружности прочерчены две, чаще

<p>I тип. Каменные антропоморфные изображения.</p>		
<p>II тип. Бронзовые плоскостные антропоморфные изображения.</p>		
<p>III тип. Графические антропоморфные изображения.</p>	<p>I подтип. Полное изображение человека в фас.</p>	<p>I вид. Полное изображение человека в фас, с двумя линиями вместо головы.</p>
		<p>II вид. Полное изображение человека в фас, с тремя линиями вместо головы.</p>
		<p>III вид. Полное изображение человека в фас, лежащее в горизонтальной плоскости.</p>
		<p>IV вид. Полное изображение человека в фас, со стилизованной передачей лица.</p>
		<p>V вид. Изображение человека с пятью линиями вместо головы.</p>
		<p>VI вид. Полное изображение человека в фас, с овальной головой.</p>

продолжение

III тип. Графические антропоморфные изображения.	II подтип. Схематизированное изображение человека.	I вид. Схематичное изображение со стилизованной передачей головы.	
		II вид. Схематичное изображение выполненное с помощью одиночных линий.	
		III вид. Схематичное изображение в виде окружности, со стилизованной передачей лица.	
		IV вид. Предельно схематичные изображения.	
	III подтип. Изображения личин.		

три вертикальные линии. Нос может быть скульптурно вылеплен или полностью отсутствовать (Ша).

Четвертый вид. Предельно схематичные изображения: в виде прямоугольника с пересекающимися диагоналями (IVа); в виде двух дуг, пересеченных тремя линиями пополам (IVб); фигура в виде прямоугольника, рассеченного горизонтальной линией по полям, от которого отходит 5 линий сверху и 3 линии снизу (IVв); окружность с круглым вдавлением в центре (IVг); биконическая фигура (IVд).

III подтип. Изображения личин. Основным признаком всех изображений этого подтипа является стилизованная передача лица с помощью контурного обозначения овала или круга головы, выделенных контуром глаз, иногда рта.

Таким образом, предложенная классификация позволяет сгруппировать все известные типы антропоморфных изображений самумской культуры, имеющие технологические различия, а также проследить стилистическое единство ряда изображений. Рассмотрев полный видовой комплекс антропоморфных изображений, можно говорить о присутствии нескольких стилей в изобразительном творчестве искусства самумской культуры. Первый из них связан с объемными изображениями и более близкими к ним по стилю изображениями личин. Второй стиль прослеживается как в плоскостных, так и в графических антропоморфных изображениях.

Библиографический список

1. Вадецкая Э.Б. О сходстве самумских и окуневских антропоморфных изображений // СА. М., 1969. №1. С. 270–274.
2. Глушков И.Г. Керамика самумско-сейминской эпохи лесостепного Обь-Иртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986.
3. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978. С. 88–118.
4. Молодин В.И., Глушков И.Г. Самумская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989.
5. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2.: Самумская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 10.
6. Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 73–89.
7. Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. Самумские бронзовые фигурки с Крохалевки-13 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №1. С. 91–93.

Научный руководитель – д.и.н., проф. Т.Н. Троицкая

Д.А. Таскин, А.М. Мамкин, А.В. Дробутушенко

*Забайкальский государственный педагогический университет, Чита,
Центр по сохранению историко-культурного наследия Читинской области*

ПАМЯТНИКИ РАННЕМОНГОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Погребальные памятники, традиционно определяемые объектами раннемонгольской культуры, зафиксированы на степных территориях юго-западного (Бурятия) и юго-восточного (Читинская область) Забайкалья. Иначе обстоит дело с изучением данных памятников на территории юго-западных горно-таежных, лесостепных районов Читинской области. До недавнего времени подобные памятники здесь не фиксировались. В полевой сезон 1997 г. отрядом Центра по сохранению историко-культурного наследия Читинской области были раскопаны два погребения в долине р. Унго (Мамкин А.М., Дробутушенко А.В., 1998, с. 100–102).

Могильник Унго расположен в 4 км юго-западнее с. Усть-Обор, в приустьевой правобережной части долины р. Унго. Погребения дислоцируются у границы соснового леса на резконаклонном делювиальном шлейфе – скате горы. Сооружения расположены рядами цепочек по 3–6 погребений, вытянутыми вдоль линии север-юг.

В ходе работ раскопаны два погребения, представленные плотными каменными кладками на поверхности, курганного типа, эллипсоидной формы, ориентированные по длинной оси северо-запад-юго-восток, северо-восток-юго-запад. Размеры составляют 3,1х2,4; 3,6х2 м, высота выкладок над уровнем поверхности не превышает 0,5 м. Во время разборки кладок зафиксированы многочисленные фрагменты средневековых керамических сосудов, костей барана.

Могильные ямы прямые, с заглублением не более 0,65 м от основания кладок. В погребении №2 с торцевой, северной, стороны зафиксирован небольшой подбой. Костяки плохой сохранности, сильно повреждены грызунами и, вероятно, часто повторяющимися ограблениями. Предположительный характер трупомещения: вытянуто и скорченно (с «подтянутыми» коленями), на спине, головой, ориентированной на северо-восток.

Погребальный инвентарь представлен:

– в погребении №1 – тремя сильнокорродированными железными предметами, предположительно определяемыми черешковыми наконечниками стрел (у левой ветви нижней челюсти), и элементом сбруи (у костей таза);

– в погребении №2 – бронзовой серьгой уйгурского типа под правой ветвью нижней челюсти.

В могильных ямах обоих погребений в области головы зафиксированы вертикально установленные берцовые кости барана.

По типу кладок, ориентировке костяков и погребальной обрядности, жертвоприношению стегна барана объект соотносится с памятниками раннемонгольской культуры (X–XII вв.). Бронзовая серьга из погребения №2 имеет многочисленные аналоги в уйгурских, кыргызских погребениях (Ковычев Е.В., 1985, с. 56–57), что может указывать на более раннюю дату объекта VIII–IX вв. н.э.

В 2000 г. на территории Красночикокойского района Читинской области было раскопано еще одно погребение подобного типа, получившее название Утес-1. Погребение находится в 2,5 км к юго-востоку от с. Альбитуй на лесистой мысовидной возвышенности отрога Малаханского хребта, который образует правый борт долины р. Чикой. Высота от уровня реки превышает 40 м.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №01-01-00062а.

Кладка курганного типа, слабо задернованная, округлой формы, имеет размеры: по оси северо-запад-юго-восток – 3 м; по оси северо-восток-юго-запад – 3,5 м, сложена из камней средней величины. Высота выкладки не превышает 0,3 м над современной поверхностью.

Могильная яма выявлена в основании кладки. По форме контур ямы представляет собой эллипс неправильной формы, вытянутый по линии северо-восток-юго-запад, его размеры составляют 1,8х0,8 м. Ствол ямы прямой со слабо выраженным подбоем в северо-западной стенке.

Костяк женщины (возраст 18–25 лет) обнаружен на глубине 0,63 м. Трупомещение – на правом боку, ноги подогнуты, головой на северо-восток. Сохранность костей хорошая, анатомический порядок не нарушен, за исключением костей левой стопы, которая повреждена кротовиной. В неглубоком подбое справа от черепа были обнаружены позвонки барана в правильном анатомическом порядке. Слева от черепа находилась вертикально установленная берцовая кость барана.

Погребальный инвентарь представлен железным крюком коромысловидной формы, который находился в области тазовой кости. Подобное изделие было найдено на поверхности панциря керексура в Бурятии, в долине р. Хилок, у села Подлопатки и датировано VII–VIII вв. н.э. (Данилов С.В., Коновалов П.Б., 1988, с. 65–66).

На основании анализа погребального обряда и конструктивных особенностей могил, представленных в объектах Унго, Утес-1, памятники можно датировать не позднее X–XII вв. н.э. (Данилов С.В., 1985, с. 86–91). Погребальный инвентарь памятников, серьга из погребения №2 могильника Унго, железный крюк из погребения Утес-1 дают возможность предварительно датировать объекты в более широком хронодиапазоне – VIII–XII вв. н.э. Вопрос об этнической принадлежности памятников остается открытым. На настоящий момент возможно говорить о вероятном полиэтническом составе племен Забайкалья во II пол. I тыс. – нач. II тыс. н.э., оставивших погребальные памятники раннемонгольской обрядности.

Библиографический список

1. Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985.
2. Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла Забайкалья. Улан-Удэ, 1988.
3. Мамкин А.М., Дробутушенко А.В. Комплексы археологических памятников Унго, Усть-Обор // Археология и этнография Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998.
4. Ковычев Е.В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985.

А.А. Тишкин, П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ГОРНОГО АЛТАЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ
(по материалам исследований 1960–1990-х гг.)***

Многие исследователи после проведения раскопок разных объектов одной археологической культуры, а затем и при анализе полученных данных, обязательно подходят к проблеме реконструкции социальной организации населения определенного исторического периода. Однако уровень такого рода интерпретаций объективно зависит от многих факторов, среди которых главным является эффективность используемых методов. Часто ученые применяют для аргументации своих выводов сравнение с имеющимися этнографическими, фольклорными и другими материалами подобного плана. В связи с этим у ряда археологов возникают сомнения в правомерности такого подхода, хотя, в принципе, хорошо известно, что «...в области социального поведения обнаруживается фактическое единообразие, т.е. последовательность действия с типически идентично предполагаемым смыслом повторяется отдельными индивидами или (эвентуально одновременно) многими» (Вебер М., 1990, с. 633). Поэтому обозначенный исследовательский прием имеет право на существование, но не столько по принципу определения схожести и различия формы (хотя и это в какой-то мере эффективно), сколько по пути изучения социального явления, процесса или результата в целом (Тишкин А.А., 1997б, с.53).

Проблемы изучения социальной истории населения Горного Алтая скифской эпохи были обозначены в работах таких археологов советского периода, как М.П. Грязнов (1939; 1950), С.И. Руденко (1952; 1953; 1960) и С.В. Киселев (1951). Использованная учеными при реконструкции социальной структуры кочевников трехуровневая модель, а также разработанные ими критерии и принципы выявления дифференциации в древних обществах послужили основой для дальнейших исследований.

В 60-е гг. XX в. к вопросам социального устройства населения пазырыкской культуры обращался С.С. Сорокин. Давая кочевому обществу вполне традиционную и конъюнктурную для того времени военно-демократическую характеристику, он также указывал, что уровень социальной дифференциации отразился в монументальности погребальных сооружений, в составе инвентаря, в особенностях поминальных сооружений и т.д. (Сорокин С.С., 1978, с. 172; 1981, с. 37). По мнению ученого, у раннекочевых коллективов не существовало наследственной формы власти и каких-либо государственных образований. Поэтому у скотоводов был очень высоким авторитет личных, главным образом «богатырских», качеств. Это нашло отражение, как полагал С.С. Сорокин, в китайских письменных источниках и в вещественных памятниках. Исследователь также указывал на то, что к середине I тыс. до н.э. у «пазырыкцев» высшая военная прослойка отчетливо обособилась от рядового населения, имея определенные знаки отличия (Сорокин С.С., 1978, с. 182). Для своих выводов С.С. Сорокин использовал, наряду с разными материалами, главным образом методы сравнительного сопоставления и интерпретации археологических и этнографических данных. Такой подход был широко распространен в отечественной науке и, как было отмечено выше, может эффективно применяться до сих пор.

Другой советский исследователь, А.Д. Грач, попытался реконструировать социальную структуру кочевников Горного Алтая скифской эпохи, привлекая для этого материалы, полученные на соседней территории в Туве. Подробно рассматривая критерии дифференциации и данные по культурам этих двух регионов, ученый выделил три слоя в «пазырыкском» об-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №01-01-00062а.

шестве, каждому из которых соответствовали конкретные комплексы: 1) царские курганы; 2) погребения родовой дружинной аристократии; 3) погребения людей низших социальных групп, так называемых домашних рабов (Грач А.Д., 1980, с. 46–48). Несмотря на значительное сходство такого подхода с традиционной тогда трехуровневой реконструкцией структуры отдельного социума эпохи раннего железа, тем не менее в нем есть один существенный нюанс. Он заключается в том, что, согласно точке зрения А.Д. Грача, второй слой родовой дружинной аристократии не был монолитен, а мог подразделяться на группы в зависимости от имущественной и социальной дифференциации (Грач А.Д., 1980, с. 48). Признание данного факта также являлось определенным шагом вперед при палеосоциальных реконструкциях и свидетельствовало о попытке археолога отойти от имевшейся схемы. Однако детального обоснования высказанной позиции по поводу внутrigруппового разграничения А.Д. Грач не привел. Следует еще отметить то, что ученый поддерживал выводы С.И. Руденко, полученные на основе анализа планиграфии погребальных сооружений могильника Пазырык. Он также выступил с обоснованием присутствия категории домашних рабов в обществе кочевников, подкрепив свою позицию находками безынвентарных погребений людей в курганах саглынской культуры Тувы (Грач А.Д., 1980, с. 48–52). Позднее подобные объекты были обнаружены В.Д. Кубаревым (1987) в пазырыкских памятниках Горного Алтая, что позволило археологу согласиться с высказанным уже мнением.

Весьма примечательной является попытка А.Д. Грача выйти в определенной степени за методологические рамки исторического материализма, обратившись к теоретическим разработкам ученых позитивистского направления, идеи которых нашли отражение в трудах таких представителей классической социологической школы, как Л. Леви-Брюль и Г. Спенсер (Грач А.Д., 1980, с. 57). Несмотря на некоторую критику их концепций, исследователь тем не менее признал важность целого ряда сделанных этими исследователями выводов по социальным проблемам древних обществ, в частности по вопросу о роли инициаций в архаичных коллективах. Таким образом, обозначенные подходы А.Д. Грача при интерпретации археологического материала способствовали дальнейшему изучению социально-политического устройства населения Сибири эпохи раннего железа.

Развернутую характеристику социального развития кочевников Евразии скифского времени, в том числе и «пазырыкцев», представил А.И. Мартынов (1980, с. 11–20; 1986, с. 28–33) при изложении концепции о скифо-сибирском культурно-историческом единстве. Эта теория позволила ученому показать не только уровень социально-политической организации народов скифской эпохи (Васютин С.А., 1998, с. 134), но определить исходные и базовые тенденции в развитии номадов евразийских степей. Рассматриваемая концепция основывалась на анализе материалов о значительном числе древних обществ, затрагивая и скотоводческое население Горного Алтая. Характеризуя общественное устройство кочевников скифской эпохи, А.И. Мартынов (1980, с. 16) отмечал, что у саков, тагарцев, савроматов, пазырыкцев процесс дифференциации в коллективах и сложение племенных союзов происходили в ускоренном темпе. Многие идеи, высказанные в рамках указанной теории, исследователь развил в своих дальнейших работах. В частности, высказывалось положение о том, что на рубеже VI–V вв. до н.э. у «алтайцев» (пазырыкцев), как и у ряда других кочевых народов, складывалось «протогосударственное образование», что затем в V–III вв. до н.э. привело к формированию политических объединений раннегосударственного типа (Мартынов А.И., 1986, с. 28–33; Мартынов А.И., Алексеев В.П., 1986, с. 37, 113–126).

Концепция «скифо-сибирского единства» позднее рассматривалась А.И. Мартыновым (1989а,б) в рамках теории «кочевой цивилизации» или «степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э.», в которой пазырыкскому обществу отводилось особое место. Население Горного Алтая скифской эпохи, как и племена, проживавшие на территории Казахстана, Тувы, Минусинской котловины и ряда других регионов степного пояса Евразии, характери-

зовалось сложной стратово-социальной структурой, наличием «основной производительной массы – общинников, господствующей части общества, воинов и ремесленников». Верховная власть была сосредоточена у царя-правителя государства, который, судя по аналогии с материалами из кургана Иссык, выполнял и определенные религиозные функции (Мартынов А.И., 1989а, с. 290).

Рассматривая вопрос о формировании государственности у кочевников скифской эпохи, А.И. Мартынов позднее несколько удревнил начало такого процесса. Если в предыдущих своих работах он указывал, что на рубеже VI–V вв. до н.э. можно говорить о сложении протогосударственных образований, в том числе и у «пазырыкцев», то затем, по мнению ученого, в этот хронологический отрезок уже закладываются основы раннего государства (см. например: Мартынов А.И., 1980, с. 29; 1986, с. 28–33). Однако не исключено, что исследователь подразумевал одно и то же явление, используя словосочетания «протогосударственное образование» и «раннее государство».

Разработки А.И. Мартынова в рамках поставленных проблем о «скифо-сибирском культурно-историческом единстве» и «кочевой цивилизации» имели для археологической науки такое же важное значение, как и концепция «ранних кочевников» М.П. Грязнова в конце 30-х гг. Такие исследования, с одной стороны, подводили определенный итог в изучении истории древних кочевников, а с другой – давали теоретическую модель, требующую дальнейшего подтверждения фактическими материалами. Тем не менее не все археологи приняли эти данные для руководства к действию. Имеются и критические статьи.

Одним из первых, кто предпринял попытку представить общественную структуру на основе раскопанных погребальных комплексов, был А.С. Суразаков. В 1983 г. он публикует специальную статью, посвященную анализу социального устройства населения Горного Алтая скифской эпохи под названием «О социальной стратификации пазырыкцев». В ней исследователь, опираясь на достижения предшествующих археологов (Руденко С.И., Грязнова М.П., Киселева С.В.), привлек основные теоретические разработки и методологические приемы, выработанные В.А. Алексиным (1975, с. 11–14), А.Д. Грачом (1968, с. 228; 1980, с. 46–47; А.М. Хазановым (1975, с. 101), В.М. Массоном (1976, с. 149–176). Данный подход являлся неслучайным и отражал использование исходных критериев для реконструкции социальной дифференциации «пазырыкцев» на реальном археологическом материале (размер насыпи, состав инвентаря, сопроводительные захоронения коней и т.д.). Свою модель пазырыкского общества А.С. Суразаков (1983, с. 72) построил на основе взаимосвязи типов погребений с конкретными социальными слоями. Критериями для проведения таких параллелей являлись вполне традиционные признаки: размер и конструктивные особенности погребального сооружения, способ погребения и состав инвентаря. Проанализировав материалы 58 курганов из 19 могильников, археолог выделил четыре группы погребений.

Первая, наиболее многочисленная (43 кургана из 13 могильников) группа представлена погребениями рядовых кочевников, которых хоронили в небольших погребальных конструкциях (средний диаметр насыпи до 8,0 м, высота – 0,4 м, размеры могильной ямы – 2,4x1,7 м, глубина 2,0 м) с незначительным набором инвентаря (Там же, с. 73). Ученый сделал наблюдение о половозрастном разграничении внутри группы. Это выразилось в том, что в женских захоронениях отсутствовало оружие, а в детских – лошади. Кроме того, он указал на процесс имущественной дифференциации и в среде рядовых кочевников, что отразилось в количестве сопроводительных захоронений лошадей с умершим человеком или в отсутствии таковых (Там же, с. 74). Курганы второго типа принадлежали главам крупных семейно-родственных групп или родов. Эти погребения достаточно выразительно отличались от предыдущих по масштабности погребальных сооружений (средний диаметр насыпи кургана 19,5 м, высота – 1 м, размеры могильной ямы – 3,9x3,8x5,2 м), количеством лошадей (2–3 особи)

и некоторым своеобразием инвентаря. Всего было зафиксировано для этой группы три кургана на трех памятниках. Следующую группу составили пять погребений из четырех могильников племенной аристократии, курганы которых имели в среднем следующие размеры: высота каменной насыпи 2,8 м, ее диаметр – 36,0 м, размеры могильной ямы – 5,0x5,7x5,0 м. Резкое отличие памятников этой группы от двух предшествующих, заключается в значительном количестве сопроводительных захоронений лошадей (в среднем 11 особей), в многообразии инвентаря, использовании саркофагов-колод и бальзамировании тел покойников. Наконец, четвертая группа погребений принадлежала вождям племен. Для них характерны те же признаки, что и для предшествующей группы памятников, но несколько в большем масштабе. Так, средние размеры курганов «вождей» – 44,0 м, высота – 2,9 м, размеры могильной ямы – 6,0x7,3x5,0 м. Количество сопроводительных захоронений лошадей отличалось от третьей группы только на один показатель (в среднем 12 особей). Важными чертами погребений «вождей пазырыкских племен» являются не только высокая степень трудозатрат (на сооружение Первого Пазырыкского кургана ушло около 2500–3000 человеко-дней), но и усложненная погребальная конструкция в виде двух камер, высокий процент импортных изделий среди инвентаря (Суразаков А.С., 1983, с. 84–85).

Кроме выделения четырех социальных слоев в обществе кочевников скифского времени Алтая, исследователь обратил внимание на особенности планиграфии могильников, которые были представлены небольшими курганными цепочками. По мнению ученого, каждый могильник принадлежал «отдельным семьям или небольшим семейно-родственным группам, объединенным в кочевую общину». Ведущую роль в древнем социуме играли рядовые кочевники, которые составляли основу войска. Прерогативами родоплеменной аристократии и вождей племен были военное и административное руководство, а также культовая деятельность (Там же, с. 85–86).

Почти десять лет спустя А.С. Суразаков (1992) продолжил свои социальные реконструкции пазырыкского социума. Так, на основе анализа планиграфии могильников пазырыкской культуры и изображений на Большой Боярской Писанице, он сделал вывод о том, что цепочка курганов – это могильник семейно-родственной общины. Могильники, которые состоят из двух или более цепочек, являются кладбищем нескольких общин (родственного клана?). Кроме этого, основываясь на материалах погребального обряда, исследователь отметил, что малые семьи, составляющие общину, «строились на основе твердо устоявшейся патрилокальности брака» (Там же, с. 52–53, 55).

Надо отметить, что описанная выше социальная концепция А.С. Суразакова имеет ряд дискуссионных моментов. Серьезные возражения у исследователей вызвало выделение второй группы «глав семей». Так, С.А. Васютин (1998, с. 133) справедливо обратил внимание, во-первых, на малочисленность этой группы (всего три кургана, т.е. меньше, чем погребений аристократии и вождей). Во-вторых, логичнее было бы предположить наличие погребений «глав семей» в составе каждой курганной цепочки, семейный характер которых признает и сам А.С. Суразаков. В-третьих, недостаточно обоснованным представляется распределение больших курганов на два типа, поскольку в этом случае единый в планиграфическом отношении Пазырыкский могильник оказался в разных группах. Последнее замечание С.А. Васютина можно отнести, вероятно, и к Туэктинскому могильнику. Кроме того, весьма спорным представляется отнесение Второго Башадарского и Берельского курганов к третьей группе только на том основании, что внутримогильная конструкция состояла из одной, а не из двух камер. Зато эти два кургана превосходят большую часть объектов из четвертой группы по другим показателям: диаметр насыпи (за исключением Берельского кургана), ее высота, глубина могильной ямы, количество сопроводительного захоронения лошадей и др. Причем в ряде случаев это превосходство довольно значительное. Так, диаметр Второго Башадарского кургана 58,0 м (второй по величине курган из всех раскопанных пазырыкских памятников),

в то время как средний диаметр курганов четвертой группы – 44,0 м. Количество сопроводительного захоронения коней в Берельском и Втором Башадарском кургане составляет соответственно 16 и 14 особей, в то время как их среднее число в группе погребений «вождей племен» – 12.

Несмотря на высказанные замечания, предложенная А.С. Суразаковым модель социальной структуры пазырыкского социума хотя и была в определенной степени условной, тем не менее она являлась несомненно важным шагом в развитии этого направления исследований. Впервые был обобщен имеющийся материал по пазырыкской культуре, что позволило показать значительный уровень дифференциации общества скотоводов.

Важно также отметить, что ученый одним из первых попытался высказать некоторые соображения относительно социальной организации населения Горного Алтая раннескифского времени (Суразаков А.С., 1990, с. 61–68). Так, учитывая планиграфию курганных могильников этого периода, он сделал вывод, что они являются некрополями семейно-родственных коллективов (общин). Кроме того, исследователь указал на наличие у носителей культуры раннескифского облика племенных вождей, погребения которых отличались от остальных большей монументальностью (Там же).

Проблемы реконструкции социальной структуры скотоводов Горного Алтая раннескифского времени поднимались одним из авторов статьи в ряде публикаций (Тишкин А.А., 1996; 1997а; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; и др.). На основе интерпретации порядка расположения курганов на могильном поле и детальном изучении погребальных сооружений выявлены разные признаки существования и жизнедеятельности отдельных территориально-локальных групп. Этот подход позволил зафиксировать айльную планировку поселков, характерную при кочевом и полукочевом образе жизни людей, связанных родственными (семейными) узами. Наличие курганов, выделяющихся на общем фоне, было соотносено с захоронениями глав (старейшин) родов или семей. Эти люди играли существенную роль в организации жизнедеятельности и имели определенное положение в обществе. Несмотря на ряд этих и других сформулированных положений, вопрос о социальной структуре населения Горного Алтая в раннескифское время остается открытым. Пока говорить о сложной дифференциации не приходится. Несомненно, что основной массой людей были рядовые представители отдельных территориально-локальных групп, в которых разделения имели, в основном, половозрастной характер. Фиксация так называемых «элитных» курганов раннескифского времени свидетельствует об имевшем место расслоении общества. Вероятно, что в рассматриваемый период времени на территории Алтая уже существовали какие-то крупные объединения отмеченных групп населения с определенной системой разграничения власти (Тишкин А.А., 1997а).

Вопросов социального устройства «пазырыкцев» коснулся В.А. Кочеев. Он опирался примерно на ту же источниковую основу, что и А.С. Суразаков. Так, сначала в тезисной (Кочеев В.А., 1989), а затем в расширенной форме В.А. Кочеев (1990) предпринял попытку, в противоположность мнению Г.Н. Курочкина (1989) и Н.Ю. Кузьмина (1989), обосновать достаточно значительную степень милитаризации пазырыкского общества. Используя материалы из 90 курганов (28 могильников), исследователь разделил погребения с оружием на три группы: 1) погребения, где обнаружены три вида оружия (акинак или кинжал, чекан, лук и стрелы, иногда щиты); 2) погребения с двумя видами оружия (кинжал и чекан, кинжал и стрелы, чекан и стрелы); 3) погребения, в которых зафиксирован один вид оружия (только кинжал, чекан или стрелы) (Кочеев В.А., 1989, с. 70–71). Захоронения первой группы В.А. Кочеев связывал с вождями племен, погребения второй группы – с вождями родов, погребения третьей группы – с рядовыми кочевниками (Кочеев В.А., 1990, с. 108–109). В результате проведенного анализа материалов курганов исследователь при-

шел к выводу, что в пазырыкском обществе формируется особая воинская прослойка, вероятно, дружина, которая «...выдвигала военных представителей из числа выдающихся воинов и являлась опорой аристократии» (Кочеев В.А., 1989, с. 71).

Выделив три ранга воинов, В.А. Кочеев попытался вписать их в существующую социальную концепцию, разработанную А.С. Суразаковым (1983). Однако это оказалось достаточно сложно сделать (на что обратил внимание и сам исследователь). Он отмечал, что более богатые погребения воинов отличаются от рядовых захоронений мужчин (первая социальная группа по А.С. Суразакову). Однако не все они могут соотноситься с погребениями глав семейно-родственных групп и родов (вторая социальная группа по А.С. Суразакову) (Кочеев В.А., 1990, с. 108). Данная трудность возникла из-за того, что В.А. Кочеев попытался механически совместить в рамках одной социальной концепции разные типы стратификационных систем. Так, принципы этакратической и профессиональной дифференциации накладывались на имущественную и социальную структуру пазырыкского общества. В то же время важно отметить, что В.А. Кочеев одним из первых попытался проследить динамику развития другой стратификационной системы (профессиональные воины) на материалах пазырыкского социума. Это являлось существенным шагом на фоне традиционного подхода в изучении общества кочевников, которое рассматривалось преимущественно через призму физико-генетической, социальной и имущественной дифференциации. В последующем В.А. Кочеев еще раз подтвердил свои ранее сделанные выводы. Так, в 1997 г. в материалах конференции «Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири» он выступил с традиционной оценкой социальной структуры пазырыкцев: «...верхушка общества (вожди, родовая аристократия), средний слой (полноправные члены общества) и низший слой (неполноправные члены общества)» (Кочеев В.А., 1997, с. 112). В социально-политическом отношении пазырыкское общество соответствовало уровню военной демократии, основу которого составляли многочисленные представители среднего слоя, преимущественно воины (Там же, с. 113).

Вопрос о милитаризации пазырыкского социума был также затронут В.С. Мироновым. Проанализировав материалы из курганов с территории Средней Катунь он пришел к выводу, что на начальном этапе существования пазырыкской культуры доля воинских захоронений значительно больше, чем на ее завершающем этапе (III–II вв. до н.э.) (Миронов В.С., 1997а, с. 18). По мнению исследователя, это может свидетельствовать об увеличении профессионализма воинской верхушки и о переходе «...от родоплеменного ополчения к войску дружинного типа...» (Миронов В.С., 1997б, с. 108).

Ко второй половине 80-х гг. XX в. было раскопано уже несколько сот курганов пазырыкской культуры, что давало дополнительную источниковую базу для палеосоциальных реконструкций. Привлекая результаты своих полевых исследований на территории Юго-Восточного Алтая, В.Д. Кубарев сделал некоторые выводы о социальных отношениях у кочевников. Прежде всего он обратил внимание на особенности половозрастной дифференциации рядовых кочевников Горного Алтая. Археолог отметил, что по своим основным структурным показателям погребения всех половозрастных категорий достаточно однотипны (Кубарев В.Д., 1987, с. 10–30). В то же время исследователь выявил ряд интересных особенностей в захоронениях детей, женщин и мужчин. Так, погребальные сооружения детей, несмотря на их неустойчивый характер (колоды, срубы, каменные ящики), полностью копировали усыпальницы взрослых, но в уменьшенном размере. В зависимости от возраста ребенка ему в погребение клали определенное количество инвентаря: чем он старше, тем больше предметов сопровождало его в загробный мир. При этом с умершими детьми, в большинстве случаев, помещали в могилу уменьшенные копии реальных вещей. Характеризуя погребения женщин и мужчин, В.Д. Кубарев указывал на значительную степень их схожести практически по всем показателями. Особенности женских захоронений он считал нали-

чие не более одного сопроводительного захоронения лошади, использование косметических средств (черная минеральная краска для волос), специальных предметов женского туалета (серьги и шпильки из редкого металла, наконечники, бусы, эгреты), а также некоторых орудий труда (долото, шило, корнекопалки и др.) (Кубарев В.Д., 1987, с. 24–29; 1991, с. 37–41).

Изучение особенностей погребальных конструкций позволило В.Д. Кубареву выявить еще один признак, характеризующий социальный статус погребенного – наличие погребального ложа (Кубарев В.Д., 1987, с. 21). Захоронения с такими ложами достаточно разительно отличались от других курганов «рядовых» кочевников размерами курганной насыпи, количеством инвентаря. Так, объект №1 из могильника Ташанта-I выделялся среди других объектов своими размерами (высота – 1,0 м, диаметр – 25,0 м) и сопроводительным захоронением трех коней (Кубарев В.Д., 1987, с. 21). На могильнике Юстыд-XII в кургане №21 (погребены женщина и ребенок) и в кургане №22 (погребение подростка) обнаружены погребальные ложа. В этих двух объектах выявлены также захоронения коней, разнообразный инвентарь. Указанные обстоятельства весьма примечательны, если учесть, что «...остальные погребения женщин и детей даже на довольно типичном могильнике Юстыд-XII, как правило, не имели сопроводительных захоронений коней» (Кубарев В.Д., 1991, с. 30).

Особое внимание В.Д. Кубарев уделил планиграфии могильников древних кочевников. Определенные результаты подобного анализа уже были сделаны в предшествующие годы С.И. Руденко и М.П. Грязновым. Однако такое исследование осуществлялось археологами первоначально только в отношении некрополей представителей «верхнего слоя» пазырыкского общества. В.Д. Кубарев практически впервые провел подробный анализ планиграфии погребально-поминальных памятников рядовых кочевников. Прежде всего, исследователь отметил определенную группировку женских и детских погребений в различных частях могильников. Это, по его мнению, свидетельствует, если и не о существовании отдельных кладбищ для женщин и детей, то, по крайней мере, указывает на обычай группировать могилы отмеченных категорий людей в какой-то одной зоне некрополя. Так, например, детские могилы на памятниках Уландрык-I, V и Ташанта-I-II располагались в начале или в конце кладбища (Кубарев В.Д., 1987, с. 24). Кроме этого, В.Д. Кубареву удалось зафиксировать особое положение парных захоронений (мужчины и женщины), которые либо открывали цепочку курганов с юга (например, могильники Юстыд-I, к. 1, 2; Юстыд-XII, к. 2; Джолин-I, к. 1; и др.), либо находились в центре некрополя (Юстыд-I, к. 4; Юстыд-XII, к. 8, 16, 17; Джолин-I, к. 6; и др.) (Кубарев В.Д., 1991, с. 38). Эти курганы также отличаются по ряду других показателей (большие размеры срубов, разнообразный инвентарь, большое число сопроводительных захоронений коней) от основной массы погребений кочевников. Указанные признаки парных захоронений мужчин и женщин позволили исследователю сделать вывод о том, что в этих курганах были похоронены «...муж и жена – пара родоначальников, основателей большой семьи, которые и на кладбищах... занимали достойное и главенствующее место» (Кубарев В.Д., 1987, с. 27). Остальные курганы, расположенные рядом с парными погребениями в пределах одного могильника, являлись усыпальницами близких родственников (Кубарев В.Д., 1991, с. 38).

При исследовании трех курганов (Уландрык-I, к. 9; Уландрык-II, к. 6; Юстыд-XII, к. 17) В.Д. Кубарев обнаружил в заполнении могильных ям костяки мужчин. Нехарактерная для пазырыкской культуры западная ориентировка этих умерших, отсутствие сопроводительного инвентаря дало основание, по мнению археолога, утверждать о наличии в пазырыкском обществе особой категории зависимых людей, условно названных рабами (Кубарев В.Д., 1987, с. 29; 1991, с. 39). Опираясь на особенности погребального обряда, В.Д. Кубарев попытался связать погребения «зависимых» мужчин с представителями саглынского-уюкской культуры Тувы и чандманьской культуры Монголии. При этом он, вслед за А.Д. Грачом (1980, с. 48), указал на наличие таких же захоронений «зависимых» людей, но уже из представите-

лей пазырыкской культуры, среди синхронных памятников Тувы в районах, прилегающих к Горному Алтаю (Кубарев В.Д., 1991, с. 39).

С подходом В.Д. Кубарева к интерпретации погребений представителей низшего социального уровня не совсем согласился С.А. Васютин (1998). Он не исключал возможности «...ритуального убийства иноэтничных пленников при погребении некоторых пазырыкцев (например, отличившихся в войнах)». В то же время этот исследователь, как и С.Г. Кляшторный (1986, с. 312–339), считал более вероятным использование в качестве домашних рабов в кочевом обществе пленных девушек и женщин. Кроме этого, С.А. Васютин пришел к выводу, что патриархальная семья не имела достаточно возможностей для охраны «рабов», вследствие чего были вынуждены убивать пленных, в частности, мужчин-саглынцеv (Васютин С.А., 1998, с. 201).

Заканчивая рассмотрение социальных разработок В.Д. Кубарева, касающихся пазырыкского общества, можно сделать следующие выводы. Во-первых, исследователь, как и другие археологи, пришел к заключению, что параметры погребальных конструкций и состав сопроводительного инвентаря зависят от половозрастной структуры социума (Кубарев В.Д., 1991, с. 36–37). Такая зависимость была продемонстрирована на значительном количестве материалов из курганов «рядовых» кочевников. При этом он не оставил без внимания социальную и имущественную дифференциацию у скотоводов Горного Алтая. Во-вторых, археолог провел анализ планиграфии памятников скифской эпохи, что позволило установить расположение курганов определенных групп людей в отдельных частях некрополей. В целом, несмотря на отсутствие специально разработанной социальной концепции, что, вероятно, и не входило в задачи исследователя, выводы и наблюдения В.Д. Кубарева о социальном устройстве пазырыкского социума представляются весьма существенными и могут быть использованы при дальнейшем изучении этой темы.

В рамках рассматриваемой темы определенный интерес представляет работа П.И. Шульги (1989), посвященная выявлению связи планиграфии пазырыкских могильников с типологией поселений кочевников. В ней, основываясь на утверждении, что погребение – это имитация реального жилища, он сделал ряд важных выводов. По мнению П.И. Шульги, курганная цепочка, являющаяся местом захоронения рода или большой патриархальной семьи, отражала реальную планировку поселения. При этом исследователь, опираясь на результаты своих работ, указывал на то, что скорее всего, это были поселения не рода, а все же большой патриархальной семьи. П.И. Шульга также отметил, что на Алтае, как и у других кочевых народов, было два основных типа планировки своих стойбищ. Первый – курень, характеризуется расположением вокруг жилища вождя юрт нескольких сотен семей. Второй – аил, это стойбище большой патриархальной семьи. Различия между двумя типами селений можно проследить, по мнению археолога, и в планиграфии могильников пазырыкского времени. Так, отражением куренной планировки стойбищ является Башадарский могильник с жертвенными выкладками и курганами рядовых кочевников (Шульга П.И., 1989, с. 42–43). Однако на Алтае в VI–II вв. до н.э. преобладала не куренная, а аильная планировка. При этом П.И. Шульга отмечал, что если «...в большой цепочке жилищ выделяются малые звенья близких родственников, то тогда можно предположить в большой цепочке курганной группы наличие «малых семейных цепочек». Это хорошо демонстрируется на материалах скифского времени Алтая: в курганных цепочках из 10–20 курганов выделяются группы из 2–3 курганов (Там же). Указанные наработки П.И. Шульги еще раз показали перспективность изучения планиграфии древних памятников с последующим выходом на палеосоциальные реконструкции. В дальнейшем, рассматривая социально-политическое устройство кочевников Горного Алтая, исследователь отмечал, что пазырыкская культура являлась этнокультурным образованием, возглавлявшим племенной союз («крупное племенное объединение»), в который вошли группы населения северных и северо-западных предгорий, часть Восточного Казахстана до Тарбагатая на юге (Шульга П.И., 1999, с. 248).

П.И. Шульга (1997, 1998; 2000) и некоторые другие исследователи, в частности Н.В. Полосьмак (1994), В.А. Могильников (1997), Д.Е. Ануфриев (1997), П.К. Дашковский (1999; 2001), указывали на существование в пазырыкском обществе определенной группы людей, выполняющий функции жрецов. Основаниями для такого рода утверждений является факт наличия у пазырыкцев сложной религиозно-мифологической системы и обрядовой практики. При этом важно отметить, что если ранее среди некоторых ученых была распространена только точка зрения о том, что религиозные обряды совершали шаманы-мужчины, то теперь эта роль отводилась, во-первых, жрецам (жрицам), а во-вторых, не только мужчинам, но и женщинам. Более того, гипотеза о выполнении жреческих функций в пазырыкском обществе женщинами представляется еще более убедительной, если принять во внимание, что у многих народов Евразии в скифскую эпоху отмечается именно такая ситуация (Смирнов К.Ф., 1964, с. 103, 254; Хазанов А.М., 1970, с. 139–143; Кадырбаев М.К., 1984, с. 84; Банников А.Л., 2000, с. 177–182; и др.). В то же время не стоит исключать возможность прямого участия мужчин в религиозной практике кочевников, что также известно по материалам синхронных культур. Например, по захоронению в кургане Иссык в Казахстане (Акишев А.К., 1984).

В определенной степени проблем социально-политического устройства пазырыкского социума коснулся Д.Г. Савинов. Прежде всего, исследователь поддержал концепцию «кочевой цивилизации» А.И. Мартынова (1989), одним из положений которой было признание существования у большинства кочевых обществ (в том числе у пазырыкцев) ранних форм государственных образований (Савинов Д.Г., 1993, с. 128). При этом ученый во всех своих работах характеризовал политическое устройство номадов Горного Алтая как объединение в форме союза племен (Савинов Д.Г., 1989, с. 12; 1993, с. 128–130). Вероятно, Д.Г. Савинов рассматривал «союз племен» как форму раннегосударственного образования у кочевников. Указывая на значительную степень социальной дифференциации пазырыкского общества, исследователь предлагал рассматривать «вождей» номадов Горного Алтая как прямых наследников «царя» из кургана Аржан. В конечном итоге, Д.Г. Савинов делает предположение, что центр пазырыкского союза племен мог находиться значительно южнее территории распространения пазырыкской культуры, «...где расположены собственно Пазырыкские курганы, возможно, представляющие своеобразные «герры» пазырыкского общества» (Савинов Д.Г., 1989, с. 12–13).

Раскопки в первой половине 90-х гг. курганов пазырыкской культуры на плато Укок предоставили в распоряжение исследователей существенную дополнительную информацию для проведения социальных реконструкций. Так, Н.В. Полосьмак, опираясь на анализ материалов из курганов с плоскогорья Укок, выделила новый признак социального статуса в пазырыкском социуме – головные уборы (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 43; 1999, с. 151). Войлочные и кожаные шлемы, по ее мнению, являлись атрибутами только воинов-всадников – основы пазырыкского общества. В этой связи факт нахождения такого головного убора с полным комплектом оружия в погребении женщины (курган №1 из могильника Ак-Алаха-I) является весьма своеобразным (Полосьмак Н.В., 2001а, с. 275–277). Н.В. Полосьмак обратила внимание на поминальный комплекс у этого объекта, отметив следующее: «Если одно кольцо можно считать свидетельством поминовения каждого из погребенных в небольшом кургане одной семьей, его ближайшими родственниками, то наличие семи колец... может быть доказательством того, что здесь одновременно совершали поминки семь отдельных групп, связанных узами родства и находившихся в подчинении у погребенного в большом кургане» (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 17). Не менее интересным представляется и другой материал исследовательницы. Например, одиночное расположение объекта №1 могильника Ак-Алаха-III. Погребенная в этом кургане женщина была, с точки зрения Н.В. Полосьмак (1994б, с. 3; 2001б, с. 85), жрицей. Своеобразное местонахождение кургана свидетельствует о том, что эта женщина существовала в своей посмерт-

ной жизни вне рода и семьи. В то же время могила «жрицы» не была спрятана, а сооружена в центральной части долины р. Ак-Алахи. Это должно было подчеркнуть ее принадлежность сразу ко всем семьям и родам пазырыкцев, зимовавших на плато Укок (Полосьмак Н.В., 1994б).

Другой исследователь, В.П. Мыльников, используя результаты своей работы на плоскогорье Укок, выделил особенности погребальных деревянных конструкций для различных социальных групп населения. Он отметил, что для элиты общества сооружались двухкамерные бревенчатые срубы с двойным бревенчатым потолком и дощатым полом, в которые помещались деревянные колоды с умершими. Представители средней знати хоронились в колодах или на ложе-кровати в однокамерных срубах без пола, в то время погребения рядовых кочевников характеризовались труположением на деревянном настиле или войлочной подстилке в малых срубах. Детей же погребали в маленьких срубах или колодах (Мыльников В.П., 1999, с. 43–44).

Достаточно основательно изучением социальной структуры пазырыкского общества занимался Л.С. Марсадолов (1997; 2000). Ученый ввел понятие «ранг кургана». Под ним он понимал определенные «скользящие» обрядовые группы одного социального слоя, представители которого по каким-то причинам использовали разные типы захоронений (Марсадолов Л.С., 1997б, с. 97). В качестве критериев для выделения рангов курганов использовались следующие показатели: 1) объем трудозатрат на погребение человека; 2) сложность и размеры погребального сооружения; 3) мумифицирование погребенных; 4) число сопроводительного захоронения лошадей (или их отсутствие) и их убранство; 5) количество и качество инвентаря; 6) наличие культовых и «престижных» предметов; 7) антропологический тип. На основании комплекса из 28 признаков Л.С. Марсадолов выделил девять рангов курганов. Первые два относились к группе больших курганов и принадлежали вождям племен, союзов племен и их ближайшим родственникам. Курганы III–IV ранга средней группы представлены погребениями племенной знати и ближайшими родственниками вождей племен. Третья группа малых курганов определяется V–VIII рангами. V ранг – это курганы родственников (+ детей) вождей и знати; VI ранг – погребения воинов, глав семей и родовых групп; VII – захоронения рядовых кочевников; VIII ранг – погребения младших членов семей и детей; IX – могильные сооружения «зависимых» людей – пленных, домашних рабов (слуг) (Марсадолов Л.С., 1997б, с. 97–99; 2000, с. 31–33). Исследователь обозначенные ранги курганов соотносит с конкретными погребениями пазырыкской культуры, отмечая при этом, что все ранги сосуществовали одновременно. Различие же между ними обусловлено «религиозно-социально-экономической... и семейной... стратификацией» кочевого общества (Марсадолов Л.С., 2000, с. 32).

Надо отметить, что Л.С. Марсадолов на сегодняшний день предложил наиболее сложную реконструкцию иерархической социальной структуры пазырыкского общества. Ученый уделит внимание таким типам стратификационных систем, как физико-генетическая, социальная, имущественная, этакратическая. В то же время он в меньшей степени рассматривал особенности других социальных структур, в частности, профессиональной. Особо следует отметить, что в предложенной социальной концепции не нашло отражение функционирования культурно-символической дифференциации (священнослужители, жречество и т.п.), несмотря на то, что сам автор признает существование таковой в пазырыкском социуме (Марсадолов Л.С., 2000, с. 32).

Заметный вклад Л.С. Марсадолов внес в изучение планиграфии пазырыкских могильников и в установлении ее связи с социальным развитием общества. Он привел основательные доказательства того, что для Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. характерно два основных способа формирования малых курганных групп на одном могильнике: 1) последовательный (от первого кургана к северу последовательно сооружались другие курганы); 2) чередую-

щийся (формирование могильника началось одновременно в нескольких местах на равном расстоянии друг от друга) (Марсадолов Л.С., 2000в, с. 72). Исследователь отметил, что первый способ характерен преимущественно для семейных могильников, а второй – для больших разделившихся семей и родовых групп. Он также подчеркнул, что формирование конкретных курганных цепочек зависело как от внешних, так и от внутренних факторов, поэтому к изучению каждого могильника надо подходить индивидуально, но с учетом общих закономерностей (Марсадолов Л.С., 2000а, с. 18–19; 2000в, с. 72; 1997а).

Вопросы социальной истории пазырыкцев в 90-е гг. затрагивались и другими исследователями. Так, Д.Е. Ануфриев представил структуру пазырыкского социума, в основу которой он положил «модель трехчленного деления общества». В результате рассмотрения элементов погребального обряда выделено несколько слоев: 1) зависимые люди (рабы); 2) рядовое свободное население; 3) жречество; 4) главы родов и семей; 5) «царские» курганы, принадлежащие «представителям аристократии и вождям племен и племенных союзов» (Ануфриев Д.Е., 1997, с. 110–111). Исследователь также предположил, что вожди и племенная аристократия, вероятно, были выходцами из одной родственной группы. Проведенное планиграфическое и сравнительное сопоставление могильников позволило прийти к выводу о господстве в скифское время у кочевников Алтая нуклеарной или ограниченно расширенной формы семьи во главе с мужчиной. На основе изучения географического расположения памятников пазырыкского времени Д.Е. Ануфриев высказал мысль о существовании пяти племенных центров: 1) Урсульский – в бассейне р. Урсул и среднем течении р. Катунь с центральными группами Шибе, Туекта и Башадар; 2) Чуйский – по р. Чуя, Чулышман и Пазырык; 3) Бухтарминский – вокруг кургана Берель; 4) Катандинский – памятники в бассейне р. Аргут и Коксу; 5) Укокский – на плато Укок и по притокам р. Чуи, возможно, с прилегающей территорией Северной Монголии (Там же, с. 110). Эту точку зрения поддержал С.А. Васютин (1999, с. 35), указав при этом на большую долю вероятности существования целостного пазырыкского объединения и наличия глав пазырыкских племен, в роли которых могли выступать люди, погребенные в курганах Пазырыка. Надо отметить, что образование единого политического объединения, очевидно, было обусловлено общим ходом культурно-исторических процессов в регионе и на сопредельных территориях, а также социально-экономическим уровнем развития кочевников Горного Алтая этого периода (Дашковский П.К., 2000, с. 42).

Определенные итоги и основные направления дальнейших палеосоциологических реконструкций были представлены С.А. Васютиным (1998а, б) сначала в диссертации «Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии», а затем в статье «Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений» (Васютин С.А., 1999, с. 31–35). Исследователь осветил основные аспекты изучения социальной истории населения Горного Алтая в раннескифское и пазырыкское время, суммировал главные выводы ученых в отношении социальной структуры кочевников, кочевой семьи, роли женщины и «зависимых людей» в пазырыкском обществе. Вслед за другими исследователями он попытался продемонстрировать взаимосвязь между социальной дифференциацией и планиграфией могильников, причем как для пазырыкского, так и для раннескифского времени. Кроме этого, С.А. Васютин предпринял попытку свести многочисленные признаки социальной дифференциации, выделенные разными специалистами, в пять основных групп: 1) параметры и сложность погребальных конструкций, объем трудовых затрат на их сооружение; 2) отсутствие или наличие сопроводительных захоронений лошадей и их количество; 3) количество, качество и категориальный состав инвентаря; 4) бальзамирование и его способы; 5) антропологические отличия. При этом исследователь отметил дифференцированность этих основных групп на подгруппы, а также обратил внимание на то, что указанные многочисленные признаки могут срабатывать как в сочетании друг с другом, так и по отдельности (Там же).

По итогам представленного обзора можно сделать вывод о том, что в пазырыкском обществе выделяется несколько различных по своим функциям структур, взаимодополняющих друг друга: физико-генетическая, семейно-брачная, профессиональная, имущественная, ранговая, религиозная, мифологическая. Довольно подробно разработан на основе всестороннего анализа погребального обряда и других источников комплекс критериев, позволяющий осуществлять в разных направлениях стратификацию номадов Горного Алтая. Политическое устройство пазырыкского общества представляло собой объединение, вероятно, в форме раннегосударственного образования, осуществляющее контроль нескольких провинций на Алтае и в прилегающих районах сопредельных территорий.

Несмотря на достигнутые успехи в области изучения социально-политической организации населения Алтая скифской эпохи, существует целый спектр концептуальных проблем и необходимость решения более частных моментов. Например, вопрос о выделении жречества у кочевников находится еще в стадии разработки. Отдельного изучения требует комплекс погребального инвентаря с установлением наиболее типичного набора предметов для каждой социальной единицы общества. Перспективным остается проведение палеодемографического анализа конкретных могильников, а также более обстоятельное рассмотрение политического устройства пазырыкского общества в контексте культурно-исторической ситуации той эпохи. Особое внимание следует обратить на разработку и совершенствование новых методик социальных реконструкций с привлечением данных современной социологической науки и компьютерных технологий.

В заключение представим ряд положений, позволяющих, на наш взгляд, определить необходимые условия и возможные пути решения имеющихся проблем.

1. Обязательно при реконструкции социальной организации древнего населения на основе археологических источников должно проводиться всестороннее и комплексное изучение имеющихся к этому времени материалов.

2. Важно широко использовать различные методы и подходы, позволяющие создать прочную информационную базу для дальнейших интерпретаций.

3. При моделировании социальных отношений необходимы выявленные закономерности на разных уровнях сравнения и обобщения, начиная с отдельных показателей или признаков до наиболее полных характеристик.

4. Оптимальным вариантом начала социальных исследований может стать выявленная половозрастная структура, которая лежит в основе социально-экономической организации общества. Данная закономерность обеспечивает решение сложных проблем интерпретации репрезентативных данных.

5. Следует отметить значимость проецирования на древнее общество известных тенденций и конкретных проявлений образа жизни людей, занятых какими-то видами деятельности на ограниченном природно-климатическом пространстве. Это особенно важно для территории Горного Алтая.

6. Специфика ведения хозяйства также определяет эффективность и многогранность социальной организации.

7. Необходимо учитывать военно-политическую структуру общества, особенно в условиях становления разных форм социально-политической организации.

8. Социально-политическое устройство древнего населения обязательно следует рассматривать в комплексе нескольких стратификационных систем.

Указанные направления не исчерпывают всего спектра рассмотренных задач. Поиск оптимальных путей реконструкции социальной организации древнего населения на определенной территории и в конкретную эпоху продолжается, но уже ясно, что без системы выявленных закономерностей разных уровней и без привлечения данных других наук обойтись невозможно.

Библиографический список

1. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
2. Алекшин В.А. К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 49–53.
3. Ануфриев Д.Е. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 108–111.
4. Банников А.Л. «Жертвенники» как социальный маркер (к вопросу о наличии жреческого слоя у кочевников Южного Урала) // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Уфа, 2000. С. 177–183.
5. Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998а. 288 с. (Библиотека НИИ ГИ при АГУ. №451).
6. Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998б. 23 с.
7. Васютин С.А. Проблемы изучения социальной организации кочевников скифского времени Горного Алтая по материалам погребений // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 31–35.
8. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
9. Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М., 1980. 256 с.
10. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. С. 399–411.
11. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
12. Дашковский П.К. Некоторые проблемы и направления изучения скифской эпохи Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 66–74.
13. Дашковский П.К. Проблемы изучения социальной организации пазырыкцев Горного Алтая // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 40–42.
14. Дашковский П.К. Проблема реконструкции социальной организации кочевников Горного Алтая скифской эпохи в творчестве С.И. Руденко // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001а. С. 109–112.
15. Дашковский П.К. К вопросу о служителях культа в пазырыкском обществе // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001б. С. 316–319.
16. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.
18. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
19. Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 312–339.
20. Кочеев В.А. Воины в социальной структуре пазырыкского общества // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. I. С. 70–71.
21. Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 105–118.
22. Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 112–114.
23. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
24. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.
25. Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая (опыт реконструкции) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. I. С. 23–27.

26. Курочкин Г.Н. Евроскифская и тагарская социальные модели // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. I. С. 36–39.
27. Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талдура). СПб., 1997а. 56 с.
28. Марсадолов Л.С. Социальные ранги курганов кочевников Алтая VI–IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 96–99.
29. Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000а. 56 с.
30. Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000б. С. 206–210.
31. Марсадолов Л.С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000в. С. 69–72.
32. Мартынов А.И. Скифо-сибирское единство как историческое явление // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 11–20.
33. Мартынов А.И. О хозяйственном освоении территорий скифо-сибирского мира // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 11–14.
34. Мартынов А.И. О концепции закономерностей исторических взаимоотношений обществ древнего мира и степной Евразии // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989а. С. 148–157.
35. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989б. С. 284–292.
36. Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. 144 с.
37. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
38. Миронов В.С. К вопросу о реконструкции этно-социальной структуры населения долины Средней Катунь в скифское время // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997а. №2. С. 13–19.
39. Миронов В.С. К вопросу о социальной структуре населения долины Средней Катунь в скифское время (по материалам погребальной обрядности) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 106–108.
40. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997. 195 с.
41. Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 134–138.
42. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск, 1994а. 125 с.
43. Полосьмак Н.В. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок // ALTAÏKA. Новосибирск, 1994б. №4. С. 3–10.
44. Полосьмак Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 148–151.
45. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001а. 336 с.: ил.
46. Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3 // Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2001б. С. 57–85.
47. Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. 268 с.
48. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
49. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 359 с.
50. Савинов Д.Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // Проблемы археологии и этнографии. Историческая этнография. СПб., 1993. Вып. 4. С. 128–135.
51. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 360 с.
52. Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 172–191.
53. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 23–39.

54. Суразаков А.С. О погребальных сооружениях пазырыкцев // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 71–73.
55. Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 72–87.
56. Суразаков А.С. Памятники скифского времени Горного Алтая и Восточного Казахстана // Маргулановские чтения 1990 г. М., 1992. С. 162–164.
57. Суразаков А.С. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 48–56.
58. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 20–54.
59. Тишкин А.А. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997а. С. 93–95.
60. Тишкин А.А. Необходимые условия и возможные пути реконструкции социальной организации на основе археологических источников // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997б. С. 53–55.
61. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. 736 с.
62. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. №2. С. 139–140.
63. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
64. Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальные структуры и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. II. С. 41–44.
65. Шульга П.И. «Индийские» зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 144–148.
66. Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №4. С. 82–91.
67. Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 245–250.
68. Шульга П.И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на р. Сентелек // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 215–218.

Я.В. Фролов

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул

СТАРОАЛЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА (по данным погребальной обрядности)

Основные проблемы в интерпретации могильников раннего железного века на территории Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья связаны с определением их культурной принадлежности. Сейчас существует несколько подходов к данной проблеме. Одни археологи рассматривают все памятники этого региона в рамках единой большереченской культуры, разделяя ее на несколько территориальных вариантов (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994; Алехин Ю.П., 1990), а другие специалисты выделяют здесь несколько археологических культур – каменскую, староалейскую и быстрианскую (Уманский А.П., 1980; Могильников В.А., 1997; Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1994; Лузин С.Ю., Тишкин А.А., 1999; Телегин А.Н., 1991; Киреев С.М., 1992; Матвеева Н.П., 1998).

Здесь следует отметить, что в последней своей работе Т.Н. Троицкая (2000) предложила новый подход к данной проблеме. Она выделяет большереченскую культурную общность, в которую входят культуры раннего железного века, выделенные в Верхнем Приобье (каменская, староалейская, быстрианская и кижировская или шеломокская). По ее мнению, эти культуры объединяет общая основа, на которой они сформировались – это местное население переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку. Этот подход нам кажется более конструктивным. Вне всякого сомнения, некоторая общность между вышеперечисленными культурами прослеживается. И она, на наш взгляд, обусловлена не столько общей основой, а скорее одинаковыми этническими компонентами, участвовавшими в сложении культур раннего железного века Верхнего Приобья. Преобладание той или иной группы населения в сложении культур на разных территориях региона и обусловило их специфические черты.

Сложности при изучении памятников эпохи раннего железа вызывает, с одной стороны, наличие многих сходных черт в материальной культуре и погребальной обрядности населения Верхнего Приобья, которые являются эпохальными чертами, характерными для многих культур азиатской части скифо-сибирского мира, а с другой – существование ряда объектов, где наблюдается смешение разных культурных традиций, являющееся свидетельством контактов между различными группами населения в этом регионе. Взаимодействие между различными культурными компонентами происходило в течение длительного времени, что еще больше затрудняет межкультурные сопоставления.

Староалейская археологическая культура была выделена в 1994 г. М.Т. Абдулганеевым, А.Л. Кунгуровым и Я.В. Фроловым. Основой для этого послужила группа грунтовых могильников и поселений, расположенных в Барнаульском Приобье. В основном они расположены на правом берегу в долине р. Оби или приурочены к берегу этой реки на левобережье.

Памятники отражают три стадии существования культуры: 1 – этап формирования VII–VI вв. до н.э. (МГК-I, могильники 1–3) (Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1995; Кунгуров А.Л., 1999); 2 – период стабилизации VI–IV вв. до н.э. (Обские Плесы-II, Фирсово-XIV, большая часть погребений на мог. Староалейка-II, Тузовские Бугры, БЕ-VII, Клепиково-I) (Грязнов М.П., 1956; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996; Шмидт А.В., Служак И.В., 1999; Фролов Я.В., 1994; Фролов Я.В., 1996); 3 – стадия трансформации культуры IV–II вв. до н.э. (БЕ-III, XII; МГК-I, могильник 5; часть погребений Фирсово-XI) (Грязнов М.П., 1956; Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999).

Наиболее четко, в своей «классической» форме, проявились черты культуры в могильниках второго периода. Это грунтовые некрополи. Захоронения на могильном поле распола-

гаются рядами, ориентированными по линиям ЮЗ-СВ и ЮВ-СЗ. В неглубоких (в среднем от 1,0 до 1,5 м глубиной) могилах умершие уложены вытянуто на спине (99,5%) головой на ЮЗ (87,3%), на СЗ (4,4%), З (4,4%). Остальные ориентировки в совокупности дают 3,9%. Деревянные конструкции в погребениях встречены довольно редко. Их нет в 62% захоронений. Среди зафиксированных случаев наличия деревянной конструкции на дне могилы перекрытия и обкладки могильных камер представлены в своем большинстве рамы из поставленных на ребро досок, они обнаружены в 92% захоронений, сруб – в 8% (причем все на мог. Староалейка-II) и перекрытием из одного продольного или двух: поперечного и продольного рядов досок (75,9%). Редко встречается бревенчатый накат из одного ряда бревен (20,7%) и лишь в двух случаях имеются многослойные бревенчатые перекрытия. Причем 86% бревенчатых перекрытий встречены на могильнике Староалейка-II. Подавляющее большинство могил – одиночные (95,5%). В редких случаях обнаружены парные захоронения (3,5%), наиболее часто встречаются захоронения женщины и ребенка (4 мог.). Единичны погребения двух взрослых. В основном, это мужчина и женщина (три могилы). В двух случаях зафиксированы погребения трех человек в одной могиле (взрослый и два ребенка).

В захоронениях обычной находкой являются керамические сосуды (52%). В большинстве случаев это закрытая банка (рис. 1.-19) или широкая чашка с уплощенным или круглым дном, украшенная одним рядом жемчужника (рис. 1.-20), реже это кувшиновидный сосуд (рис. 1.-6). Обращает на себя внимание отсутствие костей животных в погребениях (обнаружены только в 5,5% могил, из которых 72% в Староалейке-II). И в мужских, и в женских погребениях встречаются бронзовые ножи – 19 экз. (9,5%) (рис. 1.-23, 24), железные – обнаружены в редких случаях (3 экз.). Распространенной находкой являются бронзовые бляхи (рис. 1.-16, 25), встречающиеся как в поясных наборах, так и отдельно в виде украшений одежды (17 захоронений). Для мужских погребений характерно наличие вооружения – 36,6% (по данным мог. Фирсово-XIV): колчаных наборов (в среднем 5–6 наконечников стрел); бронзовых кельтов с лобным ушком (рис. 1.-15); бронзовых и железных кинжалов (рис. 1.-8); в одном случае обнаружен проушной топор-клевец (рис. 1.-22). Для женских захоронений обязательным атрибутом является керамическое пряслице с характерным орнаментом из заштрихованных треугольников или трапеций (рис. 1.-3, 4, 17) (встречено в 61% погребений). Наиболее типичные украшения: ожерелья из пастовых бус, нефритовых прямоугольных бусин-пронизей (рис. 1.-26), серьги с подвеской в виде цепочки (рис. 1.-13, 27), остатки высоких причесок, представленные скоплениями бронзовых и железных заколок – 57% могил (по данным мог. Фирсово-XIV). Встречаются петельчатые зеркала (рис. 1.-14, 28).

Погребальная обрядность памятников раннего периода, датирующихся кон. VII – нач. VI в. до н.э., несколько отличается от «классических» могильников. Так, на некрополях МГК-I, могильники 1–3, по всей видимости, существовали наряду с грунтовыми и курганные захоронения, которые отличаются большой глубиной (более 2,0 м) и наличием заплечиков (уступов). Обращает на себя внимание и отсутствие в большинстве могил керамики. Сосуды обнаружены только в 11% погребений (рис. 1.-5–7).

На последней стадии существования староалейской культуры (IV–II вв. до н.э.) наблюдается исчезновение многих самобытных черт ее погребальной обрядности. Могильники этого периода мало чем отличаются от некрополей каменной культуры. Их специфическими признаками являются только наличие грунтовых погребений на могильнике и юго-западная ориентировка умерших. Для поздних памятников, так же как и для каменных характерно наличие бревенчатых внутримогильных конструкций (около 50% погребений, где зафиксированы деревянные конструкции) и костей животных (30% захоронений).

О керамическом комплексе поселений и могильников староалейской культуры и его отличиях от материалов каменной и быстрианской культур довольно подробно говорится в монографии М.Т. Абдулганеева, В.Н. Владимирова (1996). Обращая основное внимание на

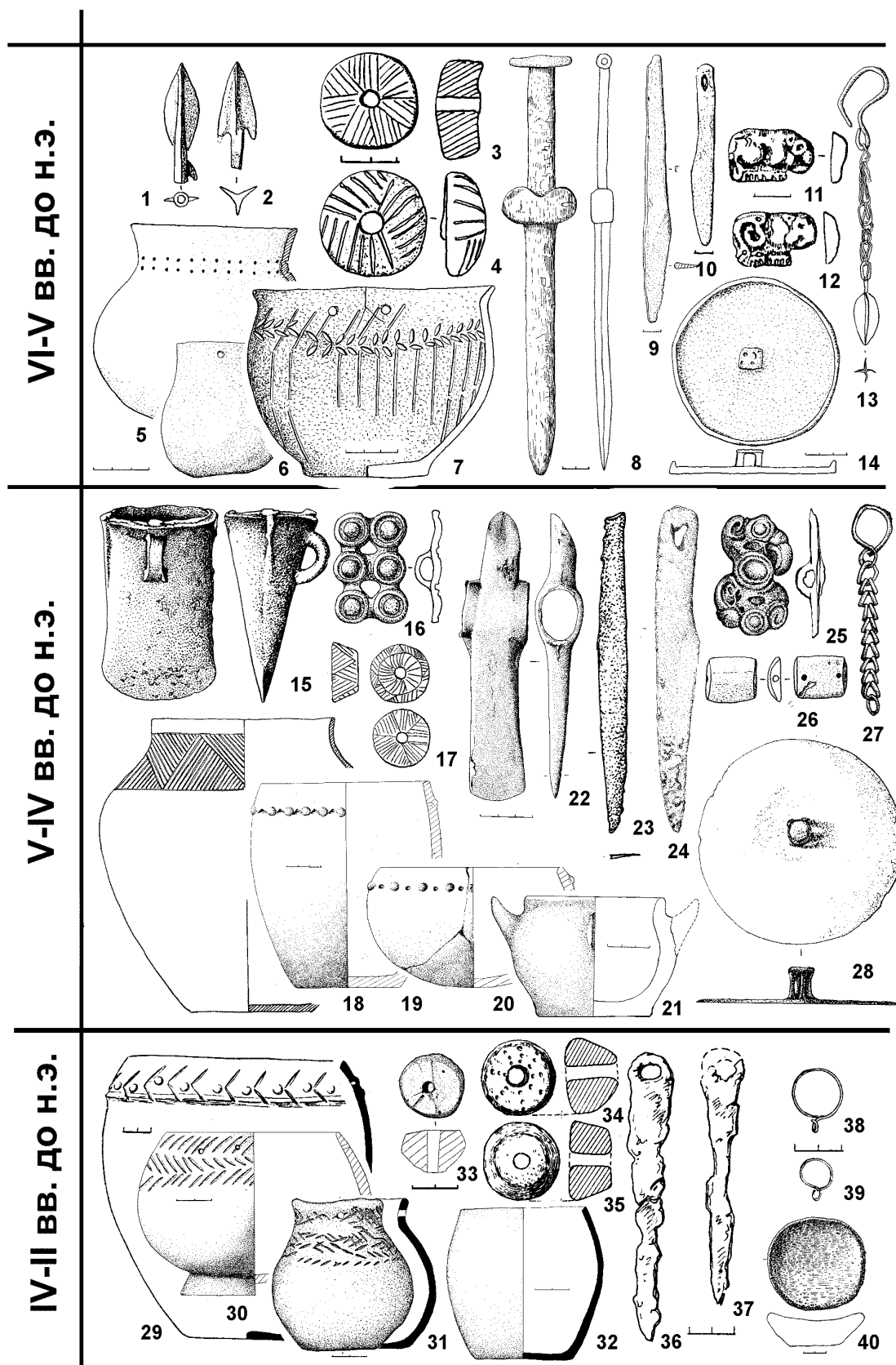

Рис. 1. 1–14 – Малый Гоньбинский кордон-I, могильники 1, 3; 15, 19–25, 27, 28 – Фирсово-XIV;
 16–17 – Староалейка-2; 18–16 – Обские Плесы-2; 29, 34, 35, 40 – Ближние Елбаны-XII;
 30–33 – Фирсово-XI; 36–39 – Ближние Елбаны-III. 1, 2, 9, 10, 14–16, 22–25, 27, 28, 38–39 – бронза;
 36, 37 – железо; 8 – бронза, железо; 11, 12 – золото; 13 – бронза, золото;
 3–7, 17–21, 29–35 – керамика; 40 – камень

орнаментацию сосудов, эти авторы считают, что для староалейских могильников характерна керамическая посуда, украшенная по венчику одним рядом жемчужника 41% и на 45% встречена другая орнаментация (елочка, ямки, наколы) (Там же, с. 61).

Если рассматривать керамику из могильников второй группы (периода стабилизации), то картина будет более четкой: примерно 65% сосудов орнаментировано. Преобладающим элементом орнамента является жемчужник – 53% сосудов, рядами ямок украшены 4% сосудов, елочным орнаментом – 7% керамической посуды.

По форме сосуды из могильников староалейской культуры можно разделить на четыре типа:

1. Открытые и закрытые банки, слабопрофилированные горшки, плоскодонные или с уплощенным дном (рис. 1.-18);
2. Кувшиновидные сосуды (рис. 1.-6);
3. Чашевидные сосуды (рис. 1.-20);
4. Крупные профилированные горшки, представляющие собой переходный тип от банки к кувшину (рис. 1.-18).

К первому типу относится 44% сосудов, обнаруженных в староалейских могильниках второй группы, сосудов второго типа (кувшиновидный) – 22%, третьего – 29% и четвертого – 3%.

На сосудах баночного типа преобладающим элементом орнамента является жемчужник – 70%, ямки присутствуют на 9% сосудов, елочка – также на 9%, без орнамента – 12%. Для кувшиновидных сосудов несколько иная пропорция – 20, 5, 40, 35% соответственно. Орнаментация чашек более консервативна: 60% – украшено жемчужником, 40% – не орнаментировано.

Особо следует остановиться на сосудах, орнаментированных пояском из взаимопроникающих заштрихованных треугольников (рис. 1.-18). Этот орнамент напоминает орнаментацию пряслиц староалейской культуры (рис. 1.-3,4,17). Сосудов, орнаментированных подобным образом, немного, но они известны на большинстве могильников «классической» группы (Фирсово-XIV, Обские Плесы-II, Староалейка-II, БЕ-VII, Клепиково-II) и на некоторых поселениях староалейской культуры (Обские Плесы-I и БЕ-12).

Следует отметить и наличие на могильниках Фирсово-XIV и Тузовские Бугры трех сосудов с выступами-ручками в виде рогообразных наделов в районе шейки (рис. 1.-21). Последние два описанные типа сосудов из памятников раннего железного века Верхнего Приобья характерны только для староалейской культуры.

Далее хотелось бы остановиться на некоторых типах предметов, присущих староалейским памятникам и отличающихся от других могильников скифского времени Верхнего Приобья. Их можно разделить на три группы:

1. Предметы, типичные только для староалейских захоронений (пряслица с характерным орнаментом (рис. 1.-3, 4, 17), бляхи с кругами – «жемчужинами» на щитке (рис. 1.-16).
2. Вещи, не обнаруженные в других памятниках скифского времени Верхнего Приобья, но встречающиеся на сопредельных территориях (кельты с лобным ушком (рис. 1.-15), серьги с подвесками в виде цепочек (рис. 1.-13, 27), высокие прически, плоские прямоугольные нефритовые бусы (рис. 1.-26), сосуды с ручками-налепами в виде рогов) (рис. 1.-21), сосуды с орнаментом в виде поясков взаимопроникающих заштрихованных треугольников) (рис. 1.-18).
3. Предметы, найденные в большом количестве в староалейских памятниках и довольно редко встречающиеся в могильниках Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья (бабочковидные бляхи, ланцетовидные ножи) (рис. 1.-25, 9, 23).

Вещи, входящие в первую группу, возможно, можно рассматривать как определяющие специфику культуры – культурноопределяющие (культурнодифференцирующие) признаки. Предметы второй и третьей групп демонстрируют, по-видимому, районы контактов населения староалейской культуры и территории иммиграции этнических компонентов, принявших участие в сложении культуры. Находки предметов третьей категории в каменных и

быстрянских погребениях, возможно, свидетельствуют о контактах между группами населения, оставившего эти памятники, и староалейскими племенами.

Таким образом, по материалам погребального обряда выясняется неоднородность староалейских памятников, которая объясняется процессами становления и развития культуры.

Возникновение культуры в VI в. до н.э. связано со смешением на территории Барнаульского Приобья нескольких компонентов: местного населения (большереченской культуры) и прошлого (носители традиций культур скифского круга и, возможно, южно-таежного населения).

До сих пор неясен состав мигрантов на территорию Верхнего Приобья и степень участия выявленных компонентов в формировании культуры. Так, на наш взгляд, нельзя однозначно связывать миграцию скифоидного населения с продвижением саков из Приаралья, так как и там появление черт, объединяющих их с могильниками староалейской культуры, связывают с появлением в VI в. до н.э. нового населения (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, с. 70–71). Последние находки крупных курганных погребений, обнаруживающих сходство с захоронениями саков Приаралья, в Кулунде (Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998; Телегин А.Н., 1996; Он же, 1997), наличие похожих памятников в Восточном Казахстане (Чиликтинский курган) (Черников С.С., 1965) позволяют говорить о Восточном Казахстане и южных районах Кулунды как о возможных территориях, откуда происходила миграция как в Верхнее Приобье, так и, возможно, в Приаралье.

Находки бронзовых изделий, имеющих аналогии в памятниках VI–V вв. до н.э. северных предгорий Алтая, Средней Катуни, Тувы и Ордоса, позволяют говорить и еще об одном (восточном) направлении миграции на территорию Барнаульского Приобья (Фролов Я.В., 1999).

Наличие в составе населения VI–V вв. до н.э. Верхнего Приобья низколицых таежных монголоидов и находки в южно-таежных районах Западной Сибири предметов, сходных с инвентарем ряда памятников Южной Сибири (бабочковидные бляхи, кельты с лобным ушком и т.д.), близость материалов кижировской (шеломокской) культуры со староалейскими памятниками указывают на северные районы контактов населения староалейской культуры (Фролов Я.В., 1999). По всей видимости, эти контакты были многогранны – с одной стороны, наблюдается непосредственное проникновение в южные районы Верхнего Приобья таежного населения, а с другой – распространение некоторых культурных элементов скифского мира в южно-таежных районах (скифизация?). Судя по типам инвентаря, пик этих контактов приходится на VI–V вв. до н.э., а после IV в. до н.э. они затухают. По всей видимости, в скифское время таких интенсивных контактов уже не было, так как дальнейшее развитие типов инвентаря, связанных с культурами скифо-сибирского круга в таежных районах, в типологическом плане продолжает традиции именно вещей, бытовавших в VI–V вв. до н.э.

Как уже отмечалось ранее, участие местного компонента (населения большереченской культуры переходного времени) в сложении культур раннего железного века не является ведущим. Ни по инвентарю (кроме керамики), ни по погребальному обряду не наблюдается культурной преемственности (Фролов Я.В., 1999). Вероятно, смена большереченской (VIII–VI вв. до н.э.) и староалейской культур происходила в ходе серьезной конфронтации (наличие городищ, пожарищ на поселениях, многочисленных следов травматических повреждений на костяках большереченцев).

С продвижением в V в. до н.э. в степные районы Верхнего Приобья новых групп кочевников и формированием каменной культуры начинаются интенсивные контакты между староалейским населением и каменцами. По-видимому, последние доминировали в регионе, но контакты их со староалейцами носили мирный характер. В это время появляется ряд памятников смешанного типа V–IV вв. до н.э. в районах Барнаульского Обского левобережья (типа Староалейки-II, Беспалово-I, Усть-Иштовки-I, Усть-Алейки-фермы и т.д.) (Фролов Я.В., 2000, с. 171–172). Интенсивные процессы ассимиляции привели к тому, что в памятниках IV–III вв. до н.э. на территории Барнаульского Приобья исчезает большинство культурно определяющих черт староалейской культуры (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, с. 225–226; Фролов Я.В., 2000; 2000а).

Так называемые позднестароалейские памятники и по инвентарю (рис. 1.-30–40), и по основным чертам погребального обряда одинаковы с каменскими. Единственное отличие – это наличие грунтовых захоронений и сохранение некоторых традиций в изготовлении керамической посуды. По всей видимости, к III–II вв. до н.э. в Барнаульском Приобье уже существовала единая группа населения. В памятниках этого времени ведущими являются черты каменной культуры.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI–II вв. до н.э. Барнаул, 1997. 148 с.
2. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Староалейская культура // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 52–55.
3. Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в V–I вв. до н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 276 с.
4. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.
5. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М.; Л., 1956. №48. 256 с.
6. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997. 188 с.
7. Киреев С.М. Погребения быстринской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 54–58.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.
9. Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.
10. Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Могильник раннего железного века на МГК-1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 94–99.
11. Лузин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Заимка-I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 149–160.
12. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (Ранний железный век лесостепной и подтаежной зон): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1998. 46 с.
13. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
14. Телегин А.Н. К реконструкции исторической ситуации в Верхнем Приобье в эпоху раннего железа // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск, 1991. С. 138–149.
15. Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 138–141.
16. Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 140–142.
17. Троицкая Т.Н. Характер взаимосвязей кулайской культуры с культурами большереченской общности // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 120–121.
18. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
19. Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века на Алтае // Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980. С. 50–53.
20. Фролов Я.В. К вопросу о погребальном обряде могильников переходного времени от бронзы к железу на Ближних Елбанах // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 80–81.

21. Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково-1 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 135–143.
22. Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 216–217.
23. Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 75–82.
24. Фролов Я.В. Вещевой комплекс могильника раннего железного века Кордон // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. С. 169–171.
25. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.
26. Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. 192 с.
27. Шамшин А.Б., Язовская А.Н. Могильник раннего железного века Нижний Кучук-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 153–157.
28. Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. С. 110–113.

О.И. Чекрыжова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОБРАЗ ОРЛИНОГОЛОВОГО ГРИФОНА В ИСКУССТВЕ СТЕПЕЙ И ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

Образ грифона – наиболее яркий из всех изображений фантастических существ в древнем искусстве. Этот образ занимает ведущее место и представлен двумя типами: орлиноголовым и львиноголовым. В последнее время на территории лесостепного, степного и предгорного Алтая найдено значительное количество предметов мелкой пластики из бронзы, железа, рога и кости декорированных изображениями этого полиморфного существа.

Образы грифонов или грифопоподобных существ можно разделить на сюжетные изображения фигур грифона, голов грифонов и декоративное стилизованное изображение головы грифона в виде мотива «запятой», выполненные в технике круглой скульптуры и в рельефах.

Изображения фигур грифонов включены в популярные в скифском искусстве сцены терзания. Наиболее показательна в этом плане сцена на поясной пряжке из могильника Новотроицк-II (Могильников В.А., Уманский А.П., 1991, рис. 1–2). На пряжке изображен грифон, терзающий горного козла – архара. Композиция очень динамична: архар с вывернутым крупом, сверху на него нападает грифон. У грифона тело кошачьего хищника показано в профиль, два крыла с проработанными перьями взметнулись ввысь, он словно парит над своей жертвой, орлиная голова с мощным загнутым клювом на длинной изогнутой шее с гривой. Глаз удлинённый, на голове хохолок и ухо нечеткой формы.

Вторая сцена терзания изображена на парных полукруглых поясных бляшках из могильника ЦРК (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 1.-12). Изображение в достаточной мере схематично, хотя сцена легко читается, но облик грифона и терзаемого копытного лишены деталей и очень обобщены. В целом композиция сцены подчинена форме изделия. Рога оленя (?) расположены по окружности, по краю бляхи.

Сверху на оленя нападает орлиноголовый грифон. Силуэт тела хищника с загнутым кверху хвостом и парой плавно S-образно изогнутых крыльев достаточно схематичен и практически лишен мелких деталей. Голова – с огромным крючковатым клювом и треугольным хохолком, оформленным парой валиков (возможно, таким образом трактованы витые рога).

Особый интерес представляет стиль изображений на обеих бляхах, выполненных в различных техниках. Иконографическая схема изображения находит достаточно широкий круг аналогий, происходящих из курганов Горного Алтая (I Пазырыкский, II Пазырыкский). Стилистически наибольшую близость демонстрируют изображения, выполненные в технике аппликации из ткани и войлока из I и III Пазырыкских курганов (Артамонов М.И., 1973, рис. 298; Баркова Л.Л., 1987, рис. 11).

Но если в технике аппликации известная схематичность и упрощенность образов является необходимой, то применение декоративных приемов в технике бронзового литья может говорить о копировании этих образцов, а значит о заимствовании мотива с территории Горного Алтая.

Сцены терзания – вполне закономерное явление в искусстве эпохи, когда военные набеги и столкновения были нормальными и частыми явлениями, а отношения между людьми устанавливались соотношениями их сил. Эти сцены – отражение реальности, посредством воплощения ее в образы различных существ, борющихся между собой, в том числе и фантастических.

Изображения голов грифонов выполнены из различных материалов (бронза, железо, рог) в техниках круглой скульптуры и в рельефе. Следует отметить, что не всегда с полной уверенностью можно различать изображения головы грифона и головы хищной птицы. До-

статочно часто эти образы объединяют, но некоторые исследователи склонны различать их (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1984, с. 92). Наличие ушей считается основанием для различения этих мотивов. Однако есть они или нет, это не отражает содержания образа. В настоящей работе учтены только те предметы, на которых изображаемый образ бесспорно соответствует иконографической схеме головы грифона.

Три скульптурных изображения головок на невысоких стойках являются, по-видимому, деталями украшения конской сбруи из могильника Рогозиха-I. В той же манере выполнена четвертая головка на высокой стойке, но в технике барельефа. Все четыре предмета отличаются высоким мастерством и техника исполнения. Для изображений характерен мощный сомкнутый клюв крючковидной формы, достаточно сильно загнутый к низу, на котором выделена восковица. Глаз удлинённой, миндалевидной формы, окантован слабым валиком, хохолок небольшой, подтреугольной формы, плавно загнут назад, рельефом показана щека и каплевидной выпуклостью – уши существа. Подобная манера трактовки образа орлиноголового грифона наиболее близка предметам, происходящим с территории Горного Алтая, хотя в иконографическом плане круг аналогий значительно шире. Л.Л. Баркова отмечает, что подобный стиль трактовки мотива головы хищной птицы или орлиноголового грифона характерен для изображений из курганов Центрального Алтая (Башадар), в отличие от Горного Алтая, где подобные изображения визуально делятся на две части и не имеют целостности. В алтайском искусстве раннего железного века Л.Л. Баркова выделяет несколько иконографических типов образа орлиноголового грифона, среди которых основные типы – «голова хищной птицы» и «орлиноголовый грифон». Изображения из рогозихинских курганов могут быть отнесены скорее к типу орлиноголовых грифонов, хотя им присущи и черты, характерные для типа «голова хищной птицы» (Баркова Л.Л., 1987, с. 5–29).

Навершия кинжалов оформлены в виде двух обращенных друг к другу головок грифонов на общей шее. Один из кинжалов происходит из могильника Староалейка-II (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 15.-1). К сожалению, изображение не очень четкое, и поэтому сложно выделить его стилистические особенности. Второй происходит из района села Рогозихи и является случайной находкой (Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б., 2001, рис. 1). Третий кинжал, до недавнего времени обозначенный как находка из села Кумуртук Горного Алтая, по последним исследованиям найден в районе села Клепиково (Фролов Я.В., 2001, рис. 1.-1).

Навершия всех трех кинжалов оформлены в виде популярного мотива в декоре – двух головок грифонов, обращенных друг к другу на общей изогнутой шее. Объемные головки выполнены в технике круглой скульптуры. Как отмечалось выше, сохранность кинжала из Староалейки-II не позволяет говорить о стилистических особенностях изображения, так как оно слишком схематично, хотя сюжет легко узнаваем. Кинжал из Клепиково в 1927 г. был украден из экспозиции Барнаульского музея, он известен автору по рисунку 20-х гг. Головки грифонов с мощными, с выделенной восковицей, клювами, не соприкасаются между собой. Глаза небольшие, скорее продолговатой формы, ушки очень маленькие, выходят за абрис головы, скула, видимо, обозначена складкой.

Навершие кинжала из Рогозихи прекрасной сохранности, предоставляет богатый материал для стилистического анализа. Небольшие птичьи головки соприкасаются мощными, круто загнутыми клювами, ротовая щель передана углубленной линией, на верхней створке клюва обозначена восковица, с одной стороны просматривается ее рельефное оформление, другая сторона сохранилась хуже и рельеф на ней не фиксируется. Объемом выделена нижняя челюсть, глаз каплевидной формы с небольшим рельефным ободком, ухо круглое, значительно выступающее за контур головы, оформлено завитком. Моделировка форм головок достаточно резкая, но тщательная и детальная.

Мотивы декора кинжалов из Клепиково и Староалейки-II, в плане стиля, наиболее близки тагарским изделиям. Стиль исполнения скульптурных изображений головок грифонов рогозихинского кинжала близок стилистическим особенностям тагарского звериного стиля (Завитухина М.П., 1983, с. 17), хотя прослеживаются и параллели с предметами искусства древнего Алтая, происходящими из Туэктинских, Башадарских и Пазырыкских курганов (Баркова Л.Л., 1987, с. 5). В тагарском искусстве алтайским изображениям голов грифонов наиболее близко по стилю и по характеру моделировки формы изображение, декорирующее железный кинжал, найденный близ села Батой Красноярского края (Артамонов М.И., 1973, ил. 119; Завитухина М.П., 1983, рис. 202) и биметаллический кинжал с железной рукоятью из села Батени Минусинского округа (Завитухина М.П., 1983, рис. 201). Несколько иначе моделирована форма, но очень типологически близко изображения на железном кинжале из села Кордачина близ Красноярска (Завитухина М.П., 1983, рис. 214) и кинжале из села Знаменка Минусинского округа (Завитухина М.П., 1983, рис. 198).

Высокий уровень технического исполнения, лаконичный композиционный строй, декоративность изображения, общие стилистические особенности в изобразительных приемах трактовки ушей, клюва грифона позволяют говорить о чертах так называемого алтайского стиля в Минусинском искусстве (Членова Н.Л., 1967, с. 137), связываемого Н.Л. Членовой с оформлением ушей спиральными завитками и восковицей на клюве грифонов. Эти перемены происходят в тагарском искусстве в V в. до н.э.

Собственно же «алтайский» звериный стиль, в сравнении с «минусинским», более близкий к искусству Ближнего и Среднего Востока, тяготеет к плавным декоративным линиям, но в то же время более динамичен и реалистичен.

Роговые псалии из кургана 1 могильника Красный Яр (Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999, рис. 3.-1,2). Два двудырчатых псалия с зооморфным декором окончаний. Все четыре изображения выполнены в единой манере, за исключением незначительных различий в деталях. Глаза небольшие, каплевидной формы. По два ушка подтреугольной формы, оформленные внутри небольшим углублением той же формы. За ушками по несколько каплевидных рельефов, заканчивающихся треугольным элементом, вероятно, обозначающем гриву. Клюв спиралевидно закручен и оформлен двумя каплевидными, удлиненными линиями. Шея существа оформлена несколькими декоративными элементами сегментарной формы дублирующими каплевидные рельефы. Моделировка рельефа, отдельные характерные детали и общая стилистика изображения позволяют в первую очередь провести аналогии с резными деревянными изделиями, происходящими из районов Горного Алтая. Во-первых, это деревянные псалии из 22 кургана могильника Юстыд-XII (Кубарев В.Д., 1991, табл. LI.-2) и I Пазырыкского кургана (Баркова Л.Л., 1987, рис. 7.-1). Кроме того, отдельные стилистические элементы находят свои параллели в изображении деревянного грифона из I Туэктинского кургана (Артамонов М.И., 1973, рис. 91) и грифонов, составляющих геральдическую композицию из II Пазырыкского кургана (Баркова Л.Л., 1987, рис. 10).

Колчаный крюк из Новообинского кургана (Иванов Г.Е., Медникова Э.М., 1982, рис. 1.-12). Одна сторона его оформлена в виде схематичного изображения головы грифона или хищной птицы. Рот, глаз и ухо трактованы рельефными валиками. Клюв, узкий и длинный, загнут в соответствии с назначением предмета.

Головка ушастого грифона из могильника Красный Яр (Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999, рис. 3.-3), с небольшим круглым глазом, круглым ухом, оформленным внутри спиралевидным завитком, мощным, толстым клювом с восковицей, трактованной рельефным углублением в виде подтреугольного сегмента – характерной стилистической деталью оформления произведений скифского искусства Горного Алтая, выполненных в технике резьбы по дереву.

Роговой псалий из могильника Аэродромный (Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982, рис. 4.-1). Острый конец его оформлен в виде декоративной головы грифона с большим круглым глазом, длинным острым клювом и круглым ухом.

В рельефах, так же как и в круглой скульптуре, наиболее многочисленны изображения голов грифонов.

С могильника Фирсово-XIV происходят три однотипных S-овидных бляшки, декорированных парными изображениями голов грифонов, скомпонованными по типу диагональной симметрии. Иконографический тип блях совершенно одинаков, однако различия стиля изображений довольно ощутимы.

Бляшка из могилы №184 (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 1.-6) имеет наиболее гармоничную композицию. Изображение грифона визуально делится на несколько частей. Большой круглый глаз, оформленный валиком, к которому примыкает загнутый в спираль клюв с выделенной восковицей и ухо круглой формы, оформленное спиралевидным завитком, за ухом расположен направленный вниз хохолок. В целом все детали изображения имеют плавные формы и хорошо гармонируют между собой в уравновешенную композицию.

Бляшка из могилы №205 (Фролов Я.В., Шамшин А.Б., 1999, рис. 1.-18) несколько меньше по размеру и отлична по манере исполнения, хотя по иконографии близка первой. Круглый глаз существа оформлен двумя валиками, щеки – овальными углублениями, иначе трактована восковица, клюв загнут вниз. Ухо оформлено аналогично, но оно подовальной формы. Композиционный центр всего изображения выделен круглой выпуклостью, оформленной двумя валиками. В целом это изображение отличается от первого меньшей гармоничностью отдельных элементов и изяществом исполнения.

Бляшка из могилы №307 (Там же, рис. 1.-8) еще более отлична по стилю и иконографии. Композиция ее несколько геометризована и имеет подпрямоугольную форму. Изображения двух голов грифонов скомпонованы симметрично композиционному центру в виде полукруглой выпуклости с одним валиком. Глаз грифона большой и круглый, оформлен понижением рельефа и валиком, клюв без восковицы правильным полукругом загнут вниз и оформлен рельефными валиками. Ухо также круглое, оформлено внутри круглым углублением, от него вертикально вниз опускается хохолок, декорированный такими же валиками, как и клюв грифона. Между глазами и композиционным центром помещен еще один элемент изображения – круг с валиком – вероятнее всего, таким образом трактуется щека.

Как было сказано выше, все три бляхи происходят с одного могильника, но при этом они значительно отличаются в стилистическом плане, что может свидетельствовать о разных истоках каждого изделия.

Бляшка из Новоалтайского могильника (фонды АГКМ) в виде четырех попарно расположенных на общих шеях головок хищных птиц или грифонов. Эта бляха также имеет композиционный центр в виде круглой выпуклости. Изображение в достаточной мере схематично. Глаза небольшие, круглой формы, обозначены небольшим углублением. Ухо трактовано круглой прорезью, от которой прочерчена S-овидная линия, обозначающая восковицу. Клюв массивен и достаточно сильно загнут, оформлен прорезью в виде запятой. Кроме того, сквозная прорезь в виде запятой оформляет шею каждой головки.

Костяная накладка с изображением головы грифона из могильника Рогозиха-I достаточно схематична, выделяются крупный загнутый клюв, глаз миндалевидной формы.

Декоративные мотивы в виде сильно стилизованных голов грифонов достаточно многочисленны. Мотив запятой представляет собой трансформированный в декоративный элемент орнамента образ головы птицы или грифона, несущий основные их признаки – большой глаз и изогнутый клюв. М.И. Артамонов (1968, с. 40) рассматривал отдельное изображение головки хищной птицы как промежуточное между образом птицы и декоративным орнаментом-запятой. В памятниках лесостепного и предгорного Алтая декоративные мотивы

вы, восходящие к образу орлиноголового грифона, представлены несколькими разновидностями. Н.Л. Членова (1967, с. 137) для характеристики данного мотива стилизации употребляет термин «растительный».

Чистый мотив стилизации – «запятая» – представлен несколькими предметами, происходящими из разных памятников. Это «запятая» из Рогозихи-I (Уманский А.П., 1992, рис. 6.-1) и «запятая» из Елунинского курганного могильника (Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, рис. 3.-4), которая отличается моделировкой поверхности спиралевидным завитком. Подобный тип бляшек встречается в Тагарской культуре (Членова Н.Л., 1967, таб. 34.-12). Н.Л. Членова определяет форму бляшек, как «в виде спирали с загнутым клювом» и указывает на многочисленные горно-алтайские аналогии.

Кроме того, в специальной литературе со стилизованным образом грифона связывается мотив «спирали». Такие бляшки происходят из могильника Обские Плесы-II (Кирюшин Ю.Ф., 1984, рис. 1.-3; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 14.-4) и Клепиково (Фролов Я.В., 2001, рис. 1.-5), помимо этого мотив спирали украшает бронзовый чекан, случайно найденный в районе с. Новосклюихи (Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, рис. 3.-8). Ближайшую аналогию ему представляет чекан с таким же декоративным элементом под бойком, найденный близ с. Горбуново Усть-Коксинского района (Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А., 1999, рис. 3.-4). Причем многочисленные примеры декорирования чеканов этим мотивом встречаются в тагарском искусстве (Членова Н.Л., 1967, таб. 7.-8, 9, 11, 12, 15, 16) с конца VI в. до н.э.

Мотив «запятой» декорирует так называемые бабочковидные бляхи, достаточно широко встречающиеся в памятниках различных культур эпохи железа. Бляхи несколько разнятся по форме на S-овидные: с круглыми фестончатыми крыльями и бантовидной формы, а также по способу нанесения орнамента: в виде прорезей или углублений; кроме того, по-разному оформлен композиционный центр блях либо в виде цилиндрической, либо круглой выпуклости.

Бабочковидные бронзовые бляхи с фестончатыми круглыми краями представлены 18 экземплярами (Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 14.-5, 6, 7, 8; рис. 15.-11; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 5.-10, 11, 12; рис. 15.-5, 6, 8; рис. 16.-4, 5; Фролов Я.В., 1997, рис. 1.-4, 5; фонды Музея археологии и этнографии Алтая при АГУ).

Одна бляха из могильника Раздумье-IV (Уманский А.П., 1995, рис. 2.-6) восьмерковидной формы, декорирована несколькими спиралевидными завитками.

Три S-овидные бронзовые бляхи: две из Фирсово (фонды Музея археологии и этнографии Алтая при АГУ) и одна из Староалейки-II (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1996, рис. 16.-8).

Восемь бантовидных блях. Четыре бронзовых бляхи оформлены мотивом запятой на крыльях (Полторацкая В.Н., 1961, рис. 6.-7, 8, 9; Иванов Г.Е., 2000, рис. 15.-24, фонды Историко-краеведческого музея БГПУ); две, также бронзовые, из могильника Аэродромный оформлены сразу несколькими запятыми (Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., 1982, рис. 2.-3, 4) и две – без всякого декора из железа, сохранившиеся в обломках (Полторацкая В.Н., 1961, рис. 6.-2). Подобные бляхи довольно широко встречаются в памятниках раннего железного века на территории лесостепного и Горного Алтая и сопредельных им территориях.

Несколько другую разновидность стилизованного изображения головы грифона представляет мотив запятой в сочетании с зубчатым гребнем. Подобным образом оформлена ручка зеркала из могильника Раздумье-IV (Уманский А.П., 1995, рис. 2.-6). Этот декоративный прием чаще встречается в оформлении ворворок, верхний край которых трактован в виде зубчатого гребня и дополнен изображением «запятой». Четыре такие ворворки найдены в могильниках Рогозиха-I (Уманский А.П., 1992, рис. 6.-11, 12), Бийск-I (Завитухина М.П., 1961, рис. 7.-6), Майма-XIX (Киреев С.М., 1992, рис. 4.-4). Немного иначе оформлены пять литых бронзовых ворворок в виде розеток, увенчанных стилизованными головками грифонов с зубчатым гребнем и загну-

тым в кольцо клювом (Уманский А.П., 1998, рис. 2.-2, 3, 5) из могильника Раздумье-IV. Подобные изделия встречаются в Пазырыке, Юстыде и других предметах из Горного Алтая.

Образ хищной птицы, вероятно, грифа, иконографическими признаками которого являются большой круглый глаз и мощный клюв с восковицей, но без ушей и гребня, которые считаются принадлежностью образа грифона, достаточно распространен, и, вероятно, явился основой полиморфных изображений грифонов.

Грифон – наиболее часто встречающийся образ в искусстве раннего железного века на обширной территории Евразии. Грифонами принято называть крылатых зверей с телом хищника, но обладающих признаками некоторых других животных.

В эпоху греческой архаики (VIII–VI вв. до н.э.) сложился тип орлиноголового грифона с длинными, вертикально стоящими ушами, раскрытым клювом, в котором, как правило, виден язык, и с крыльями с характерным серповидным изгибом (Переводчикова, 1994, с. 50).

Грифон – это образ, пришедший к нам из греческой мифологии. Классические изображения греческих грифонов в IV в. до н.э. представляют собой фантастических полиморфных существ с телом кошачьего хищника с крыльями, головой хищной птицы с ушами, часто увенчанной рогами (Заморовский В., 1994, с. 118). Эти существа имеют уже ряд отличий от грифонов раннегреческого типа. Их крылья по форме близки к естественным птичьим. Уши становятся меньших размеров, вдоль шеи проходит зубчатый гребень (Переводчикова Е.В., 1994, с. 52). В скифском искусстве эти типы грифонов практически не воспроизводятся (Руденко С.И., 1953, табл. СІХ, 2).

Грифоны персидского (ахеменидского) типа – с головой хищной птицы, туловищем зверя, с рогами горного козла, характерным образом изогнутыми, но они не имеют гребня и хохолка. Такие существа, но с львиной головой – распространенный мотив декора предметов сибирской коллекции Петра I. Это так называемые львиноголовые грифоны.

В древнеегипетской книге «О двух путях» грифы называются в числе персонажей подземного мира наряду со страшными чудовищами. В античной литературе о грифах – грифонах, стерегущих золото, писал Геродот (Геродот IV, 13), который считал, что эти чудовища, с львиными телами и орлиными крыльями и когтями, живут на крайнем севере Азии. По описанию Аристия Проконесского «грифы – существа, похожие на львов, но с крыльями и орлиным клювом» (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 102). В античной литературе вплоть до средневековья грифоны связываются со скифским миром. Считалось, что грифы охраняют золото от одноглазых аримаспов или золотоискателей, которые выкапывают его из подземных шахт.

В более позднее время греки думали, что грифоны живут в Индии или Бактрии (Пьянков И.В., 1976, с. 19). В Бактрии эти существа вырывали из земли золото и делали из него гнезда, а люди подбирали обломки этих гнезд (Заморовский В., 1994, с. 118–119). Но в Азии бытовал образ собакоподобного грифона, якобы рожденного от хищной птицы – грифа.

В восточной традиции первые упоминания о фантастическом крылатом существе встречаются в ведийских гимнах. Птица Гаруда – образ древнеиндийской мифологии, связана со сказаниями о соме (священном растении, из которого готовится напиток бессмертия), принесенной с небес, рожденной на горе и похищенной с горной вершины. Эпос рисует красочный облик Гаруды – тело из золота, крылья красного цвета, голова человека, но с клювом.

В Авесте приведен образ птицы Варагн, «хватающей снизу добычу когтями, клюющей ее сверху, из всех птиц быстрее, проворнейшей из летающих. Она одна из всех живых существ догоняет стрелу на лету». С похищением чудесного растения – сомы в авестийской традиции связана птица Саена. Зороастрийские тексты причисляют ее к птицам, но вообще «Саена не единой природы, она о трех естествах» (Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983, с. 126). Эта же легендарная птица появляется в «Шахнаме» Фирдоуси под именем Симург. Симург обитает на горе, которая поднялась от земли до звезд (Бонград-Левин Г.М., Грантовский Э.А., 1983, с. 127).

Изображения грифов – грифонов, происходящие с территории степного, лесостепного и предгорного Алтая, имеют ряд специфических черт. В первую очередь, это, конечно, птичья голова с мощным клювом, снабжена ушами, обычно волчьими и с глазами миндалевидной или удлинённой формы.

Черты волка, собаки или кошачьего хищника, льва или тигра, – вероятно, отражение среднеазиатского влияния на формирование образа алтайского грифона. Возможно, следует различать изображения грифонов, наделённых волчьими чертами, от грифонов с чертами кошачьего хищника.

Реальная птица гриф, обитающая в Алтайских горах, – крупный стервятник, чей голос похож на тьяканье собаки (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., 1984, с. 93), питающий падалью. И, возможно, именно эти обстоятельства, объединяющие грифов с волками и шакалами, обусловили хтонический характер их образов и способствовали определению места этих образов в трехчленной модели мира в нижней его части.

Однако образ волка присутствует в культурах разных народов и почти всегда выступает в связи с подземным, загробным миром (Анубис, Цербер, собаки Ямы). Возможно, это обусловлено тем, что многие волки, шакалы поедают падаль, т.е. перемещают в мир иной. В обыденном мировоззрении многих народов вой собак или волков предвещает смерть. Известна зороастрийская погребальная обрядность, когда тела умерших выставляли на поедание собакам и птицам. Все эти факты рассматриваются исследователями как отголоски древнего представления о тотемной собаке-«погребателе», поскольку современной фольклористикой твердо установлено, что мифические животные, прежде чем стать «переносчиками», «проводящими» и «стражами», были «поглотителями» (Рапорт, 1971, с. 17).

Образ грифона, распространенный в скифо-сибирском искусстве, по иконографии наиболее близок среднеазиатским образцам. На территории Средней Азии этот образ сохраняется до монгольского нашествия, но его трактовка имеет преимущественно декоративно-орнаментальное звучание, а в основе, вероятно, лежит фольклорное начало. После XIII в. его изображение в среднеазиатском искусстве не встречается (Хакимов А.А., 1983, с. 103).

Таким образом, грифон – широко распространенный сюжет в искусстве народов евразийских степей, он, вероятно, имеет, общую идеологическую основу – несет функции охранителя. Иконографически этот сюжет наиболее близок среднеазиатским образцам, нежели западным, а в стилистическом плане – это самобытный мотив, соединивший черты горно-алтайских и среднеазиатских образцов.

Библиографический список

1. Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 99–111.
2. Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. №4. С. 27–45.
3. Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. Л., 1987. Вып. 26. С. 5–29.
4. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983. 206 с.
5. Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Л., 1961. №3. С. 89–108.
6. Заморовский В. Боги и герои античных сказаний. М., 1994. 400 с.
7. Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.
8. Киреев С.М. Курганы Майма-XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 39–50.
9. Кирюшин Ю.Ф. Изобразительное искусство племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 28–31.

10. Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.
11. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
12. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
13. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
14. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 86–100.
15. Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 52–65.
16. Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
17. Могильников В.А. Раскопки курганов группы Новотроицкое-II в 1987 году // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 107–114.
18. Могильников В.А., Уманский А.П. Предметы поясного набора с зооморфным декором из Ново-Троицких курганов // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. Барнаул, 1991. С. 119–124.
19. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с., илл.
20. Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-1 // АСГЭ. Л., 1961. №3. С. 75–88.
21. Пьянков И.В. Бактрийский гриф в античной литературе // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 16–32.
22. Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987. 190 с.
23. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
24. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 350 с.
25. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. М., 1962. Вып. ДЗ-9. 51 с.
26. Руденко С.И., Руденко Н.М. Искусство Скифов Алтая. М., 1949. 90 с.
27. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 г. // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 51–93.
28. Уманский А.П. Раскопки кургана №3 в урочище Раздумье-VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 145–153.
29. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219–226.
30. Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX–XII вв. Ташкент, 1983. С. 90–111.
31. Чекрыжова О.И., Шамшин А.Б. Железный кинжал из Рогозихи и вопросы культурных взаимодействий населения юга верхнего Приобья в раннем железном веке // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 209–211.
32. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 298 с.

Научный руководитель – к.и.н., доц. А.Б. Шамшин

Т.Г. Шиготарова

Алтайский государственный университет, Барнаул

БЛЯХИ-ПОДВЕСКИ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ (по материалам раннесредневековых памятников Алтая)

Бляхи представляют собой одну из самых многочисленных и разнообразных категорий украшений конского снаряжения. Это – фигурные пластины, изготовленные из цветного металла или железа. Такие изделия располагались на основных (функциональных) и подвесных (декоративных) ремнях снаряжения верхового коня. Иногда бляхи выполняли функцию распределителей.

Исходя из отличий предметов рассматриваемой категории по форме, назначению, использованию и размещению на ремнях, их можно разделить на три подкатегории:

- бляхи-накладки;
- налобные бляхи-подвески;
- бляхи-подвески нанащечные, нагрудные (подперсье) и накрупные (пахвы) ремни снаряжения (Шиготарова Т.Г., 2000, с. 41–42).

В настоящей работе предметом рассмотрения являются бляхи-подвески (2 и 3-я подкатегории). При систематизации этих изделий было учтено 20 экземпляров налобных блях-подвесок из раннесредневековых памятников Алтайской лесостепи и Горного Алтая и 19 подвесок на другие ремни снаряжения. Нами была использована следующая классификационная схема: группа определяется по материалу, из которого изготовлены изделия (цветные металлы или железо); разряд характеризуется общей формой и пропорциями подвески (сердцевидные крупные, сердцевидные средние, гребневидные, листовидные); раздел в данной системе выделяется по оформлению бортиков изделия (ровные или уступчатые); отдел отражает форму носика подвески (заостренный, трехзубчатый, выемчатый); тип характеризуется оформлением верхнего края (основания) бляхи (V-образные, V-образные с трапециевидной петлей для подвешивания, прямоугольным или полукруглым выступом, полукруглые, полукруглые с сердцевидным, полукруглым или прямоугольным выступом, полукруглые с петлей для подвешивания, ровные, фигурные); наконец, вариант в классификации демонстрирует наличие или отсутствие дополнительного декора на бляхе. На основе перечисленных признаков было выделено 12 типов подвесок на налобный ремень узды (Кайгородка-V, к. 2; Грань; Филин-I, к. 1; Нижний Кучук; Шадринцево-1, к. 1; Чингиз-2, к. 3, п. 1 (2 экз.); Гилево-XII, к. 2 (раскопки В.А. Могильникова, 1972 г.: АГКМ, колл. 13810); Ивановка-III, к. 1; с-х. Поспелихинский; грот Балтарган; Юстыд-12, к. 29; Ближние Елбаны-16, м. 14; Гилево-XIII, к. 5 (2 экз.); Прудской, к. 5; Хорошонок-II, к. 1, м. 3 (раскопки В.А. Могильникова, 1982 г.: АГКМ, колл. 14774); Иня-I, к. 13, м. 1, к. 25, м. 1; Катанда-III, к. 16) (рис. 1). Кроме того, было выделено 10 типов подвесок от других ремней снаряжения (Нижний Кучук (2 экз.); Щепчиха-1, к. 4; Гилево-VII, к. 5, п. 2 (раскопки В.А. Могильникова: АГКМ, колл. 14569); Гилево-VII, к. 7 (раскопки В.А. Могильникова: АГКМ, колл. 13464); Гилево-XII, к. 2 (раскопки В.А. Могильникова, 1972: АГКМ, колл. 13810); 1 экз. из коллекции Спасского; Ивановка-III, к. 2; Шадринцево-1, к. 1, захоронение коня (2 экз.); Филин-I, к. 1; Сростки-I (3 экз.) (коллекция М.Д. Копытова, 1925, БКМ); Кирилловка-I, к. 1, п. 1 (раскопки В.А. Могильникова, 1983, АГКМ, колл. 15367); Прудской, к. 5; Гилево-XII (раскопки В.А. Могильникова, 1972, АГКМ, колл. 14556) (рис. 2).

Разработанная классификация послужила основой для типологического анализа этих двух подкатегорий изделий. Рассмотрим вначале налобные бляхи-подвески. Самые ранние изделия этой подкатегории происходят из тюркских памятников Горного Алтая и относятся ко 2-й половине VII – 1-й половине VIII вв. (тип 12) (рис. 1.-1). Это – железные бляхи листо-

видной формы с уступчатыми бортиками, заостренным носиком и полуовальным основанием с сердцевидным выступом. К этому же периоду времени относятся гребневидные железные бляхи, встречающиеся в тюркских комплексах (тип 7). Изделия, близкие указанным по форме, известны в кыргызских памятниках 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1940, с. 40, рис. 36). Однако в данном случае они крепились не на налобный ремень узды, а украшали нагрудный и на крупный ремни снаряжения.

Нужно сказать, что в тюркских памятниках Монголии 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. встречаются бляхи-подвески, которые изготовлены из бронзы и имеют сердцевидную форму (Евтюхова Л.А., 1957, с. 209, рис. 5). Так, в комплексе Джаргаланты в составе набора имеется налобная бляха и подвески, украшавшие нашечные ремни и нагрудник лошади. Аналогичное расположение таких декоративных элементов фиксируется на тюркских статуэтках середины VII–VIII вв. из памятника Астана в Турфанском оазисе (Гумилев Л.Н., 1949, с. 246, рис. 5, с. 247, рис. 6) и китайской скульптурке лошади VIII в. (Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984, с. 164, рис. 41-в).

С середины VIII в. уздечные наборы с налобными бляхами, аналогичными тюркским изделиям из Джаргаланты, появляются в комплексах раннего этапа сротскинской культуры Алтайской лесостепи (тип 3, 4) (рис. 3.-4, 5). Эти бронзовые бляхи связаны своим происхождением с тюркскими железными подвесками предшествующего периода.

В комплексах сротскинской культуры второй половины VIII – первой половины IX в. имеют место и железные налобные бляхи (тип 11) (рис. 3.-3), которые также формируются на основе изделий 12-го типа (рис. 1.-1). Таким образом, подвески на налобный ремень узды типов 3, 4 и 11, обнаруженные в погребениях воинов в сопровождении верховых лошадей, отражают процесс миграции части тюрков в середине VIII в. на территорию Алтайской лесостепи (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178). Все эти украшения, как и большинство тюркских подвесок, имеют петлю для подвешивания к налобному ремню оголовья.

Влияние тюркской традиции, связанной с украшением налобного ремня подвеской, проявляется и в материалах 2-й половины VIII – 1-й половины IX в. Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992, с. 101, рис. 35.-17, с. 108, рис. 42.-13; Васютин А.С., 1997, с. 25, рис. 2.-10; с. 32, рис. 9.-1, 2, 3).

В последующий период (X–XII вв.) налобные бляхи-подвески динамично развивались в рамках сротскинской культуры. На основе блях 3-го формируются налобные подвески 5-го типа (варианты а, б) (рис. 3.-6, 7), которые относятся к первой-третьей четвертям X в. Это – бляхи сердцевидной формы и средних пропорций, с V-образным основанием. Они либо гладкие (вариант а), либо декорированы имитацией зерни по краю и полусферической выпуклиной в центре (вариант б). Несколько экземпляров аналогичных блях с выпуклиной известно в материалах кыргызов (Евтюхова Л.А., 1948, с. 71, рис. 143, 144; Кызласов Л.Р., 1981, с. 144, рис. 33.-62). Однако особенностью сротскинских подвесок 5-го типа является оформление имитацией зерни по краю. Под влиянием уже сротскинской культуры аналогичные изделия появляются в кимакских комплексах Восточного Казахстана (Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 125, рис. 1.-2).

На базе блях 4-го и 5-го типов формируются изделия типа 6, представленные в материалах тюрков Горного Алтая и относящиеся ко второй половине X в. (рис. 3.-10). Эти подвески имеют более крупные размеры, полукруглый верхний край с сердцевидным выступом, полусферической выпуклиной и растительным орнаментом по всему полю бляхи. Данный орнамент, видимо, формируется на основе декора изделий 6-го типа. Украшения конского снаряжения с подобным оформлением известны и в кыргызских материалах X в. (Евтюхова Л.А., 1948, с. 71, рис. 144).

На базе подвесок 5-го типа (вариант б) складываются изделия типа 10 (рис. 3.-8). Это – гладкие сердцевидные бляхи с V-образным основанием, изготовленные из железа. Изделия этого типа, на наш взгляд, следует датировать 2-й половины X – 1-й четвертью XI в.

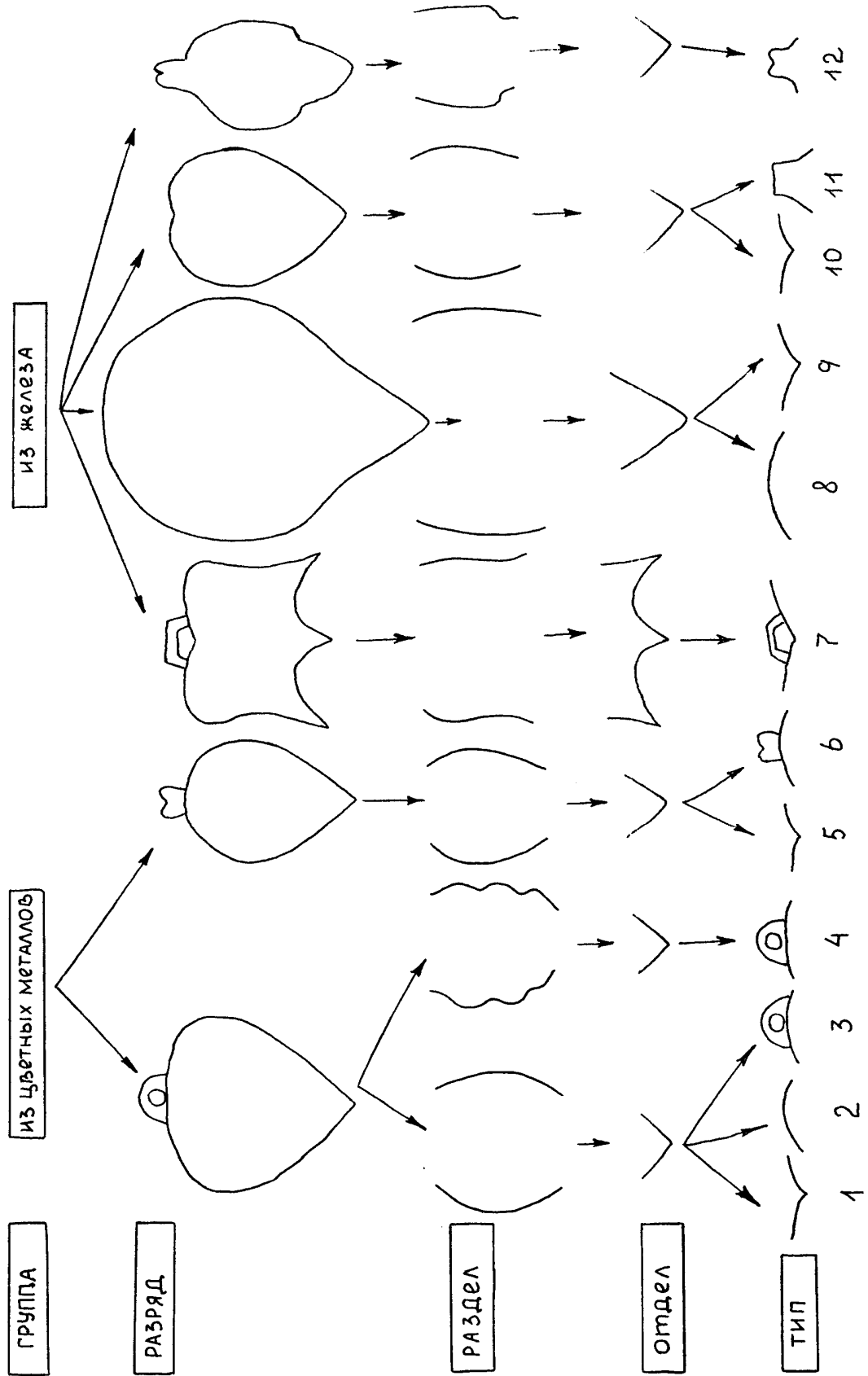

Рис. 1. Классификационная схема налобных блях-подвесок из раннесредневековых памятников Алтая

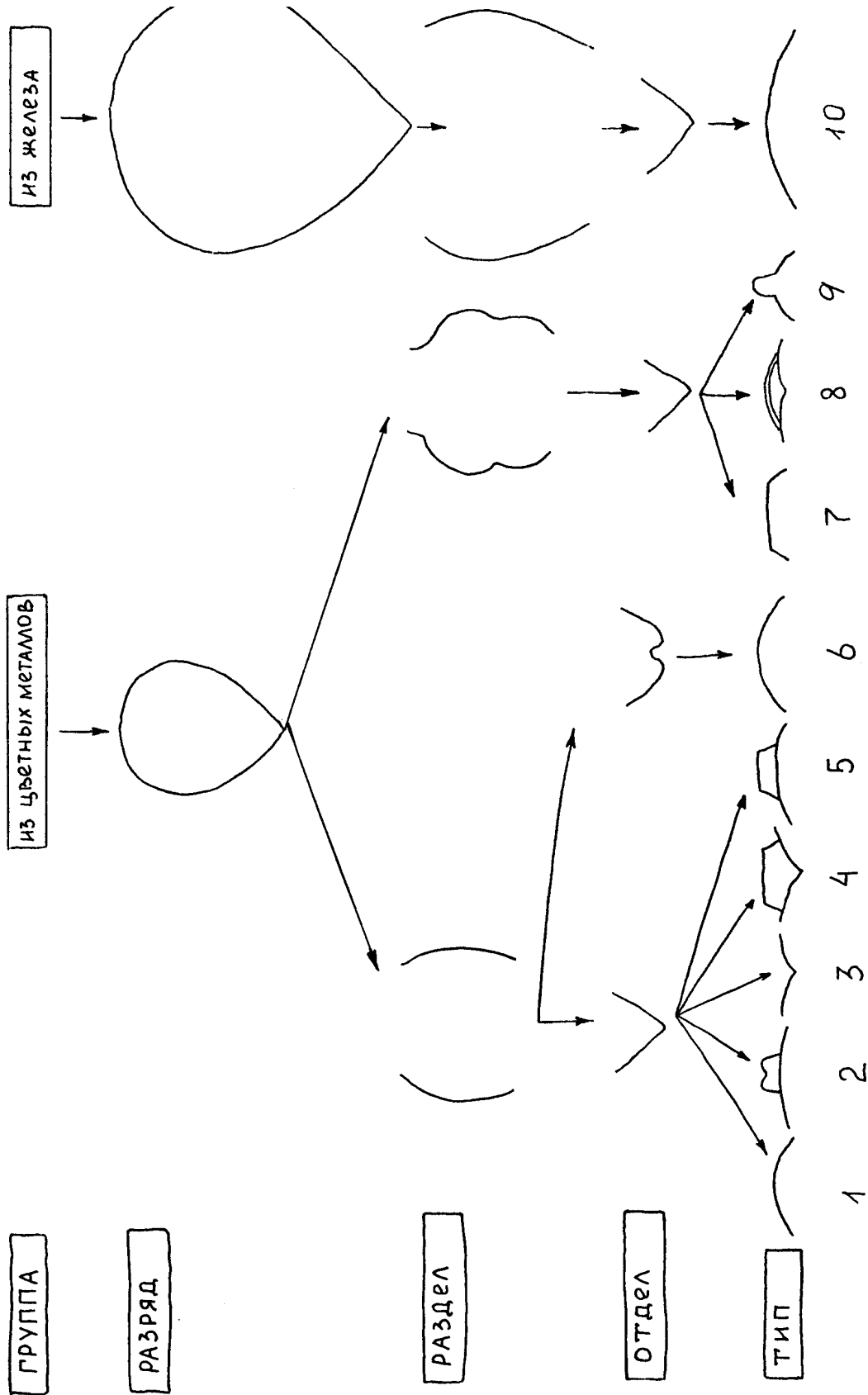

Рис. 2. Классификационная схема блях-подвесок на нащечные, нагрудный и на крупный ремни конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая

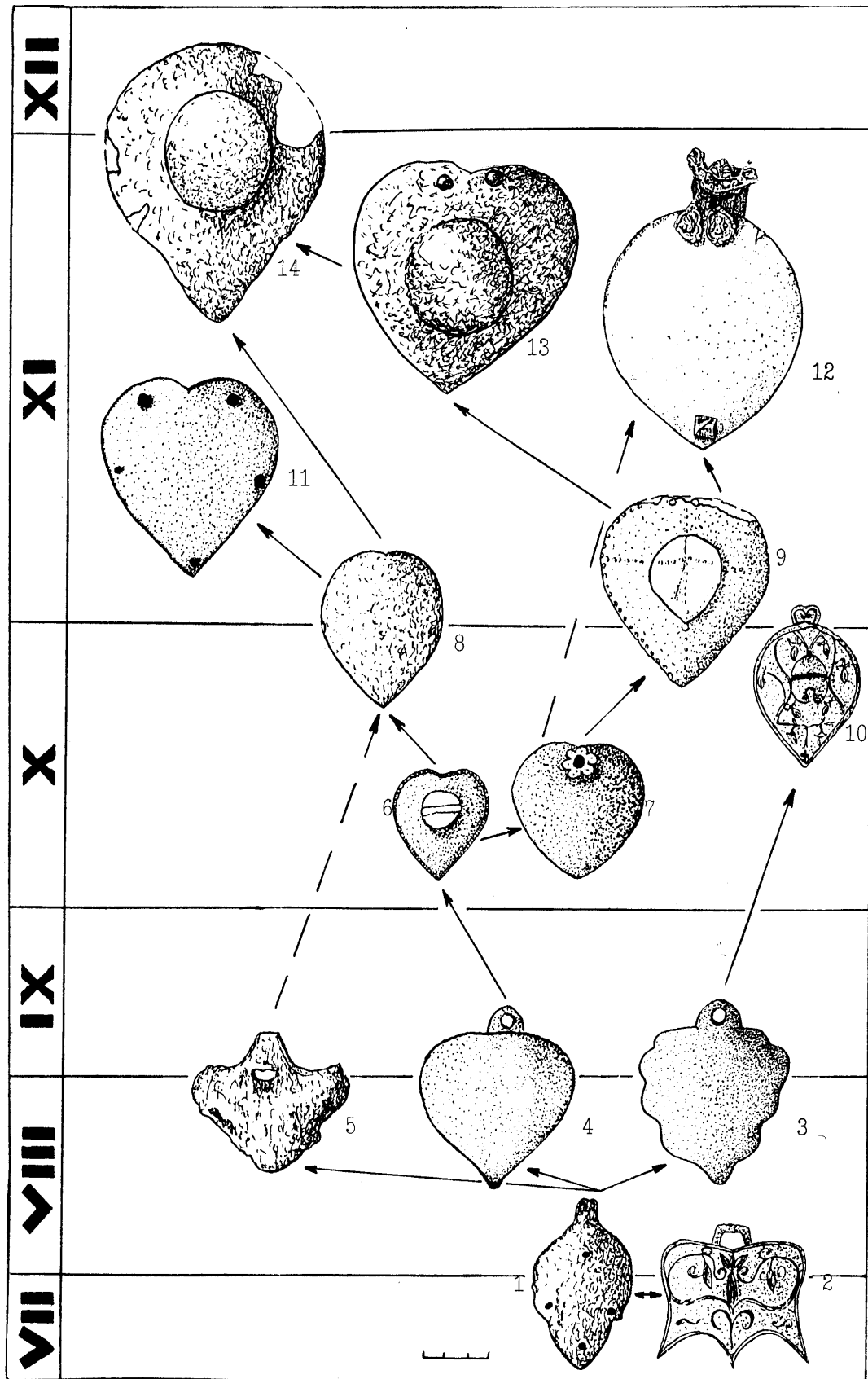

Рис. 3. Схема типологического развития налобных блях из памятников Алтая эпохи раннего средневековья: 1 – тип 12; 2 – тип 7; 3 – тип 4; 4 – тип 3; 5 – тип 11; 6 – тип 5 (вариант б); 7 – тип 5 (вариант а); 8 – тип 10; 9 – тип 2 (вариант б); 10 – тип 6; 11 – тип 1; 12 – тип 2 (вариант а); 13 – тип 9; 14 – тип 8

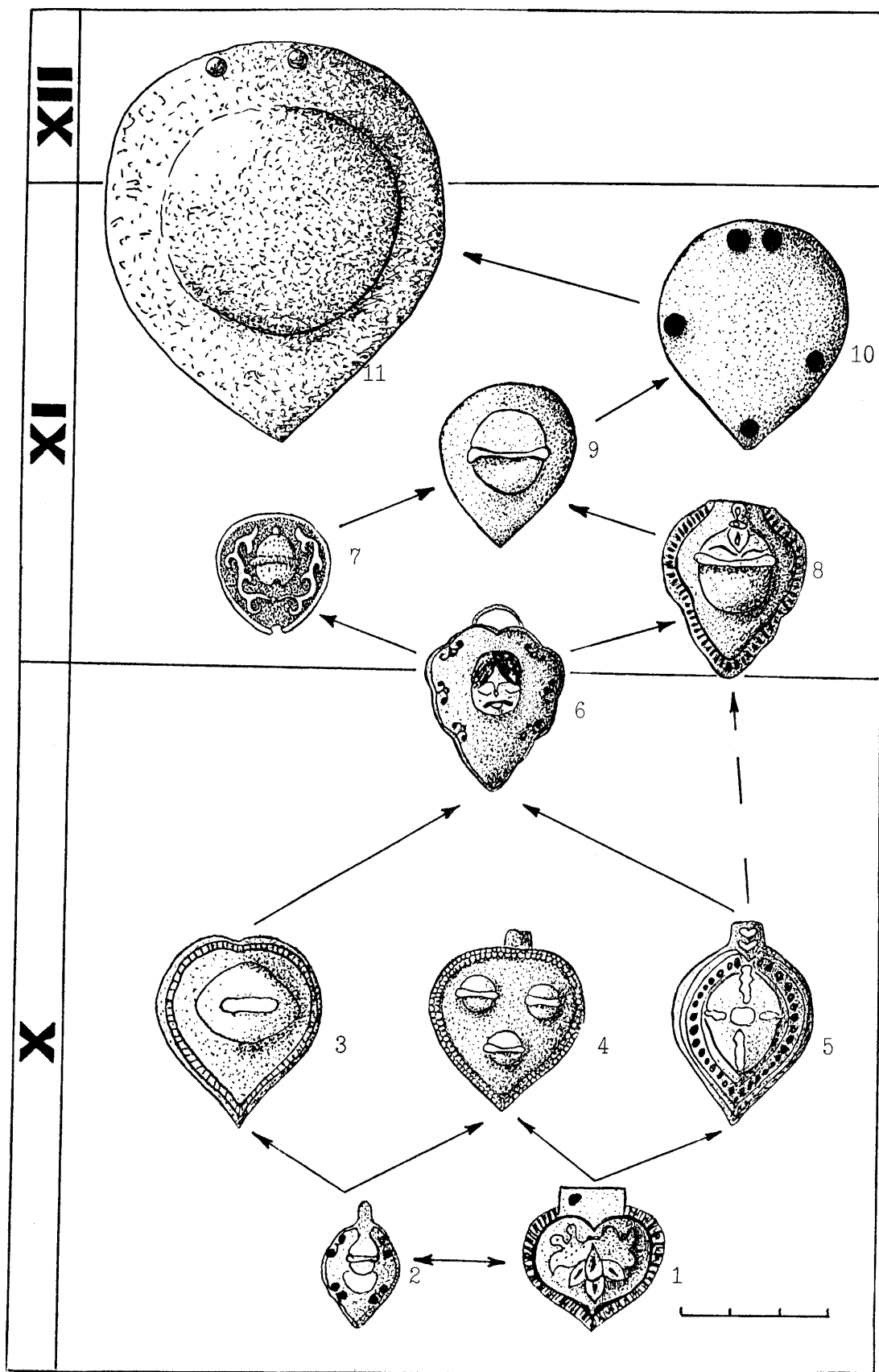

Рис. 4. Схема типологического развития подвесок на нащечные, нагрудный и на крупный ремни снаряжения коня из раннесредневековых памятников Алтая: 1 – тип 4; 2 – тип 9; 3 – тип 3; 4 – тип 2; 5 – тип 5; 6 – тип 8; 7 – тип 6; 8 – тип 7; 9 – тип 1 (вариант б), 10 – тип 1 (вариант а); 11 – тип 10

Бляхи-подвески 5-го типа также послужили основой для формирования украшений 2-го варианта типа 2 (рис. 3.-9), которые имеют более крупные пропорции и наследуют полусферическую выпуклину и имитацию зерни. Эти изделия были отнесены нами к четвертой четверти X – первой четверти XI в.

На базе блях 10-го типа формируются подвески более крупных пропорций – тип 1 (рис. 3.-11). Они наследуют V-образное основание и гладкую поверхность. Первый тип был отнесен нами к первой половине XI в.

Изделия 5 и 2-го (вариант б) типов в свою очередь послужили основой для появления блях-подвесок типа 2 (вариант а) (рис. 3.-12). От украшений 5-го типа наследуется способ крепления к налобному ремню с помощью бляхи-накладки, а от 2-го – оформление основания в виде полукруга. Эти подвески имеют самые крупные размеры по сравнению со всеми изделиями уже рассмотренных типов. Бляхи 2-го типа (вариант б), на наш взгляд, следует датировать первой половиной XI в. С влиянием сроткинской культуры, видимо, связано появление изделий, аналогичных бляхам 1 и 2-го типов, в кимакских комплексах рубежа X–XI вв. в Восточном Казахстане (Алехин Ю.П., Илюшин А.М., 1998, с. 217, рис. 3.-5). Кроме того, на основе подвесок 1 и 2 (вариант б) типов у кимаков формируются налобные бляхи конского снаряжения, которые имеют крупные пропорции и сердцевидную форму, V-образное основание и полусферическую выпуклину. Но носик у этой бляхи ровный, что нехарактерно для налобных подвесок сроткинской культуры (Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П., 1998, с. 232, рис. 7.-1).

Ко второй четверти XI–XII в. относятся налобные бляхи крупных пропорций – типы 8 и 9 (рис. 3.-14, 13). Изделия 9-го типа заимствуют оформление полусферической выпуклиной у подвесок типа 2 (вариант б), а V-образное основание – у блях типа 1. В свою очередь, налобные подвески 9-го типа послужили основой для формирования украшений типа 8.

Подводя итоги рассмотрению подвесок на налобный ремень узды, отметим, что подобные изделия впервые в эпоху раннего средневековья появляются у тюрок Горного Алтая. При их непосредственном участии они начинают распространяться в рамках сроткинской культуры Алтайской лесостепи и на территории Кузнецкой котловины. Форму тюркских налобных блях перенимают и кыргызы, но свои бляхи они используют в ином качестве: как подвески на нащечные, нагрудный и на крупный ремни снаряжения верхового коня. В течение второй половины IX–XII вв. налобные подвески динамично развиваются в рамках сроткинской культуры, под влиянием которой такие уздечные украшения появляются и у кимаков Восточного Казахстана. Таким образом, типологическое исследование налобных блях позволяет выделить «южно-сибирскую» традицию в их изготовлении и оформлении. Она формируется в недрах культуры древних тюрок и развивается в рамках сроткинской культуры, где и достигает своего расцвета. Заметим, что данная традиция украшения налобного ремня оголовья лошади не является единственной в эпоху средневековья. Можно также говорить о «восточноевропейской» традиции, которая складывается в конце IV–V в. в гуннской культуре и развивается вплоть до XII в. Она представлена в конских оголовьях гуннов, а позже – хазар, печенегов, половцев. Специфической чертой обозначенной традиции является использование двух одинаковых блях-подвесок на налобном и наносном ремнях узды (Засецкая И.П., 1994, с. 169, рис. 7.-1; Кирпичников А.Н., 1973, с. 28, рис. 12).

Обращаясь к бляхам-подвескам на нащечные, нагрудный и на крупный ремни снаряжения верхового коня, следует сказать, что на территории Алтая они пока известны только в комплексах сроткинской культуры. Подобные украшения появляются еще в хуннское время и фиксируются в комплексах I в. до н.э. – I в. н.э. в Горном Алтае (Соенов В.И., 1999, с. 151, рис. 15.-5, 6, 7). Следующий период, к которому относятся известные экземпляры такого рода изделий, – вторая половина VIII – первая половина IX в. Это – тюркские подвески из памятников Монголии (Евтюхова Л.А., 1957, с. 209, рис. 5.-1, 3, 7) и кыргызские из

комплексов Минусинской котловины (Евтюхова Л.А., 1948, с. 54, рис. 92). О расположении таких блях на кыргызском конском снаряжении свидетельствуют украшения передней луки седла, найденные в Копенском чаатасе. Они представляют собой изображения всадника на коне, нагрудный и на крупный ремни которого украшены бляхами-подвесками (Евтюхова Л.А., 1948). О местонахождении таких декоративных элементов на ремнях узды и седла тюркского конского снаряжения можно судить по материалам комплекса Джаргаланты в Монголии, где бляхи-подвески зафиксированы на костяке лошади в положении «in situ»: на нагруднике и по одной бляхе слева и справа на нащечных ремнях на уровне глаз коня (Евтюхова Л.А., 1957, с. 207, рис. 5.-1, 3, 7). Такое же расположение характерно и для сrostкинских подвесок. Особенность состоит лишь в том, что на сrostкинских оголовьях бляхи от уровня глаз лошади смещены на середину нащечных ремней (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1996, с. 186, рис. 7.-4).

Обращаясь к эволюции подвесок на нащечные, нагрудный и на крупный ремни снаряжения коня, отметим, что наиболее ранними являются изделия типов 4 и 9 (рис. 4.-1, 2). Эти украшения, на наш взгляд, следует датировать первой половиной X в. На их основе формируются подвески 3, 2 и 5-го типов, которые наследуют оформление имитацией зерни и полусферическими выпуклинами (рис. 4.-3, 4, 5). Изделия 2 и 5-го типов также заимствуют у блях типов 4 и 9 основания с выступами. Особенностью подвесок типа 2 является наличие не одной, а трех выпуклин с прорезьями. Описанные украшения были отнесены нами к первой – третьей четвертям X в.

Бляхи 3 и 5-го типов, в свою очередь, способствовали формированию изделий 8-го типа (рис. 4.-6), которые унаследовали от украшений 3-го типа V-образное основание и выпуклину в центре, а от подвесок 5-го типа – основание с выступом, который в данном случае преобразовался в полукруглый. Бляхи, аналогичные изделиям 8-го типа, известны в кыргызских материалах (Евтюхова Л.А., 1948, с. 71, рис. 143).

На основе украшений 2 и 8-го типов складываются бляхи-подвески типа 6 (рис. 4.-7), которые заимствуют от изделий 2-го типа полуовальное основание, а от 8-го – выпуклину в виде колокольчика. Носик изделий 6-го типа оформлен в виде выемки, т.е. эти бляхи сами по себе являются подобиями колокольчика. Они были отнесены нами к четвертой четверти X – первой четверти XI в.

Отметим, что под влиянием носителей сrostкинской культуры подвески нащечные, нагрудный и на крупный ремни конского снаряжения на рубеже X–XI в. появляются в кимакских материалах Восточного Казахстана (Трифонов Ю.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П., 1998, с. 233, рис. 8).

Следующими в линии типологического развития являются предметы типа 7 (рис. 4.-8), наследующие уступчатые бортики от блях 8-го типа, а полусферическую выпуклину-колокольчик – от подвесок типа 5. Прямое основание украшений 7-го типа, возможно, является преобразованием прямоугольного выступа, имеющегося у изделий 5-го типа.

Бляхи 6 и 7-го типов служат основой для появления подвесок типа 1 (вариант а) (рис. 4.-9), которые уже почти не имеют декоративных элементов. Полукруглое основание они наследуют от украшений типа 6, а крупную выпуклину-колокольчик – от блях типа 7. На базе подвесок 2-го варианта формируются изделия 1-го варианта типа 1 (рис. 4.-10). Данные украшения имеют абсолютно гладкую лицевую часть и более крупные пропорции по сравнению со всеми предыдущими экземплярами. В целом изделия 1-го типа мы отнесли ко второй половине XI в. На их основе сформировались еще более крупные подвески, изготовленные уже из железа и имеющие полусферическую выпуклину (тип 10) (рис. 4.-11).

В целом в развитии всех блях-подвесок прослеживается тенденция к увеличению пропорций и упрощению декора. Разработанные классификация и типология предоставили возможности для сравнения характера орнаментации на подвесках раннесредневековых культур Центрально-азиатского региона. Древнетюркские изделия декорировались просто, при практически полном отсутствии орнамента. Поэтому на инском этапе сrostкинской культу-

ры (2-й половины VIII – 1-й половины IX в.) налобные бляхи имели неорнаментированную поверхность. В период со второй половины IX по первую половину XI в. сrostкинские налобные подвески сохраняют эту тенденцию, в то время как подвески на другие ремни конского снаряжения украшаются растительным или геометрическим орнаментом. Однако уже в середине XI–XII в. на бляхах нанащечных, нагрудного и крупного ремней из элементов декора сохраняется только выпуклина. В собственно кыргызских материалах налобные бляхи отсутствуют, а остальные подвески отличаются более насыщенным характером растительной орнаментации. В целом основные мотивы растительного декора, которые встречаются на изделиях вышеперечисленных культур, на наш взгляд, были отражением своего рода моды в эпоху раннего средневековья и представляли собой явление «эпохальное».

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что раннесредневековые бляхи-подвески снаряжения верхового коня являются своеобразными хронологическими и этнокультурными индикаторами. Полученные сведения позволяют также восстановить внешний облик парадной лошади, обратиться к проблемам миграционных потоков, культурных контактов, к вопросам реконструкции конкретной исторической ситуации в эпоху средневековья.

Библиографический список

1. Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 207–219.
2. Васютин А.С. Особенности культуругенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 5–35.
3. Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 232–253.
4. Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.
5. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. 1957. №2. С. 205–227.
6. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-Тас у села Копены // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. XI.
7. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V). СПб., 1994. 224 с.
8. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 128 с.
9. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. 140 с.
10. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984. 336 с.
11. Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 54–59.
12. Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163–191.
13. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.
14. Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 134–152.
15. Трифионов Б.И., Илюшин А.М., Алехин Ю.П. Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск, 1998. С. 220–233.
16. Шиготарова Т.Г. Морфология и классификационные признаки блях раннесредневекового конского снаряжения // Материалы XXXVIII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 2000. С. 41–42.

О.Г. Шмидт (Лыжникова)

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МОНОГРАФИИ С.И. РУДЕНКО «УГРЫ И НЕНЦЫ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ»

Весной 1909 г. Сергей Иванович Руденко (1885–1969) был командирован Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III в северную часть Тобольской губернии для собирания этнографических коллекций у вогулов, остяков и самоедов. Маршрут и план предстоящих работ разрабатывался после приезда на место. Ценные указания и советы молодой ученый получил от известного исследователя быта и верований вогулов, бывшего тобольского губернатора Н.Л. Гондатти (Руденко С.И., 1912, с. 44). Территория исследования была весьма обширной, крайними точками являлись Калтась-Горт на р. Оби, на севере устье р. Ныды на восточном берегу Обской губы, на западе верховье р. Сыгвы и верховье р. Сосьвы, на востоке Казым-Еган-вожь в верхнем течении р. Казыма (Руденко С.И., 1914, с. 28). Только в январе 1910 г. исследователь вернулся в Санкт-Петербург.

За это время была проделана весьма значительная работа. Собирались многочисленные этнографические коллекции, касающиеся быта и верования остяков, вогулов и самоедов. Всего было собрано свыше 1900 предметов, включавших главным образом предметы охоты, рыболовства, оружия, орудий, употребляемых при обработке сырых материалов, домашней утвари, посуды, средств передвижения, одежды, украшений, игрушек, предметов культа и многое другое. Производились наблюдения и антропологические измерения данных народностей по схеме Ф.К. Волкова – учителя С.И. Руденко. Кроме того, делались многочисленные рисунки и фотографии, что было редким в те времена.

Помимо этнографических исследований современного населения, Сергею Ивановичу представилась возможность раскопать часть остяцкого могильника у с. Обдорска. Памятник располагался на крутом берегу р. Полуя и разрушался при высоких уровнях воды в реке (Руденко С.И., 1914, с. 33). Всего исследовалось 12 могил, которые предоставили интересный сравнительно-исторический материал, раскрывающий особенности погребального обряда и культа мертвых населения Северо-Западной Сибири. Раскопки данного памятника дали 272 предмета, в том числе принадлежности костюма, предметы домашнего обихода и культа. Таким образом, экспедиция состоялась и были получены блестящие результаты.

К обработке собранной информации Сергей Иванович приступил вскоре после приезда из экспедиции. Результатом чего стал целый ряд работ. В сентябре 1910 г. был написан Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губернии с подробным описанием проделанной работы. В 1914 г. в Материалах по этнографии России публикуются данные из остяцкого могильника возле Обдорска с описанием полученных предметов и их интерпретацией. В записках Академии наук в сентябре того же года печатается работа «Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири». В ее основу легли измерения, произведенные С.И. Руденко в 1909 и 1910 гг. в Тобольской губернии. В труде дается подробная характеристика типа остяков, вогулов и самоедов, а также последовательное сравнение аналогичных антропологических признаков. Следующей работой является этнографический очерк по инородцам Нижней Оби, вышедшей все в том же 1914 г. В нем описываются природные условия, в которых проживают остяки, вогулы и самоеды, особенности жизненного уклада, традиции и многое другое.

В последующие годы уже в других своих работах С.И. Руденко возвращается к данной теме. Однако свести воедино и обобщить огромный полученный материал профессор смог лишь по прошествии многих лет. В 50-е гг. по материалам экспедиции 1909–1910 гг. им была подготовлена монография «Угры и ненцы Нижней Оби», историко-этнографические очер-

ки. По словам Сергея Ивановича, эта монография написана примерно в том же плане, что и второе издание его книги «Башкиры», но в ней он не касается современного быта, так как с 1910 г. Руденко не бывал в Нижнем Приобье. Ученый не ставил своей целью написать исчерпывающий научный труд, но все же в меру необходимости привлекал сведения путешественников XVIII в. и частично современных советских этнографов. Объем книги составил 13 авторских листов машинописи, 5 авторских листов приложения «Путевые записки» и 350 иллюстраций (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 265. Л. 1).

С 1958 г. начинается долгая эпопея безуспешных попыток издать данную работу. Сергей Иванович неоднократно обращается в различные организации: в Институт этнографии АН СССР, Институт археологии АН СССР, в Сибирское отделение АН, однако дела продвигались чрезвычайно медленно. Ученый годами ждал ответа. На заседании сектора палеолита Института археологии АН СССР 22 ноября 1960 г. слушали доклад С.И. Руденко «Этнографические материалы о древней культуре племен Нижней Оби», в котором излагались содержание рукописи и демонстрировался иллюстративный материал. Выступившие в прениях С.В. Иванов и А.П. Окладников отметили ценность собранных Сергеем Ивановичем материалов и желательность их скорой публикации. Сектор постановил: «...работа С.И. Руденко «Угры и ненцы Нижнего Приобья» представляет собой монографическое исследование древней культуры племен Нижнего Приобья, охватывающее все стороны их жизни. Исследование это касается вопросов уровня развития производительных сил и техники, способов добывания средств существования, искусства и верования и многих других вопросов культуры и быта описываемых народов» (ПФА РАН. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 265. Л. 4). Отмечалось, что особое значение имеет дневник С.И. Руденко, который сам по себе является документом по истории Сибири конца XIX и начала XX в. Был сделан вывод, что работа С.И. Руденко является неисчерпаемым источником важных сведений как для археологов, так и для этнографов. Принимается решение о том, что монография должна быть напечатана полностью, включая дневник исследователя. На заседании Ленинградской секции ученого совета Института археологии АН СССР 28 декабря 1960 г. работа С.И. Руденко «Угры и ненцы Нижнего Приобья» объемом 32 авторских листа утверждается к печати. Однако позже на заседании ученого совета Института археологии АН СССР 3 марта 1961 г. было заслушано сообщение В.Н. Чернецова, в котором отмечалось, что рукопись С.И. Руденко имеет чисто этнографический характер и ученый совет не считает возможным дать заключение об этой работе. Таким образом, в публикации в очередной раз было отказано.

Постепенно ученый приходит к мысли о том, что его монография может быть издана только за рубежом, где уже был опубликован ряд его работ. С.И. Руденко обратился в один из восточноевропейских журналов по этнографии и получил согласие. В 1972 г., уже после смерти ученого, книга была издана на немецком языке в Венгрии. Желание ученого по прошествии многих лет сбылось, однако не полностью. Несмотря на то, что в мае 1968 г. Президиумом Географического общества СССР было принято решение о редакционной подготовке на 1969 г. монографии С.И. Руденко, до настоящего времени на русском языке она так и осталась неизданной.

В научной общественности не раз отмечалась значимость указанной работы С.И. Руденко и необходимость скорейшей ее публикации (Степанов Н.Н., 1965, с. 294). Однако реальные шаги в этом направлении никем не предпринимались, только в одной из работ (Лыжникова О.Г., 2000, с. 70–73) была сделана попытка показать имеющийся материал по данной проблеме, который содержится в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая. Рукопись С.И. Руденко заслуживает к себе внимания крупных специалистов и по-прежнему ждет публикации. В настоящее время варианты монографии находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук.

Архивные материалы

1. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 265: Выписки из протоколов заседаний Ученого Совета и сектора палеолита ЛОИА об утверждении к печати монографии С.И. Руденко «Угры и ненцы Нижнего Приобья» и переписка по ее изданию. 16 л.

Библиографический список

1. Лыжникова О.Г. Этнографическое наследие Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000. Т. IV.
2. Руденко С.И. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губернии // Отчет Этнографического отдела Русского музея императора Александра III за 1910 г. СПб., 1912.
3. Руденко С.И. Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири // Записки Академии наук. Сер. 8, физ.-мат. отд. СПб., 1914. Т. 33.
4. Руденко С.И. Инородцы Нижней Оби: Этнографический очерк // Труды общества землеведения при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1914. Т. 3.
5. Руденко С.И. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Пг., 1914. Т. II.
6. Руденко С.И. Остяки // Новый энциклопедический словарь. Пг., Т. 29. СПб., С. 862–865.
7. Руденко С.И. Графический и этнографический очерк Сибири // Вся Сибирь: Справочная и адресная книга на 1924 год. Л., 1924.
8. Руденко С.И. Перевес // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4.
9. Руденко С.И. Графическое искусство остяков и вогул // Материалы по этнографии. 1929. Т. 4.
10. Соловьева Н.Ю. Вклад С.И. Руденко в изучение обских угров (по коллекциям ГМЭ народов СССР) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.
11. Степанов Н.Н. Творческий путь С.И. Руденко // Известия Всесоюзного Географического общества. 1965. Т. 97. №3.
12. Rudenko S.I. Die ugrie und die Nenzen an Unteren Ob: Ihre Vergangenheit und thre familien und Sippen-verhaltnisse // AE. Budapest, 1972. Т. 21 (1–2).

Научный руководитель – к.и.н., доц. А.А. Тишкин

М.В. Шпакова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЖСКИХ СЕРИЙ МОГИЛЬНОГО КОМПЛЕКСА БЫСТРОВКА И ИХ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Одной из древних культур лесостепной зоны Западной Сибири, антропологические материалы которых наиболее фрагментарны и малочисленны, является большебереченская культура. Исследователи-археологи по-разному рассматривают ее территориальные рамки, хронологию этапов и наличие локальных вариантов. До сих пор обсуждается: принадлежат ли памятники эпохи раннего железного века лесостепного Верхнего Приобья к бийскому и березовскому этапам большебереченской культуры, либо к каменной культуре. Однако эти темы требуют отдельного археологического исследования. С точки зрения антропологии важно, что для археологов является несомненной многокомпонентность большебереченской культуры и сосуществование в ее рамках местных и пришлых элементов (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994; Рыкун М.П., 1999; Багашев А.Н., 2000).

Обследованный палеоантропологический материал большебереченской культуры до недавнего времени был крайне немногочисленным и включал в себя около тридцати черепов различной сохранности с большой территории Алтая и Верхнего Приобья (Алексеев В.П., 1954; 1958; Дремов В.А., 1970; 1978). За последние несколько лет количество введенного в научный оборот материала, тесно связанного с большебереченской культурой, несколько увеличилось за счет данных по каменной культуре и могильникам южной Барабы (Рыкун М.П., 1999; 2001; Багашев А.Н., 2000). Однако количество опубликованного материала все же остается весьма небольшим. В результате до сих пор не решен вопрос о морфологических особенностях населения, связанного с большебереченской культурой и его генетических связях.

Новый палеоантропологический материал, связанный с большебереченской культурой, исходит из могильника Быстровка. Быстровский комплекс, расположенный в Искитимском районе Новосибирской области на правом берегу Оби, является одним из крупнейших могильников раннего железного века Верхнего Приобья. Этот некрополь, состоящий из нескольких разновременных курганных групп, исследовался в 1970–1990-е гг. Т.Н. Троицкой, И.А. Дураковым, Т.В. Мжельской, А.П. Бородовским (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994).

Вопросы абсолютной датировки памятника и его составляющих находятся в процессе разрешения, поскольку радиоуглеродное датирование и датировка по предметному комплексу демонстрируют несовпадение данных. По предметному комплексу могильник Быстровка-3 относится к концу I тыс. до н.э., а Быстровка-2 – скорее, к рубежу эр. Однако данные радиоуглеродного датирования существенно удревняют памятники. Хотя вопросы абсолютной датировки пока не решены окончательно, но установлена относительная хронология существования курганов, а также то, что Быстровка-2 в целом является несколько более поздним памятником, чем Быстровка-3 (Бородовский А.П., Орлова Л.А., 2001).

Помимо значительного размера палеоантропологических серий, другой важной чертой данного памятника является длительность развития в рамках одной культурной традиции. Это обстоятельство дает возможность проследить изменения антропологического типа создавшего его населения и в целом рассматривать связанные с Быстровкой-3 и Быстровкой-2 палеоантропологические материалы в рамках популяционного подхода (Алексеев В.П., 1989, с. 124–127; 1993, с. 117–126).

Значимость курганных комплексов Быстровка-3 и Быстровка-2 особенно очевидна, поскольку их краниологический материал, находящийся в распоряжении лаборатории антропологии ИАиЭТ СО РАН, включает в себя более 300 разновременных черепов. Такой об-

ширный материал позволяет проводить достаточно полный краниологический анализ населения, создавшего эти памятники. В исследовании будут использованы только данные по мужским черепам, что для антропологической характеристики серии является вполне корректным. Целью работы в итоге является выделение в результате краниологического исследования (Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф., 1964) основных антропологических параметров, исходя из которых могут быть сделаны выводы о морфологическом своеобразии групп Быстровки-3 и Быстровки-2 и проведена начальная статистическая обработка данных.

Выборки мужских черепов обоих могильников, пригодные для краниологического анализа, являются достаточно репрезентативными, насчитывая 34 единицы в Быстровке-3 и 63 черепа – в более поздней Быстровке-2. В совокупности – 97 черепов.

Очень важной чертой населения и Быстровки-3, и Быстровки-2 является морфологическая неоднородность обеих групп. Во всех фиксируется присутствие более двух морфологических типов, один из которых – толстокостный и чрезвычайно широкоголовый элемент, резко отличается от остальных. Значительное физическое отличие носителей такого антропологического типа сочетается со следами достаточно сильных преднамеренных повреждений черепов.

Первоначально этот «толстокостный» элемент был выделен визуально, однако затем при подтверждении его контрастности возникла необходимость в самостоятельном описании этой группы и сопоставлении ее краниологических черт с параметрами остальной части популяции. Необходимо отметить, что выделенные «толстокостные» группы в обоих курганных комплексах являются несколько условными, поскольку ситуация осложнена, с одной стороны, повышенным травматизмом и преднамеренным повреждением черепов такого типа, а с другой – наличием метисных форм. Из черепов «метисного характера» в «толстокостные» выборки могут быть включены те, что еще несут ряд основных черт этого морфотипа (например, очень значительный поперечный диаметр, большую толщину костей черепа, существенную ширину затылка и толщину тела нижней челюсти). Таким образом, разграничение является приблизительным и для обеих выборок можно говорить, скорее, об общих тенденциях.

В целом из 34 мужских черепов Быстровки-3 шесть единиц были выделены в «толстокостную» группу, а для Быстровки-2 к соответствующей выборке были отнесены 17 черепов из 46. Также процесс метисации, по сравнению с Быстровкой-2, зашел здесь еще не очень далеко и метисные формы достаточно близки к первоначальным вариантам. В результате в Быстровке-3 существует гораздо меньший разброс значений по признакам внутри различных групп, меньшая «мозаичность» признаков, что позволяет отследить разные физические типы в более чистом виде. Для Быстровки-2 характерна уже заметно меньшая контрастность черт и в целом ряде случаев можно даже говорить о формировании определенного физического типа, присущего членам этой палеопопуляции.

Характеристика краниологического типа «толстокостной» группы

Мозговая коробка брахикранная. Очень большой поперечный диаметр черепа является особым маркером группы.

По величине и указателям высотного диаметра выборка Быстровки-3 гипсикранна (европеоидный признак) и тапейнокранна (что связано здесь с огромным поперечным диаметром). Ортокранная и метриокранная формы черепной коробки в Быстровке-2 обычно свойственны метисным, монголоидно-европеоидным сериям.

Форма черепа «толстокостных» наследуется устойчиво. Для них характерны плавные контуры в двух основных нормах: сфеноидные – в горизонтальной, эллипсоидные – в латеральной. В окципитальной норме, напротив, им свойственны четкие крышевидные очертания.

По соотношению лобной и теменной дуг (Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989, с. 64) «толстокостные» мужчины Быстровки-3 находятся на грани евро-

пеоидных и монголоидных значений, а в Быстровке-2 по этому признаку уже попадают в круг монголоидных величин. Параметры признака-разграничителя двух больших рас, затылочно-теменного указателя (ЗТИ), характерны как для европеоидных, так и для монголоидных групп. Со временем этот показатель еще более склоняется к европеоидности (Беневоленская Ю.Д., 1976, с. 118–125; 1988, с. 39–50; 1991, с. 126–152). Оба фациоцеребральных указателя имеют размеры, близкие к европеоидным (Гохман И.И., 1982, с. 9–42).

Широтные размеры лобной кости у мужчин Быстровки-3 – среднебольшие, а у группы из Быстровки-2 – большие и очень большие. Уплощенность лобной кости, как правило, средняя. Наклон лба меняется от средненаклонного к прямому.

Условная доля монголоидности (Дебеч Г.Ф., 1968, с. 13–22) на черепах в более ранней серии составляет 51,98, а позднее – 39,52.

Для лицевого отдела признаком-маркером является очень большой скуловой диаметр (монголоидная или архаичная черта). Широтные размеры лица первоначально очень большие, а затем – большие. Верхняя высота лица остается средней, а полная меняется от большой к малой. Сочетания показателей профилировки лица (гетеропрозопность, а затем мезопрозопность), как и величины обоих фациоцеребральных указателей, свойственны смешанным сериям (Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989, с. 70–75). Клыкковая ямка – средне-малая. Лицевой профиль обычно ортогнатен, что является характерным для сибирских групп.

На более ранней стадии «толстокостные» мужчины лепторинны (как европеоиды или арктические монголоидные группы), затем становятся мезоринными. Высота переносья – средне-малая. Глазницы широкие и низкие – европеоидного типа. Нижние челюсти крупные, особенно по длинотным размерам, толщине и высоте тела.

Характеристика краниологического типа основной мужской группы

Эта группа является морфологически неоднородной. Однако ее составляющие пока вычленишь трудно, поэтому краниологические характеристики будут рассмотрены в совокупности. Выборка мезокранна. Черепные диаметры средние. Величина и указатели высотного диаметра у более раннего населения характерны для европеоидных групп, а у более позднего – для смешанных. Сфеноидные очертания черепа начинают замещаться пентагоидными, эллипсоидные – высокими, а крышевидные – сводчатыми. По сочетанию компонентов сагиттальной дуги эти выборки относятся к монголоидным сериям (близки к арктической ветви), хотя в Быстровке-2 по ЗТИ могут быть отнесены и к европеоидам. Ширина, уплощенность и наклон лба – средние. Условная доля монголоидности в Быстровке-3 составляет 8,28, а в Быстровке-2 – 13,6.

Широтные размеры лица имеют на обоих этапах контрастный характер. Высота лицевого отдела – средняя. Оба фациоцеребральных указателя характерны для смешанных групп. Мезопрозопный характер сочетания показателей профилировки лица также свойственен смешанным сериям. Глубина клыковой ямки – средне-малая. Лицевой профиль ортогнатен.

Нос мезоринный, величина его выступления средняя, но со временем уменьшается. Высота переносья – средне-малая. Орбиты широкие и низкие. Нижние челюсти крупные, со значительными длинотными размерами, но по абсолютным размерам заметно меньше, чем у «толстокостного» населения.

В итоге «толстокостные» мужские серии можно характеризовать как смешанные, но с некоторым преобладанием европеоидных элементов. При сравнении с другими сериями раннего железного века и более древних периодов эти широкоголовые выборки более всего сближаются с группами, в которых заметно влияние европеоидного компонента памиро-ферганского типа (ряд сакских и карасукских серий). Эти группы характеризуются при общей европеоидности уплощенным в горизонтальной плоскости широким лицевым скелетом и брахикранией (Алексеев В.П., 1974, с. 385; Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984, с. 37–38; Багашев А.Н., 2000, с. 132–137, 165–166).

Элемент, который преобладает в основном у мужчин, более всего связан с андроновским европеоидным типом. Это проявляется как при сопоставлении с самим андроновским населением, так и с группами, в чьем составе удельный вес этого компонента значителен. Также фиксируются некоторые параллели и с другими европеоидными типами – афанасьевским палеоевропейским пластом, европеоидным населением кашинской культуры подтаежного Тоболо-Ишимья, савроматами Оренбургской области.

В целом для каждой из мужских групп можно отметить черты, связанные с афанасьевским и андроновским населением, частично – с еще более ранними южными европеоидными группами и с памиро-ферганским расовым типом.

Монголоидные черты обеих мужских выборок после сопоставления с параметрами других серий должны быть объяснены двумя общими вариантами влияния, с одной стороны, вариациями низколицего монголоидного типа, связанного по своему происхождению с таежной зоной Западной Сибири, с другой – прослеживаются черты центрально-азиатского типа монголоидности, носители которого оставили свой генетический след во многих группах юга Западной Сибири, и он более четко проявляется в группе выделенного контрастного типа.

Кроме того, полученные при первоначальном анализе результаты подтверждают, что выделенная контрастная группа является пришлой, а основная часть населения имеет несомненные генетические связи на данной территории.

Внутригрупповой и межгрупповой анализ в рамках мужских серий

Морфологическая неоднородность выделенных групп большереченского населения Быстровки подтверждается также данными биометрических критериев – Фишера (внутригрупповой анализ) и Стьюдента (межгрупповой анализ) (Лакин Г.Ф., 1980, с. 96–110, 270–290).

Быстровка-3

I. Первое, на что необходимо обратить внимание при *внутригрупповом анализе*, согласно данным критерия Фишера по мужским выборкам Быстровки-3, это полная (статистически) однородность группы носителей «толстокостного» типа. Ни по одному признаку они не демонстрируют неоднородность, достаточную даже для отделения чистого типа широкоголовых от метисных форм. Это может подтверждать, во-первых, что процесс метисации «толстокостных» основной частью населения на данном этапе продвинулся очень мало, а во-вторых, что сами широкоголовые являлись на тот момент довольно единообразной группой с достаточно устоявшимся физическим типом.

II. Вся мужская группа Быстровки-3 в целом является статистически неоднородной по целому ряду признаков. Часть из них объясняется, скорее, разнородностью внутри базовой выборки мужчин, поскольку далеко не все ее представители также являются носителями одного физического типа.

III. При этом во всех случаях показатель неоднородности внутри базовой части группы выше, чем в объединенной, хотя при выделении контрастного компонента «толстокостных» из всей серии мужских черепов Быстровки-3 ситуация должна бы быть обратной. С точки зрения автора это может объясняться наличием в основной группе еще какой-то части метисного компонента – переходного от широкоголового типа, но не унаследовавшего его черты в такой степени, чтобы быть включенным в отдельную группу «толстокостных». Таким образом, возможно, что после выделения индивидов с ярко выраженными признаками широкоголового типа из общей выборки базовая группа мужской серии Быстровки-3 стала включать в себя меньшее количество человек, но с более контрастными значениями признаков и, как следствие, получила гораздо большую внутреннюю изменчивость, чем мужская серия данного могильника в целом.

IV. И величины F-распределения, и показатели критерия Стьюдента подтверждают, что «толстокостные» мужчины и основная часть мужских групп Быстровского комплекса отличаются по целому ряду признаков даже на статистически значимом уровне. Это свидетельствует о справедливости обособленного рассмотрения «толстокостного» элемента.

Средние размеры и указатели мужских черепов
из могильников Быстровка-3 и Быстровка-2

Признаки	Быстровка-3									Быстровка-2								
	п (все мужчины)	среднее	дисперсия	п (толстокостные)	среднее (т.)	дисперсия (т.)	п (остальные)	среднее (о.)	дисперсия (о.)	п (все мужчины)	среднее	дисперсия	п (толстокостные)	среднее (т.)	дисперсия (т.)	п (остальные)	среднее (о.)	дисперсия (о.)
Общее количество	34			6			28			63			17			46		
1.Продольный диаметр	21	181,0	54,4	5	182,9	35,8	16	180,4	61,4	38	180,2	40,2	8	178,5	67,1	30	181,1	66,6
8.Поперечный диаметр	20	143,9	40,9	4	152,1	25,7	16	141,9	24,3	38	144,9	15,0	12	149,6	129,6	26	142,5	32,4
8:1.Черепной указатель	19	79,4	23,0	4	82,9	3,4	15	78,5	24,5	32	79,8	24,0	8	82,1	47,0	24	78,7	24,0
17.Высотный диаметр от базиса	11	137,3	39,4	2	135,5	40,5	9	137,7	43,3	19	135,5	72,3	4	135,0	18,0	15	135,6	39,1
17:1.Высотно - продольный указатель от базиса	11	76,0	12,3	2	75,6	21,1	9	76,1	12,6	19	74,6	15,3	4	75,5	29,0	15	74,3	12,1
17:8.Высотно-поперечный указатель от базиса	11	96,2	43,8	2	91,7	16,7	9	97,2	46,5	19	95,1	47,8	4	93,2	28,3	15	95,6	41,7
20.Высотный диаметр от пориона	14	114,8	70,5	3	116,2	46,1	11	114,4	81,7	25	116,7	55,1	7	116,0	91,4	18	117,2	26,9
5.Длина основания черепа	11	103,8	45,8	2	103,5	4,5	9	103,9	56,7	18	105,6	72,0	4	105,5	4,3	14	105,6	24,8
9.Наименьшая ширина лба	21	97,0	15,6	6	98,4	10,7	15	96,5	17,3	45	97,2	50,0	12	99,0	28,4	33	96,5	33,4
10.Наибольшая ширина лба	21	123,5	26,5	5	129,0	24,5	16	121,7	15,3	42	122,3	17,2	11	127,0	37,2	31	120,5	31,1
11.Ширина основания черепа	17	127,4	26,0	3	132,3	20,3	14	126,4	22,1	34	129,3	8,9	11	133,2	105,4	23	127,2	45,8
12.Ширина затылка	23	111,1	14,2	5	112,3	19,7	18	110,7	13,2	43	112,3	41,7	14	116,9	120,5	29	109,8	28,6
32.Угол профиля лба от назиона	13	84,9	16,4	3	84,3	12,3	10	85,1	18,9	20	84,5	10,1	5	88,8	54,7	15	82,8	18,1
72.Общий лицевой угол	12	87,9	4,9	2	88,0	8,0	10	87,9	5,1	20	86,8	0,5	5	88,2	45,7	15	86,1	17,2
74.Угол альвеолярной части	12	77,8	50,0	2	85,8	6,1	10	76,2	43,5	19	75,5	12,5	4	74,4	50,3	15	75,5	49,4
75 (1). Угол выступания носа	10	26,6	65,7	2	26,5	4,5	8	26,6	83,8	20	21,6	2,0	5	22,2	90,5	15	21,4	50,2
45.Скуловой диаметр	9	136,0	75,3	3	143,0	36,0	6	132,5	61,9	25	137,6	0,6	6	137,5	71,0	19	137,5	82,6
45:8.Поперечный фацио-церебральный указатель	9	93,0	20,5	3	94,8	3,5	6	92,1	28,6	24	96,2	9,2	6	94,0	2,9	18	97,0	11,8
40.Длина основания лица	10	99,0	18,8	2	98,3	3,1	8	99,2	23,4	17	101,1	76,9	3	101,7	22,3	14	101,0	32,0
40:5.Указатель выступания лица	9	96,4	9,2	2	95,0	13,4	7	96,8	9,2	17	95,8	0,8	3	96,5	5,0	14	95,7	23,1
48.Верхняя высота лица	16	71,3	46,4	4	72,7	23,3	12	70,8	55,9	29	68,6	8,4	7	69,0	14,2	22	68,6	39,7
48:17.Вертикальный фацио-церебральный указатель	10	52,6	31,0	2	51,4	1,2	8	52,9	39,1	16	50,3	20,5	3	51,8	2,7	13	50,0	41,7
48:45.Верхний лицевой указатель	9	52,3	33,5	3	50,6	4,1	6	53,2	49,2	22	49,6	3,5	6	50,3	10,8	16	49,6	20,5
48:9.Фацио-фронтальный указатель	15	73,7	48,1	4	73,4	24,2	11	73,8	60,1	28	70,5	13,7	7	70,2	14,9	21	70,7	55,9
43.Верхняя ширина лица	18	108,7	26,7	5	111,2	38,8	13	107,7	21,3	39	109,0	38,1	10	108,8	34,0	29	109,0	20,4
46.Средняя ширина лица	12	97,0	71,7	3	106,7	52,3	9	93,7	38,3	26	99,6	3,1	7	100,6	52,2	19	99,2	31,3
47.Полная высота лица	8	117,8	59,1	2	125,0	18,0	6	115,4	51,5	22	115,1	23,6	4	108,0	40,5	18	116,7	53,4

Продолжение

55.Высота носа	15	50,0	15,3	4	51,6	28,2	11	49,4	11,5	31	49,5	0,9	7	49,2	19,2	24	49,7	10,9
54.Ширина носа	16	23,6	3,2	4	23,3	7,7	12	23,7	2,2	27	24,5	0,1	5	23,1	0,7	22	24,9	4,5
54:55.Носовой указатель	15	47,4	22,0	4	45,1	5,4	11	48,3	26,2	27	50,1	2,2	5	48,1	5,3	22	50,4	34,4
51.Ширина орбиты от mf.	15	42,4	4,7	4	44,0	3,2	11	41,9	4,3	29	43,4	4,0	6	43,1	9,7	23	43,6	3,6
51a.Ширина орбиты от d	13	39,5	6,2	4	41,2	5,6	9	38,6	4,9	27	40,1	1,2	5	40,0	10,1	22	40,3	4,9
52.Высота орбиты	16	31,6	4,5	4	31,9	1,6	12	31,5	5,7	31	32,3	3,1	7	32,1	13,4	24	32,4	6,7
52:51.Указатель орбиты от mf.	15	73,9	27,9	4	72,6	4,7	11	74,4	36,7	27	74,1	1,4	5	73,4	59,0	22	74,0	34,5
Назомаллярный угол	17	141,2	20,5	5	143,4	24,4	12	140,3	17,8	33	141,1	3,4	7	142,9	28,8	26	140,8	16,1
Зигмаксиллярный угол	11	132,0	29,9	3	137,7	4,7	8	129,8	22,2	24	131,5	9,2	5	133,0	77,8	19	131,4	28,6
SC.Симотическая ширина	15	7,7	1,4	4	7,7	0,4	11	7,7	1,8	31	8,1	15,6	8	8,0	3,5	23	8,1	7,1
SS.Симотическая высота	15	4,2	1,0	4	3,8	1,5	11	4,4	0,8	30	4,1	4,5	8	4,0	1,3	22	4,1	1,7
SS:SC.Симотический указатель	15	55,7	228,7	4	48,9	243,4	11	58,2	221,6	30	50,8	84,5	8	51,1	101,0	22	50,7	137,1
MC.Максиллофронтальная ширина	14	18,6	6,0	4	20,0	4,9	10	18,0	5,8	26	19,3	16,5	5	17,6	13,9	21	19,7	9,6
MS.Максиллофронтальная высота	14	7,7	1,3	4	6,9	1,8	10	8,0	0,9	25	7,9	5,3	5	7,5	1,9	20	8,1	6,7
MS:MC.Максиллофронтальный указатель	14	42,2	81,6	4	34,8	64,2	10	45,1	62,5	25	41,8	8,4	5	43,8	164,8	20	41,4	155,1
DC.Дакриальная ширина	10	20,4	10,3	3	22,4	0,4	7	19,5	12,5	24	21,5	7,3	5	21,2	7,4	19	21,5	5,3
DS. Дакриальная высота	10	12,4	1,9	3	12,4	0,7	7	12,4	2,6	24	11,8	0,8	5	11,0	0,4	19	12,0	2,2
DS:DC. Дакриальный указатель	10	62,0	131,6	3	55,5	23,1	7	64,8	159,5	24	55,4	28,0	5	52,3	13,4	19	56,1	61,4
FC.Глубина клыковой ямки(мм)	18	4,0	2,4	4	5,2	5,4	14	3,7	1,3	32	4,7	9,7	8	3,9	1,9	24	5,0	3,8
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	21	123,5	44,6	4	129,3	4,3	17	122,4	44,8	38	119,7	37,7	11	118,6	87,2	27	119,9	107,3
68. Длина нижней челюсти от углов	22	105,2	14,5	4	107,5	3,0	18	104,7	15,9	38	99,2	21,7	11	98,0	217,9	27	99,0	189,7
70. Высота ветви	21	56,6	39,9	4	55,9	29,1	17	56,7	44,3	39	60,7	14,2	11	61,7	24,8	28	60,5	44,1
71a. Наименьшая ширина ветви	26	33,6	7,4	4	34,5	7,8	22	33,4	7,5	48	33,8	4,4	12	35,3	10,6	36	33,3	4,9
65. Мыщелковая ширина	18	120,6	35,1	3	122,7	9,3	15	120,2	40,1	33	122,8	6,4	9	124,4	79,9	24	122,0	26,1
66. Угловая ширина	23	102,3	64,0	4	105,1	43,7	19	101,7	68,7	37	105,9	31,3	10	107,4	27,2	27	105,3	54,2
67. Передняя ширина	23	47,7	3,9	4	49,0	7,2	19	47,4	3,1	43	47,9	2,7	12	48,2	11,5	31	47,7	6,3
69. Высота симфиза	27	33,7	20,8	4	38,0	49,9	23	32,9	13,7	42	33,7	13,7	9	33,6	9,5	33	33,7	10,6
69(1).Высота тела	27	32,4	10,1	4	34,6	0,7	23	32,0	10,8	48	32,4	7,7	14	33,8	5,3	34	31,9	10,9
69(3). Толщина тела	27	11,7	1,2	4	11,9	0,5	23	11,6	1,3	49	12,6	1,1	14	13,2	1,3	35	12,4	2,5

В данном случае критерий Фишера можно расценивать в качестве инструмента межгруппового анализа по тем параметрам, где неоднородность внутри всей мужской группы связана со значительными отличиями «толстокостных» и остальных мужчин данного могильника (скуловой диаметр, средняя ширина лица и высота симфиза). Необходимо также отметить, что при выявлении *параметров межгрупповой изменчивости* с помощью критерия Стьюдента каждый из этих признаков может сопоставляться с данными критерия Фишера **для всей группы в целом** (поскольку они отражают неоднородность по ряду параметров всей группы мужчин Быстровки-3). Тогда наименее выраженными по силе и устойчивости изменчивости будут признаки с 5%-ным уровнем значимости и не подтвержденные критерием Фишера. А наиболее полно отражающими контрастность групп, соответственно, будут признаки с 1%-ным (или, при большей точности, даже 0,1%-ным) уровнем значимости и связанные с достаточно большими показателями изменчивости по F-критерию для мужской группы в целом.

Быстровка-2

I. *Внутригрупповой анализ* при использовании F-распределения на данном этапе демонстрирует уже достаточную внутреннюю неоднородность «толстокостной» группы мужчин. Нетрудно убедиться, что в этот перечень признаков, по которым группа стала неоднородной, входят уже даже такие признаки-маркеры носителей широкоголового типа, как поперечный диаметр, ширина основания черепа, ширина затылка и высота орбиты. Это является показателем того, насколько далеко продвинулись за это время метисационные процессы, хотя в целом группа еще демонстрирует первоначально присущие этому типу черты, но уже в гораздо более сглаженном виде.

II. Основная группа, как уже отмечалось на более раннем этапе, тоже не является внутренне однородной. При этом индивидуальные расхождения внутри основной группы возросли и стали велики по столь большому количеству признаков по сравнению с Быстровкой-3, что это предполагает «вливание» извне представителей новых и distinctly отличных физических типов. Это подтверждается и тем, что внутренняя изменчивость по ряду параметров не могла быть позаимствована «толстокостным» и основным населением друг у друга (например, увеличение в обеих группах изначально малой высоты орбит).

III. Критерий Фишера демонстрирует для мужчин Быстровки-2 еще одну черту, отличающую их от Быстровки-3: при выделении контрастной «толстокостной» группы из общей серии мужчин показатель внутригрупповой неоднородности в основной мужской выборке становится не больше, а заметно меньше, что еще раз указывает на процессы метисации между широкоголовыми и остальным населением.

В итоге теперь, рассматривая всю группу мужчин Быстровки-2 и обе выделенные группы, уже необходимы несколько направлений объяснения внутренней неоднородности объединенной мужской серии: 1) неоднородность объединенной группы за счет, прежде всего, неоднородности внутри основной группы; 2) неоднородность общей группы из-за внутренней изменчивости в группе «толстокостных»; 3) неоднородность вследствие, прежде всего, контрастности «толстокостной» и основной выборок.

Интересно, что уменьшилось не только количество признаков межгрупповой изменчивости между «толстокостными» и остальными мужчинами по F-критерию, но и применение критерия Стьюдента свидетельствует в пользу минимальных различий между ними, с точки зрения биометрической статистики.

Таким образом, для мужской серии на стадии Быстровки-2 одновременно стали характерны:

– большая однородность (если иметь в виду соотношение «толстокостного» элемента и остальных мужчин);

– гораздо большая мозаичность признаков (если иметь в виду дальнейшую метисацию широкоголового элемента и появление гораздо большего количества контрастных черт внутри основной группы мужчин, что, возможно, объясняется более массовым притоком носителей иных физических типов в население, создавшее Быстровку-2).

В результате применения статистического анализа при интерпретации краниологических особенностей исследуемой серии на данном этапе работы наиболее существенными представляются следующие выводы:

1. «Толстокостная» и основная мужские группы существенно отличаются по целому ряду признаков, что подтверждает справедливость выделения «толстокостного» элемента. 2. «Толстокостные» черепа Быстровки-3 статистически однородны, а в более поздней группе очевиден процесс метисации. 3. Основная группа также характеризуется морфологической неоднородностью, которая со временем усиливается. Очевидно, это связано с сосуществованием нескольких

различных морфотипов. При этом предполагается более массовый приток носителей иных физических типов в население, создавшее Быстровку-2.

Библиографический список

1. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. 446 с.
2. Алексеев В.П. Новые данные о европейской расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 370–390.
3. Алексеев В.П. Очерки экологии человека. М., 1993. 191 с.
4. Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. 1958. №1. С. 45–49.
5. Алексеев В.П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая // КСИЭ. 1954. Вып. XXI. С. 63–69.
6. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984. 208 с.
7. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964. 128 с.
8. Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000. 371 с.
9. Беневоленская Ю.Д. Признаки черепного свода как маркеры различных уровней дифференциации рас // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб., 1991. С. 126–152.
10. Беневоленская Ю.Д. Проблемы этнической краниологии. Л., 1976. 152 с.
11. Беневоленская Ю.Д. Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа) // Историческая динамика этнической и расовой дифференциации народов Азии. М., 1988. С. 39–50.
12. Бородовский А.П., Орлова Л.А. Радиоуглеродные датировки Быстровского некрополя эпохи раннего железа из Новосибирского Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 287–289.
13. Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. С. 9–42.
14. Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 13–22.
15. Дремов В.А. Антропологические данные о древнем населении Обь-Иртышского междуречья (Усть-Тартасский могильник) // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 164–181.
16. Дремов В.А. Материалы к антропологии большереченской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1970. С. 99–108.
17. Лакин Г.Ф. Биометрия. М., 1980. С. 96–110, 270–290.
18. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Бары. Новосибирск, 1989. С. 33–102
19. Рыкун М.П. К вопросу о происхождении населения Верхнего Приобья раннего железного века (по материалам могильника Камень-2) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Томск, 2001. С. 303–305.
20. Рыкун М.П. Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (каменская культура) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. №2. С. 78–87.
21. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 183 с.

Научный руководитель – к.б.н., с.н.с. Т.А. Чикишева

Список сокращений

- АГКМ** – Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул)
АГУ – Алтайский государственный университет
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ПИМ – Государственный исторический музей (г. Москва)
ИА – Институт археологии (г. Москва)
ИАиЭт – Институт археологии и этнографии (г. Новосибирск)
КВК – культура валиковой керамики
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНСК – Международная студенческая конференция
НГУ – Новосибирский государственный университет
ПФА РАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
СА – Советская археология (журнал)
САИ – Свод археологических источников
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бобров В.В., Соколов П.Г.</i> Тенденции развития палеоэкономических исследований в археологии Западной Сибири (историографический аспект)	3
<i>Бобров Л.А.</i> Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего средневековья (XVII в.)	11
<i>Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А.</i> Поселение Саратовка-6	20
<i>Ишангали Сагындык.</i> Изображение коня в петроглифах Теректы Аулие (Центральный Казахстан)	29
<i>Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.</i> К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур	33
<i>Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е.</i> Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае	43
<i>Ковтун И.В., Горяев В.С.</i> Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиций	53
<i>Кондрашов А.В.</i> Погребения по обряду кремации сrostкинской культуры в лесостепном Алтае	64
<i>Кунгуров А.Л., Шмидт А.В., Шульга П.И.</i> Новый палеолитический микрорайон Алтая	73
<i>Лебедев А.М.</i> Некоторые аспекты применения результатов этносоциального мониторинга	86
<i>Мартынов А.И., Герман П.В.</i> Сакральная архитектура кургана (проектное моделирование в древности)	92
<i>Матренин С.С.</i> Впускные погребения Горного Алтая	98
<i>Мороз П.В.</i> Опыт выделения ведущих орудийных типов для объектов средней поры верхнего палеолита в западном Забайкалье (на примере стоянки Мастеров ключ)	107
<i>Никифорова И.А., Татаурова Л.В.</i> Планиграфия жилищно-хозяйственного комплекса русских Сибири XVIII–XIX вв. по данным археологии и этнографии	111
<i>Пушкарев Б.Б.</i> Психологический фактор во взаимоотношении этнографических групп на территории Алтайского края в первой трети XX в.	121
<i>Савин А.Н.</i> Классификация антропоморфных изображений искусства самусьской культуры	127

<i>Таскин Д.А., Мамкин А.М., Дробутушенко А.В.</i> Памятники раннемонгольской культуры на территории юго-западных районов Читинской области	132
<i>Тишкин А.А., Дашковский П.К.</i> Социально-политическая организация населения Горного Алтая скифской эпохи (по материалам исследований 1960–1990-х гг.)	134
<i>Фролов Я.В.</i> Староалейская культура (по данным погребальной обрядности)	149
<i>Чекрыжова О.И.</i> Образ орлиноголового грифона в искусстве степей и предгорий Алтая	156
<i>Шиготарова Т.Г.</i> Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая)	164
<i>Шмидт О.Г. (Лыжникова).</i> История создания монографии С.И. Руденко «Угры и ненцы Нижнего Приобья»	173
<i>Шпакова М.В.</i> Краниологические особенности мужских серий могильного комплекса Быстровка и их статистический анализ	176

Научное издание

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Сборник научных трудов

Редакторы: Л.И. Базина, Н.Я. Тырышкина

Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

*Среди участников РАЭСК-41
распространяется бесплатно*

Издательская лицензия ЛР020261 от 14 января 1997 г.

Подписано в печать 02.10.2001. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 22,0.
Тираж 400 экз. Заказ № _____

Типография Некоммерческое партнерство «Азбука»
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98А